

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ
ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

А П Р Ъ Л Ъ

1938

СО Д Е Р Ж А Н І Е

От Редакції

Ив. Шмелев. — Иностранец	5
В. Сирин. — Событіе. (Драматическая комедія)	43
И. Кнорринг. — Стихотвореніе.	105
Д. Кнут. — Из палестинскаго цикла.	106
А. Ладинскій. — Анна (стихотвореніе).	108
П. Милюков. — Роковые годы. (Из воспоминаній).	109
С. Лифарь. — Мои первые шаги в «Русском Балетѣ» Дягилева .	119
М. Алданов. — Рожé Мартэн дю Гар.	130
Е. Юрьевскій. — Измѣненія соціальной структуры СССР.	141
Б. Суварин. — Признанія в Москвѣ.	161
Х р о н и к а. — П. М.: Международное положеніе. — Л. О.: Этапы тихоокеанской проблемы. — А. Петрищев.: Дрейф папанинской льдины. — Важнѣйшія событія начала года.	171
Б и б л и о г р а ф і я. — П. Биццли: И. Бунин — «Освобожденіе Толстого». М. Вишняк: Plisnier — «Faux Passeports», Н. Авксентьев: «Bilan du Communisme». Л.: Gregory Bienstock — «La lutte pour le Pacifique»	198

Книги, поступившія для отзыва.

Объявленія.

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

А П Р Ъ Л Ъ

П А Р И Ж

1 9 3 8

« Русскія Записки », 51, rue de Turbigo, Paris.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Начиная с апрельской книжки, «Русскія Записки» будут выходить ежемѣсячно. вмѣстѣ с тѣм нѣсколько измѣняется и характер журнала. От типа традиціоннаго «толстаго» журнала стараго времени, — традиція, которая доблестно и успѣшно поддерживается нашимъ собратомъ, «Современными Записками», — ежемѣсячныя «Русскія Записки» предполагаютъ перейти къ типу, приближающемуся къ обычнымъ иностраннымъ **Revue** с подборомъ статей преимущественно актуальнаго и інформаціоннаго характера. Освѣдомленіе о томъ, что происходитъ на нашей родинѣ, остается, конечно, ближайшей задачей журнала. Цельъ указанной перемѣны — сдѣлать журналъ доступнымъ и интереснымъ для самаго широкаго круга читателей на всемъ широкомъ пространствѣ русскаго разсыпанія, включая Новый Свѣтъ и Дальній Востокъ.

Эти нововведенія не означаютъ, конечно, что «Русскія Записки» предполагаютъ измѣнить свое направленіе. Онѣ останутся попрежнему органомъ русскаго демократическаго мнѣнія, не представляя однако же какой-либо отдѣльной политической партіи и не дѣлая своей задачей проповѣди какой-либо политической или «міровоззрѣтельской» программы. Опытъ показываетъ, что детальная полемика на темы этого рода мало интересуетъ широкіе круги читателей и даже не всегда для нихъ понятна. «Русскія Записки» не предполагаютъ занимать читателей междупартійными спорами. Это, разумѣется, не исключаетъ — въ предѣлахъ демократическихъ воззрѣній — выраженія отдѣльных мнѣній компетентныхъ лицъ в тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о живучихъ вопросахъ современности, по которымъ неизбежна свобода высказываній.

Интересъ читателей, разумѣется, не ограничивается кругомъ вопросовъ, касающихся одной только русскаго эмиграціи. «Русскія Записки» постараются держать своихъ читателей в курсѣ очередныхъ вопросовъ политики, экономики, философіи, литерату-

ры, искусства, естественных наук и т. д., имеющих мировое значение. Главнѣйшим новым явленіемъ в этих областяхъ будетъ посвященъ библиографическій отдѣлъ; краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ мѣсяца составятъ содержаніе отдѣла хроники.

В отдѣлъ беллетристики, которому будетъ посвящена половина журнала, редакція постарается дать мѣсто, помимо извѣстныхъ и заслуженныхъ дѣятелей русской литературы, также и молодымъ дарованіямъ, не превращая, однако, и в этомъ случаѣ журнала в арену состязанія борющихся теченій.

Соответственно новымъ заданіямъ измѣняется и редакція журнала. Редакторомъ «Русскихъ Записокъ» становится П. Н. Милоковъ. Секретаремъ редакціи — М. В. Вишнякъ. Эти имена опредѣляютъ, в зависимости отъ указанныхъ выше общихъ заданій, и приблизительный составъ сотрудниковъ обновленнаго журнала. Редакція надѣется привлечь къ сотрудничеству и новыхъ участниковъ, могущихъ содѣйствовать достиженію поставленныхъ ею цѣлей.

ИНОСТРАНЕЦ

Во второй половинѣ сентября сезон на Серебряном Берегу закончился.

В Біаррицѣ еще шумѣли ночные кабаки и прочія заведенія, гдѣ развлекали себя отдохавшіе от кипучих дѣл богатые иностранцы, — американцы, англичане, шведы, аргентинцы... — разбухшіе от войны и швырявшіе деньгами без счета. В предутренній, неурочный час платили еще сотни франков за бутылку шампанскаго, просаживали в баккара милліоны за одну ночь и бросали боярышнѣ-пѣвицѣ за грустно - лихую пѣсню сотняжку франков "натшай". Еще докучивали штандартные Чарли-Фрѣди, наслѣдники чикагских свинобойцев, сапожных, хлѣбных и всяких американских королей, носившіе на тяжелых лицах громкій отцовскій титул — "сэльв-мэд-мэн", "сам-себя-сдѣлавшій", тянули неслыханныя смѣси разной опойной дряни, задирали коневьи ноги, орали пѣвцам-казакам — "ан-кор...паматьюшка-павольга!.."—и порой пьяно плакали над чѣм-то, растревоженные невнятной пѣсней людей в "шэркэска". Но и здѣсь чадная буря утихала, — начинался подсчет доходов.

А в лѣсном городкѣ у океана, в тѣ годы еще негромком, с атласным пляжем, гдѣ воздух — сосна и море, — сезонное оживленіе заглохло. Убрали с пляжа веселья палатки, прибрежные отели позакрылись, и баскскіе молодцы -беньеры посиживали в кафэ за своим бѣлотом, рѣзались у фронтона в мяч и вспоминали - врали забавные случаи сезона. Пустой океан подремывал, похлестывал в пѣнные берега. Над мыльно - зеленоватыми валами тянули

свои цѣпочки черные нелюдимые бакланы. Одинокю на берегу чернѣла выброшенная сентябрьским штормом безвѣстная шхуна « Mi Unica » — с пробитой грудью, крѣпко затянутая песком.

Послѣдним закрылся розовый отель “Сосенки”, Луи Пти Жако, по прозванію “Корнишон”, — за пупырчатый лоб и низкорослость, — виноторговца - трактирщика из Бордо. Отель стоял на ударном мѣстѣ, с вольным видом на океан, работал первый сезон и прославился “пляжем” на плоской крышѣ, — нововведеніе, которым хозяин особенно гордился и называл его — “верхній пляж”, — для слабых и лѣнивых. Гордился и названіем отеля — “Пти Пэн”. Перед отелем росли три чахлыя сосенки, пригнутыя зимними вѣтрами, и получалась забавная игра слов: Пти Жако — Пти Пэн. Закрытіе задержалось из-за того, что зажи-лась большая англійская семья, очень почтенная, общавшаяся и на будущій год вернуться и привезти другую англійскую семью. Дѣла торопили его в Бордо, но из уваженія к таким кліентам Пти Жако рѣшил отложить закрытіе. Семья, наконец, уѣхала. Пти Жало отпускал послѣднюю прислугу и собирался с женой в Бордо, как случилось одно событіе.

Был свѣжій, яркій осенній день. Океан снѣжно пѣнил-ся у песков, плескал серебром на дюны. Воздух был напоен смолою и крѣпкой горечью дюнных трав, заглушавшей дыханье океана. Перед послѣдним завтраком в “Сосенках” Пти Жако поднялся на “верхній пляж” прощально полюбоваться видом и покурить в лонг-шезѣ, со счетной книгой, гдѣ круглое сальдо ласкало глаз, — как позывающе захрипѣл мощный кляксон машины. Пти Жако поднялся и поглядѣл. Перед отелем стоял шикарнй, сильный паккар, первокласнаго біаррицскаго отеля, — в таких ѣздят лишь самые первоклассные кліенты. В машинѣ сидѣл господин основательнаго вида, с внушительно - каменным лицом, с крѣпкой осанкой иностранца, — американца, почувствовал Пти Жако по каким-то особым признакам. Появившійся на

позыв портье, уже снявшей свою ливрею и похожий теперь на голодранца, — Пти Жако неприятно поморщился и привычно подумал — “глиста несчастная!” — потянулся к фуражкѣ, которой не было, и почтительно объяснил, что отель закрылся до будущего года и принять, к сожалѣнію, не может. Но иностранец, не слушая, увѣренно вышел из машины и на каком-то ужасном языкѣ выбросил два - три слова, что-то похожее на — “сами лючи... видѣль... океан”. Пти Жако хотѣл - было крикнуть с крыши, что, к сожалѣнію... и так далѣе, но удержался, мгновенно сообразив, что с крыши неприлично, особенно перед таким кліентом. Он только смотрѣл недоумѣнно, как иностранец, развалисто разминая ноги, пристукивая тяжелой тростью, пошел к отелю. Портье забѣжал почтительно и распахнул дверь настежь.

Пти Жако сейчас же скатился вниз и поспѣл встрѣтить иностранца на первой ступенькѣ лѣстницы. Он уже приготовился особенно элегантно объявить, что его отель, к величайшему сожалѣнію... — но каменное лицо повелѣвало: “сейчас же, самое лучшее”. Пти Жако совершенно растерялся и вдруг позабыл слова. “Никогда в жизни со мной ничего подобного не случилось!” — рассказывал он послѣ. Он побѣжал вперед и открыл лучшей из салонов, в бель-этажѣ, стремительно распахнул всѣ ставни и предложил всей фигурой глубокое кожаное кресло. Иностранец невнятно хрипнул, повел бѣлобрысыми бровями и дернул челюстью; и тяжело погрузился в кресло, вытянув - раскорячив ноги в прочно сработанных штиблетах, в крутых шерстяных чулках, — крѣпко - спортсмэнской марки. Все на нем было вѣско, свободно, прочно. Крѣпкія ноги — отдыхали, руки засунуты в карманы, открыта у ворота рубашка, по-лѣтнему, привольно. Но лицо оставалось неподвижным, непроницаемым. Оно все же что-то говорило, и Пти Жако по-своему перевел эту непроницаемость и важность: “мнѣ нравится — и баста”. Это ему польстило, мелькнуло что-то, задорное... — но тут же с досадой вспомнил, что отель закрывается, и ему нужно сейчас в Бордо. И принялся почти-

тельно об'яснять, изыскивая слова, что он очень польщен вниманіем, понимает толк в людях, и бесѣдовать на-юру в вестибюль... точнѣе сказать — в холлѣ, не так удобно... — “но, видите ли, такая ужасная досада... как раз сегодня, и...” Иностранец повел бровями, вскинул их по-совиному, достал голубой платок и звучно - слезливо высморкался. Потом вытянул кожаный кисет и трубку и принялся заряжать неспѣшно. Пти Жако шустро подставил столик для куренья.

— Очень сожалѣю, м и с т е р ... — продолжал он предупредительно и даже виновато, — пожалуйста, курите, отдохните и... вообще... но, к величайшему огорченію...

— Сода - виски... — выпустил иностранец через трубку и повернулся удобнѣй в креслѣ — на океан.

Пляжа не видно было. И ничего, кромѣ пустого океана, не было: будто на пакетботѣ, из салона.

Пти Жако знал этот пуан - дэ - вю лучшаго своего салона и очень гордился им, но Бордо его беспокоило. Он поклонился свѣтловолосой, с просѣдью, крѣпко посаженной головѣ иностраннаго чудака и поспѣшил узнать от знакомаго ему шоффера, почему этот иностранец облюбовал его “Сосенки”, и в чем, вообще, тут дѣло. На лѣстницѣ ему попалась уже отпущенная Розет, веселая, с розами во всѣ щеки, спѣшившая к жениху в Тулузу, и он попросил веселую стрекозу подать поскорѣе иностранцу в “морской салон” — на мельхіоровом подносѣ! — сода - виски, как подавалось англичанам, с анисом и мятными лепешками. В холлѣ он увидал оживленную кучку лиц.

Шоффер биаррицкаго отеля, большеротый болтун Жюстин, сіял бѣлоснѣжным балахоном и широченным диском своей фуражки, размахивал руками в оранжевых отворотах отельной марки, — рассказывал что-то, видно, сенсационное. Перед ним стояла мадам Пти Жако, сложив, точно на молитву, руки и закатив восторженные глаза, и по этому одному Пти Жако сразу опредѣлил, что тут нѣчто необычайное. Тут же стоял обмызганный портѣе, “эта

глиста несчастная”, смотрѣвшій Жюстину в рот с таким напряженным видом, словно вот - вот из этого лягушачьяго ротищи выскочит страшно - важное, и как бы не упустить его. Торчал тут же и лопухий Жеромка - поваренок, задравъ голову в колпакъ и разинув рот. Жюстин-плут — “нос, как у фараона!” — видимо, был в ударѣ послѣ хорошаго аперитива: закидывал головой, пырял пальцем, растягивал лягушачьи губы и щурился от щекотной нѣги, как ящерица на солнышкѣ. Его жуликоватые глаза были налиты смѣхом и чѣм - то еще, таинственным. Пти Жако сразу разбил очарованіе:

— В чем тут дѣло, Жюстин... почему ты е г о завез ко мнѣ? ты же отлично знал, что отель закрывается, и по-ихнему понимаешь... почему ты не объяснил, и что это за тип, и... вообще, в чем дѣло?.. — закидал вопросами чѣм - то встревоженный Пти Жако.

— Ты послушай, что говорит! — восторженно повела глазами мадам Пти Жако и привычно поправила на мужѣ галстук. — Совершенно необычайный тип... какой - то полумный!... Знаешь, сколько ставят ему за километр... ну, как ты думаешь? По се-эмь франков!! За прошлый мѣсяц е м у настукали... как ты думаешь...?!

— Ничего я не думаю, чорт возьми! — с чего-то разстроился Пти Жако.

— Больше шести - десяти тысяч! и это только по мелочам... по-думать!..

— Что-о?!... — привскочил даже Пти Жако, и галстук его подпрыгнул, — шестьдесят тысяч за... километр! за... Но, вѣдь, это же, наконец, грабеж! это же... это чорт знает что... Врет старый плут, фантазиі... Нѣт, серьезно, любезный друг...?

— На что серьезнѣй... самый американскій стиль! — хвастливо сказал Жюстин.

— И заплатил? наличными?...

— По-ихнему, чеками, понятно. И не вздохнул. Да е м у

плевать на это, шестьдесят тыщ! Он три тыщи семьсот за апартаменты в день платит... эти деньги у них карманные, мелочишка.

— Нѣтъ, Луи, ты послушай, ты послушай, какая тут... Этот ловкач, разумеется, никогда бы к нам не завез такого жирнаго каплуна, — понизила голос мадам Пти Жако, игриво грозя Жюстину пальцем, — если бы не захотѣл сам каплуна!..

— Са...ам...?! он, захотѣл, сам, ко мнѣ?!.. — выпучил глаза Пти Жако и потер заблестѣвшій лоб. — Ничего я не понимаю... как, почему... что за исторія... — тер он пупырчато - сизый лоб, стараясь что-то сообразить. И вдруг засіял в улыбках. — Вот что, дорогой Жюстин, старина... как раз на проводы, сейчас с нами позавтракаешь, устрицы обновим, пока тот покуривает... и сода-виски... Но это, знаешь... вот это так - удар - чик! Да он, что же это... с "начинкой"?.. — понизил голос и поглядѣл на лѣстницу Пти Жако. — Ты вострый, плут - старина... у тебя глаз-то наполеоновскій, как по-твоему, с "паучком"?

— А чорт его разберет. "Паучок", понятно, имѣется... да это что! А вот, есть у него... — пощелкал Жюстин языком и пальцами и подмигнул игриво, показывая этим, что у него есть, что поразсказать, — такое закрытил..!

Прибѣжала запыхавшаяся Розет, корчась от разбиравашаго ее хохота, и прыснула в ладони.

— Что? что такое?.. — устремились к ней Пти Жако.

— Он уж располагается... и чемоданы велит, и самое лучшее порто, и свѣжее яйцо, сахару...сам будет коколямоколямо!.. — покатывалась она, перегибаясь от хохота. — Что же ему сказать? Я немножко могу по-ихнему, англичанки меня учили... сказала, что закрываемся, а он только рукой махнул, стал свистѣть.

— А, деревня..! Пстой, ничего не понимаю... Жюстин! — взялся за голову Пти Жако, стараясь что-то сообразить, — сказал ты ему, что отель закрывается, и..?

— Как же не говорить, сто ему раз твердил, туполобому. Мнѣ же пріятнѣй имѣть его при себѣ, проценты с отеля выгоняю и прочее гоню, понятно. Поговорите-ка с ним сами, мосье Луи, тогда узнаете. Надо знать, в чем тут самая загвоздка. Такое дѣло, что... Ловкачка одна, дѣвчонка, а, может, и не дѣвчонка, а цѣлая мадам, русская пѣвичка из “Кремлэн д-Ор”, назначила ему здѣсь рандэву. Ну, теперь понимаете?

— Ни-чего не понимаю... здѣсь? у меня... в “Пти Пэн”?!... — Пти Жако обвел окружающих глазами, и в этом взглядѣ было и изумленіе, и гордость.

— Уж раз говорит Жюстин — вѣрьте. И он теперь окончательно одурѣл. Вам рассказать все стильно — опять не повѣрите. Мы с ним три дня крутились, всѣ Пиренеи обкатали, по всѣм курортам и санаторіям, гдѣ только не были. Да т у разыскивали...

— Не понимаю, ни-чего не понимаю...

— Какая-то галлюцинація! — воскликнула мадам Пти Жако, в восторгѣ.

— Чорт их поймет, этих иностранцев... путаники! — самодовольно сказал Жюстин.—Пряталась, что ль, она от него, или думает разыграть получше, только залетѣла в самую высоту, на льды!...

— На льды-ы?!... — восхитилась мадам Пти Жако, а сам Пти Жако сказал:

— Романы бы тебѣ писать в газетах. Прошу тебя, говори серьезно, а это побереги для Бордо, там у меня слушаем.

— Факт! — вскинул Жюстин плечом, приподнял широченную фуражку - диск и галантно раскланялся. — Именно, на льды. Прикатываем, наконец, к чорту на-кулички, в этот, как его... комфортабельный самый санаторій, холодом вот гдѣ лѣчат, чахоточных..? Да, прозывается “Эдельвейс”. Это повыше будет того, как его... пик-то вот этот гдѣ... там виражи такіе, с моим паккаром не развернет, другой кто... только мое искусство! самого маршала Жоффра возил не

раз, очень доволен оставался, любил рискнуть. А э т о т и не глядит на пейзаж, только знает свое — “плю-вит”! Так чесали... эх, думаю, разобьем машину, американская голова прощай! Прикатываем под облака... о н сейчас бумажками шевельнул в бюро — всѣ телефоны зазвонили... — стой, е с т ь! Тут-то мы и накрыли птичку. И вдруг...

— Постой, ничего не соображу... Значит, так... — соображал что-то Пти Жако, — все планомѣрно надо. Розет, порто е м у... на верхней полкѣ которое, во втором ряду справа, еще англичанам подавали. Погоди... яйцо у мадам Сабо, с гнѣзда чтобы. Вещи... только и всего? — оглянул он два мѣрных чемодана, свиной кожи, с бронзовыми оковками.

— Это что с собой только прихватили, для охоты за т о й, а все в отелѣ у нас... третій мѣсяц у нас стоит, а к вам на побывку только.

— Ну, накрыли птичку... ну, и что же? — горѣла от нетерпѣнія мадам Пти Жако.

— Да погоди ты, с “птичкой”! — закипѣл Пти Жако. — Теперь как же..? Мы же закрываемся, чорт возьми! Надо это все обяснить...

— Закрывайтесь - не закрывайтесь, а е г о уж теперь, шалишь, не выставишь. О н ваши “Пти Пэн” в книжечку вписал, только ему т а сказала... и мнѣ от’взжать велѣл.

— Да т а - то откуда знает мои “Пти Пэн”? Впрочем, меня всѣ знают. Говоришь — русская? Кто же у нас... русская... Матиль? не помнишь?

Мадам Пти Жако не помнила. Если она не помнила, это значит, что никакой “русской” не было.

— Да их и не признаешь, русских, — сказал Жюстин. — Т а и за англичанку, и за американку вполне сойдет, так чисто говорит - играет — не отличить. Онѣ по-всякому могут говорить, сколько я прошибался, а уж виды, кажется, видал. Русскія женщины, могу сказать... такого стиля, — на всякіе фасоны: и княгини, и графини, и принцессы,

и... чорт их, откуда берутся только! А уж про стиль и говорить нечего, — модерн!

— А постой... — перебила мадам Пти Жако Жюстина, — одна, впрочем, помнится мнѣ, была..? Да, да, я теперь ясно вспоминаю... была, с шоффером из Сэн - Жан - дэ - Люс. Он в замасленном балахонѣ, а она элегантная такая... сѣли прямо под перголя и просят завтрак. Естественно, всѣ обратили вниманіе, т а к а я пара! У нас англичане, почтенное семейство, так были аффрапированы... и молодья дѣвушки у них... а тут, со с в о и м шоффером! Тут я сразу и поняла, что это русская, всѣ онѣ чуточку “дэтракэ”, с этикой не считаются и приличій не понимают. Влѣз он, балахон в маслѣ, сѣли, т а его за руку все брала и в глаза ему так глядѣла... ну, совершенно неприлично в нашей обстановкѣ, и англійскій тон, и... Так вот и вижу их. И, помню, чтобы от них избавиться, предложила им под наши сосны, гдѣ больше воздуху, там им и подавали. Если это т а... да, она о-чень элегантна.

— Ничего себѣ, вид имѣет, стиль, линія... и осанка такая, цѣну знает. Может, и из принцесс. Сто-ой-стой-стой... я помню того шоффера... Говорите, из Сэн - Жан - дэ - Люс? Нѣт, тот, кажется, байонскій. И т а с ним катывала, вниманіе обратил. Полковник, будто, а совсѣм еще молодой, лѣт тридцать, черные усики...

— Вѣрно, черные усики... синіе, кажется, глаза. Я еще подумала — красивый молодой человек, а как неряшливо одѣвается.

— Синіе ли глаза — не знаю, а парень ничего, в стиль. Ну, теперь все понятно.

— Ни-чего не понимаю... о чем разговор? — все о чем-то раздумывал Пти Жако. — Ну, идем завтракать, дружище...

Завтракали в бюро: и семейная комната хозяев к от'ѣзду была закрыта. Но стол был парадно сервирован: послѣдній в сезонѣ завтрак. Жеромка отмѣнно постарался, — хозяин нанял его в Бордо. Жюстин даже потер руками

— фу-ты, какая роскошь! Кардиналом пылал омар, салат изумрудно маслился, цѣлое блюдо устриц, холодная пулярда, осеніе персики — каталонскіе, виноград - малага, и самая настоящая малага, и вэн-дэ-сабль, и гато с фруктами. Над чѣм потрудиться — есть.

— Так ты, старина, говоришь...

— Говорю, знать все надо. Поразсказать вам — сразу понятно станет. К тому-то о н а и укатила! к своему шофферу, будто он в санаторіи. Аэ т о т прицѣпился. Ну она э т о г о и крутит, между прочим... взбалмошныя онѣ, я знаю. А может и насмѣх, сказала про рандэву у вас, чтобы не насѣдал, скандал может получиться, шоффер-то узнает если. О н уж очень напористый, американец-то. Е г о-то завертѣла в Біаррицѣ, а шоффер ее требует к себѣ, заболѣл, в санаторіи, ревнует... ну, она туда сюда виль - виль, а э т о т напролом, на льдах достанет... Ну, скандала перепугалась... вот вам и рандэву. А может и для пополненія бюджета, и э т о г о хочет попридержать. Есть чего подержать. За ваше здоровье, мадам Пти Жако...

Пти Жако все соображал, растирая на лбу пупырки. Мадам Пти Жако сказала:

— Теперь ясно: двойная игра! Но это не наше дѣло, каждый отвѣчает перед своей совѣстью... — она была твердая католичка. — Как же, Луи, теперь?

— Совершенно выяснено одно: о н будет е е здѣсь ждать. Та-ак...

Он позвонил портье.

— Чемоданы внести, и... помоги м и с т е р у... что надо, Постой... Как по-твоему, отложим отѣзд до завтра..? — взглянул он нерѣшительно на жену и увидел по ея глазам, что это-то именно и нужно. — А ты... — поморщился он на обдерганнаго портье, тут же рѣшив, что к новому сезону возьмет человѣка посолиднѣй, а не “глисту”, — сейчас же надѣнь камзол, руки вымой... волосы у тебя какіе...! Отель работает.

Послѣ солиднаго аперитива, повтореннаго, и повтореннаго еще раз, послѣ отборных аркашонских устриц — “премьер”, сентябрьских, — из личнаго запаса, взятаго для Бордо, покрытых бѣлым вином, крѣпко сухим и в точную мѣру терпким, так называемым — “песочным”, мѣстным, — этим славится городок, — Жюстин окончательно развязал язык.

Не стоит и говорить о какой-то его любезности, о вниманіи к почтеннѣйшему мосье Луи, славному Пти Жако. Всѣ только и говорят о нем и о первѣйшем его отелѣ с “пляжем”, — и в Аркашонѣ, и в Леонѣ, и в Сустонѣ... даже в Біаррицѣ и в Байонѣ... и, если хотите знать, по всѣм даже Нижним Пиренеям. Гдѣ только не крутились они с этим американским типом! За три дня настучали больше тысячи двухсот... Каких там франков... точнѣйших километров, по клейменому счетчику! Да, за девять тыщ перевалило, мосье Луи знает таблицу умноженія.

— Вот это так - уда-рчик!.. — чокался Пти Жако, и носатый Жюстин - мошенник казался ему теперь самым приятным человѣком.

Мадам Пти Жако уже успѣла переодѣться, смѣнив дорожный костюм на голубой муслиновый капот, который, правда, слишком пышил ее, но и молодил, придавая глазам цвѣт моря. Она слыхала, что американцы любят солидное, а голубые глаза особенно. Сѣрый костюм Луи казался ей легкомысленным, и она успѣла ему шепнуть, что приличнѣе бы визитку и синій галстук. Жюстин, напримѣр, умѣет одѣться джентльмэном. Жюстин, дѣйствительно, был великолѣпен, во всем спортсмэнском, сѣровато - зелено - клѣтчатом, в мягкой фланелевой рубашкѣ, с игривым галстучком.

Никакого недоразумѣнія и быть не может. Он собственными ушами слышал, как та дѣвчонка... — а, может, и мадам! — крикнула второпях — “ну, хорошо... измучена я... ну... розовый отель в Х... “Пти Пэн”... дня через три - четыре!”. Дѣйствительно, довертѣлась, лавируя между

двух огней. Блѣдная, лица нѣтъ, и губы забыла навести, здорово как прищучил. Т о т сейчас в книжечку — чик, готово, Факт! Как е й не знать, все знает. Эти прожженные русскіе че-го не знают! По всему свѣту рыщут, как бродные цыгане. Татарскій народ, — монголы и казаки. И здѣсь скакали? Это они умѣют. И поют здорово, только без аккуратности. Начнут, словно кюрэ на панихидѣ, а под конец так пустят, будто их черти лупят.

Жюстин заливался соловьем, но мосье Пти Жако интереснѣй было узнать про иностранца.

Чистѣйшій американец, нельзя чище: и жвачку свою жует, и челюсть, как полагается, ослиная, и поверх головы плюет. А внутри... чорт его разберет, с секретом. Будто лѣсами занимается, а пріѣхал из Индіи!

— Из И-ндіи?! — изумилась мадам Пти Жако, — но почему из Индіи?...

По справкам дирекціи отеля. На чемоданах налѣплено... мѣста живого не осталось: и Коломбо, и Сингапур, и Индія, и Мельбурн, и Александрія, — и все самые первоклассные отели.

— И вдруг... к нам, в “Пти Пэн”! Странно...

— Ничего страннаго! — вскинул плечами мосье Пти Жако. — Будут и из Новой Зеландіи пріѣзжать... странно! До сих пор не написано в Париж... Изволь написать кузинѣ Эмми, чтобы организовала в Декоративной Школѣ мой конкурс на нашу марку, как я установил: премія триста франков, моя идея — золото и лазурь... впрочем, не золото, а серебро, — “Кот д-Аржан”! И чтобы непременно “ударчик” был... ну, они там придумают. Эти пестрые ярлыки, всяких этих “Паласов” и “Кристаллей”... Стой, старина... иде-я! Дюна, сосна, и... эдакій “американец”, с трубкой, рожа зубастая, и дым из трубки, как облака, и в облаках — мой “Пти Пэн”! А, вѣдь, недурно, а? Лѣсами занимается, говоришь?

Лѣсами. Всѣ американскіе лѣса у него в карманѣ, лѣсной король. А ничего точно неизвѣстно. Занял аппарата-

менты, гдѣ останавливаются только магараджи да шах персидскій, да король Сіамскій, да... Прописано — “из Торонто”, только. Мистер Эйб Паркер, президент Лѣсной Компаніи. Разныя “лѣсныя компаніи” бывают. В прошлом году тоже прописали “президента”, а он настоял на пятнадцать тысяч и испарился, а в чемоданах одни кирпичи в газетах. Дирекція навела секретныя справки в главном американском банкѣ — “чего он стоит”. Отвѣтили за чеки — “без ограниченій”!

— Без ограниченій?!.. — понизил Пти Жако голос и осмотрѣлся по сторонам. — Но, если на... милліон?..

— Без ограниченій. За два мѣсяца ни разу не замѣтили его с женщиной. Лѣт так под пятьдесят, но крѣпок и свѣж, как первая редиска. Пьет как лошадь, и ни в одном глазу. И не играет. Но есть нѣкая загвоздка: и щ е т !

— Ищет?.. что же он ищет..? — спросила взволнованно мадам Пти Жако.

Жюстин только пожал плечами.

— Натурально, п р е д м е т... по мѣркѣ.

— Боже, как это... но это ужасно романично!

— Это что, романично... драматично, скажите лучше! — болтал Жюстин, чувствуя, что в ударѣ. — У меня глаз наметан. Тут... может быть, драма назрѣвает. А что вы думаете? Нюх! Весной был здѣсь г. директор Комеди Франсез, я подавал машину. Ну, разговорились по душам, аперитивы, завтраки с ним в горах... и говорит: “эх, мосье Жюстин, вам бы к нам, какого бы Сганареля мы дали публикѣ!” Говорю — мог бы и Тартюфа дать. Но... мечта всей жизни... Эрнани или... как его Рюи - Блаза! Трагическій нюх во мнѣ. И этот иностранец... п а х н е т. Были в Тарбѣ, что-то он там разыскивал. Заходил в мэрію, искал все какое-то семейство... Ошэ, или — Кошэ..? Говорят, лѣт сто, как род пресѣлся. Показали мѣсто, гдѣ был дом, как раз у церкви. С планами ходили, комиссіей. А там бистро. Три дня с ним пробыли. Все ходил, один. Тут - то я и примѣтил, как он прикидывает... же-нщин! Всѣх переглядѣл. На база-

рѣ тоже... Зашел к фотографу, — Тарб, сразу всѣ и узнали. Затребовал альбом, архивный, переглядѣл. Выбрал одну, чуть ли не с дагерротипа, старинную. Торговка, рыбничи-ха с базара. Купил. Стали искать торговку, а она лѣт со-рок, как померла. Чудила.

— Да тут, прямо... “Три мушкетера”..! — мечтательно вздохнула мадам Пти Жако.

— “Три мушкетера” пустяки. Если из литературы, так... гдѣ это про бѣлую козу? Хуже, чѣм “Тайны эшафота”. И щ е т. Может, по всему свѣту ищет, чего не поте-рял. У них особыя фантазіи, у американцев этих. Всѣ го-родки обѣздили, и по горам, и в ландах. Все добивался по исторіи: гдѣ тут англичане в старину стояли. Ну, всѣ секретари-архивники справки ему давали. Как какая справ-ка, чик — и чек. В Сэн-Вэнсэн попали, на ярмарку скота, со всей округи наѣзжают. Все бродил, прицѣливался к бабам...

— Может, он с “трещинкой”? — замѣтил Пти Жако, — как его “чердачок”-то?

— Есть, понятно. Ёздили по ассамблеям. В сентябрѣ тут повсюду ассамблеи, парни невѣст выцѣвливают. Все прознал, — ту-да. Обще там обѣды, как в старину, всѣ за один стол садятся. И о н присядет, выцѣливает, тоже. Уго-щал, понятно. Думаю — что такое? бабник...? Примѣчаю. Раз горничная и накрыла, у нас в отелѣ. Как-то о н прома-зал, не убрал. Входит убирать, цоп!... — а-льбом! Женщи-на, сейчас это открыла... — цвѣтник! И все мадамы и дѣв-чонки. И все — на один фасон. Говорит, — свѣтлыя ша-тѣнки. А глаза — яркіе, в сіяньи. Крра-сса-вицы-ы!... Ду-маю себѣ: стой, Жюстиц, к докладу! У меня пріятель, по-мощник комиссара нравов. Разговорились. Он и говорит: а не главный ли о н агент... по “этому товару”? Говорю — чеки без ограниченій. Это, говорит, ничего не значит, у гангстеров тоже без ограниченій. А если... для какого важ-наго гарема, для магараджей... в Индіи-то о н мотался...?

— Я так и думала! тут, несомнѣнно, что-то ужасно кри-

минальное... — начала, было, мадам Пти Жако в волненіи, но перебил Пти Жако:

— Говоришь... три тысячи семьсот в день? в Біаррицѣ платит?... А сколько комнат? Двѣ спальни... так. Салон, маленькій салон... так.

Пти Жако что-то соображал с блокнотом. На его лицѣ горѣли пятна. Взгляд устремлен куда-то, в пустую точку. Вошла Розет.

— Что о н, как? — спросила мадам Пти Жако.

— Курит и глядит на море. Ставлю сода-виски... как он че-люстями на меня!... и головой вот так... так напугал...!

— А, знаю, это у него тик такой... — сказал Жюстин. — Бывало, за спиной как скрипнет, зубами так... Сначала и я боялся — ну-ка, на него накатит, да чѣм-нибудь в затылок! Раз, на ассамблеѣ, тоже... так и шарахнулись дѣвчонки.

— Ты слышишь? — сказала мадам Пти Жако тревожно, — а если что случится... ты подумай!

— Ну, что, что, что...? — крикнул Пти Жако, — что случится?...

— Мало ли... Ну, а вдруг он... опять “Джек-Потрошитель”? В Англии, когда-то... Американцы — тѣ же англичане!

— А-а... причем тут американцы? А у нас Ландрю!... Начиталась дурацких фельетонов, пора бы уж...! Просто, у него... двойная жизнь. Нас это не касается. Платит — и все в порядкѣ. Один кюрэ был двойной, прокурор даже был двойной, а знаменитый один ученый фальшивыя бумажки дѣлал. В Біаррицѣ не боятся.

— Ну, а вдруг о н... сожжет отель?

— Премію получим. Вкатим иск... “без ограничений”!

— Знаешь, Луи... лучше бы о н сейчас уѣхал...?

— Ты е го за-ставь уѣхать! Впустили, так уж...

— Стал на якорь крѣпко, теперь уж... Вы дальше слушайте... — торжествовал Жюстин, довольный, что захва-

тил рассказом. — Выцѣливал, примѣривал, и... напоролся!

— Звонит... не слышишь? — крикнула мадам Пти Жако Розетѣ. — И жутко, и... Шум, кажется...?

— Все тебѣ ка-жется!... — сказал с раздраженіем Пти Жако. — Я не настаиваю. Завтра объяснимся... Не могу же я его вышвырнуть! Я предупредил, завтра уѣдет, если уж так... — досказал Пти Жако плечами, налил вина и жадно выпил. — Пей, Жюстин...

— Нѣ-эт, теперь о н не уѣдет, нѣ-эт... — растянул от удовольствія рот Жюстин и облизнулся, — крѣпко засѣл, не выдрать, забуксовал.

— Как же о н... напоролся? — допытывалась мадам Пти Жако.

Розет вернулась:

— Требуется завтрак. Ничего, ласковый.

— Ла-сковый? — удивилась мадам Пти Жако и просяла. — Что же о н... как ласковый?

Розет усмѣхнулась хитро.

— Да подошел ко мнѣ, и в глаза мнѣ так... и спросил, ласково: “ты откуда, миленькая какая?” Я понимаю, все-таки, у англичанок наловчилась. Сказала и м — из Тарб. Так и шатнулся, и ртом так, а ничего, нестрашно. Сколько мнѣ лѣт, спросил. Скучно так посмотрѣл... и вот, двадцать пять франков, ни за что!

— Ого! — выбросил Пти Жако, как выстрѣлил. — Вот те и на дорожку. Да, завтрак...? Салат, пулярда... и все, все, все, что... Скажи Жеромкѣ — мюж под бѣлым соусом, да попараднѣй! Постой. Сбѣгает к Дюкло, лангусту... у него есть... Скажешь — отель закрыт, а завтра, что угодно. Если пожелает, американцы любят поострѣй, можно к обѣду буйабес, ну... наше, спесіалитэ-дэ-ля-мэзон — жиго по-баскски... вино...? Это я сам уж с н и м. Гастона отпустили, ловко умѣл потрафить англичанам. Он еще в городѣ... позвать, как думаешь? — взглянул он на жену.

— Если на два-три дня — пожалуй.

— Шанс, мсье Луи! — подмигнул Жюстин. — Здорово устриц любит.

— Устриц, Розет, у-стриц! — закричал Пти Жако Розетъ, которая уже была на лѣстницѣ. Сам побѣжал за ней. — Из моего запаса, и вэн-дэ-сабль! Да пощустрѣй ты с ним, не будь деревней, не бойся, глупая, тут и на приданос зацѣпишь...

— Да уж не вам чета... только наобѣщали, а...

— Пріѣзжай в Бордо — получишь.

— Ждите... — подразнилась языком Розет и полетѣла вѣтром.

Пти Жако вернулся и возбужденно выпил.

— Жюстин, за твое здоровье. Ну, так — напоролся...?

— Забуксовал. Только с т о й вряд ли у него что выйдет. Да что... как-то у них все шиворот-навыворот, у этих русских. Уж посмотрѣлся. Знаете — называется ам-сляв? Мѣрка совсѣм другая. “Кремлэн-д’Ор” знаете, модный кабачишка... мсье Жан Петрофф? Лакеями все только капитаны, лейтенанты. Погребом вѣдает полковник или генерал. Портье — “шэр-кэс”, тоже полковник будто... на протезѣ, а лихо прыгает. Встрѣчает — как на смотру. Жиго подносят на кинжалах. Стиль! А жен-щины...! Выйдет ихній хор — ослѣпнешь. Это но-мер. Или пѣвица, соло, в этакой... как это у них...? не шляпка, а... кокон. Икона, стиль... иде-я. И-дея, дорогой Луи. Стоит — как изваяніе, как... ассирійская богиня. Ни пальчиком, а... всѣ косточки у ней играют. Это — стиль! Или — танцуют... э...! Чорт возьми, сам два раза по пять франков выкладывал. А ихніе еще казаки... мертвого подымут! И всѣ, вѣдь, нищіе, клошары, мсье Луи... “ни пото, ни мэзон”, так и поют: “тю мурра... — этиль-ньора-па-дэ-домаж”. Знаю, у меня там пріятели. Веселые, черти, а у каждого нож в груди! Это, мсье Луи, сти-иль, и-дея! Зубы стиснул, а жарит во все горло. И всѣ ночи американцами набито. Англичане, шведы... На что голландцы, крѣпки на денежки, — и тѣ размякнут, как хлѣбный суп.

Пти Жако причмокнул.

— Попали в жилу. Гребут?

— Ого-о!.. — Жюстин зашурился, как с солнца. — Клондайк! Жан Петрофф, говорят, раньше министром был... понятно, в чердачкѣ не пусто, мог аранжировать. “Кремлэн”... это надо ви-дѣть! На скалѣ, прямо в море, будто пакетбот “Атлантик”: палуба, носовая часть, бухшприг... экзотика. Стиль, и-дея!..

— Это же моя идея! — крикнул Пти Жако. — У меня в “морском салонѣ”, гдѣ т о т, полная иллюзія. Мои “Пти Пэн” плывут!..

— И с первоклассным пассажиром, мсье Луи. Такой — один стоит всѣх голландцев-шведов... Ка-кого карпа я вам завез-то, будете Жюстина помнить.

— Американцами набито?..

— Плунуть негдѣ. А почему? Казаки. Всѣ косые, скуластые, мон-голы. Кинжалы, шапки... ти-гры! Американки обмирают, всякія мечты, то-се... Ну, что ихніе ковбои... грива на штанах да шляпа с зонтик. А у тѣх — ноги на шарнирах, на штанах кровь, огонь... ну, и готова, испеклась, сейчас и жемчуга теряет. А пѣ-сни... о-о-о! Свист, гик... и вдруг, заплачут... пьяные, американцы. Чарли один, мальчишка... пріятели рассказывали, — его там “каучуком” звали... недѣлю так и не вылѣзал оттуда, с сотню тысяч пропил-прокидал, так казаками очаровался. Отец ему из Анжелоса каблограммы, а он их рвет. И дурака такого... жалѣ-ют! такого-то болвана...! Пьян всегда, так и ночует на диванах... сотнями швыряет... шанс, лови момент! А тѣ, шибко если пьян, назад ему, сами в карман суют! Вѣра, говорят, у них такая, религіозная... и-дея: от пьянаго ни... ни сантимата!

— Зна-ю эту идею, — присвистнул Пти Жако, — это философія, у нашего Руссо... называется — идеализм. В коммунальной еще учили. То — в книжках. А другое — наоборот, это — реализм. Вот и промазали войну, теперь пошли по ресторанам, хлѣб отбивать от...

— ...реали-стов, мсье Луи!

— Нѣт, от спеція-листов! Ну, жизнь научит.

— Нѣт, э т и х не научит, мсье Луи. Уж я-то знаю, про-
пащіе... — махнул Жюстин фужером и расплескал.

— Виноват, мадам, на скатерть... Не научит. Жан
Петрофф, человек приличный... мерседес завел, сорока-
сильный... для себя! Клиентам — ни-ни-ни... чу-дак. Какой-
то санаторій хочет ставить, для офицеров, чтобы всѣм без-
платно! Про-горит.

— К дѣлу, дорогой Жюстин, — торопила мадам Пти
Жако, — вы про иностранца, про т у...

— Виноват. Да, забуксовал. Нацѣливался, примѣрял, и
— напоролся. И немудрено. Если бы, дорогой Луи, вы уви-
дали... про-щай! Я понимаю толк в женщинах... Извините,
мадам Пти Жако... античная Венера, перед т о й — глыба,
и больше ничего. Стилъ, идея! Манеры, линіи... — пока-
зывал Жюстин, крутя руками, — глаза-а... Но-о... — Жю-
стин прищурился и помотал лукаво пальцем, — Верден, и
— точка. Идеа-лизм, симан=армэ, броня. Вдыхай и... —
точка.

Пти Жако высчитывал в блокнотѣ. Мадам Пти Жако
сказала, щурясь:

— О, Жюстин, однако... и вы того? а, кажется, такой
резонный.

— Ма-дам!! — вскинул Жюстин плечом и поклонился.
Откинулся, вытянул в нитку губы, защурился, и на
костлявом его лицѣ изобразился ужас, — шутливый
ужас. — Нос все дѣло портит... — потянул он себя за кон-
чик носа. — Директор “Комеди Франсэз”... рассказывал я
вам, мсье Луи, говорит мнѣ: “друг Жюстин, нос у вас, как
у фараона Ту-ту-ту-камона... но успѣх в театрѣ обезпечен.
Да, но... увы, не по карману. Жюстин-бѣдняк может толь-
ко вздохнуть и облизнуться. Жюстин-бѣдняга...”

— ...у кого в банкѣ... — подмигнул Пти Жако, высчи-
тывая карандашом в блокнотѣ.

— Но-но-но-но-о!... не слишком, мой Луи, не слишком...

— покачал пальцем насторожившийся Жюстин, и его нос пропал в фужеръ.

Пти Жако знал цѣну болтовнѣ: надо было процѣживать сквозь сито. Он это сдѣлал, но и остатка было много — что-то сенсационное варилось. Иностранец был налицо, в “морском салонѣ”. Будет и завтра, и послѣзавтра, и... “без ограниченій”. Англичане платили за апартаменты хорошо, но все же маловато, — триста франков в день. Отель закрыт, и все закрыто: надо поискать “Пти Пэн”. Надо их открывать, надо нанять прислугу, удержать Розет, — она привыкла к иностранцам, умѣет с ними, — надо вернуть Гастона, — не повар, золото! — взять плонжера, держать отель в порядкѣ, настилать ковры, взять “англичанку” — кого-нибудь, мальчишек... наконец, держать машину. Да, вот как с машиной...? Весь план нарушен, надо в Бордо, дать отдых сыну, надо в с е прикинуть: все — для каприза иностранца! Надо, наконец, и риск прикинуть. Кто его знает... а не заплатить? “Без ограниченій”... — а вдруг...? У н и х возможно, кракнет биржа, вот и “без ограниченій”! Или, вдруг, скандал... муж накроет, или еще любовник, револьвер, убійство... или еще похуже? Надо все прикинуть. Надо и масштаб прикинуть, амери-канскій... Проживет дня три-четыре — стоит ли из за пустяка ломаться. Надо в с е прикинуть.

И Пти Жако прикинул. Он колебался, набавлял, сбавлял, прикидывал, амортизировал и — в с е прикинул.

Позвонил Розет. В волненьи, протянул женѣ бумажку: — Вот, калькуляція... Да, еще шоффаж прикинуть, может потребовать, на случай. Только-только в мѣру, покрыть издержки. Надо и... эту... психологику учесть, моральную затрату. Иначе — игра не стоит свѣч. И, в сущности, чѣм мы рискуем? Не примет, — пожалуйста, в Бордо поѣдем... кто его просил?..

Пти Жако слѣдил за выраженіем лица жены. Ея лицо покрылось пятнами кармина. Она читала: “Апартаменты, № I..... “морской салон”... — шесть тысяч

пятьсот франков в день. Пансион по соглашению. Администрация приморского отеля “Пти Пэн” — Луи Этьенн Пти Жако”. И хитрый росчерк.

Мадам Пти Жако выпила вина и поперхнулась. Жюстин рассказывал.

— Ну... как?...

— По-моему, ты слишком... — мадам Пти Жако закашлялась.

— Слишком...? — почесал у глаза Пти Жако.

Жюстин болтал про драку в кабаке “Кремлен”.

— ...скромн... — она все кашляла.

— Ну... для первого знакомства. Если все прикинуть... А, Розет, вот... снеси ему. Я жду отвѣта... так и скажешь. Напомни, что отель закрыт, но... если пожелает... ступай. В руки не суй, а на подносѣ!

Жюстин увлекся “дракой”:

— ...тот, голландец, выпучил глаза... а тот, смокинг долой... и — боксом!..

— Тот, иностранец?.. наш?.. — слушала-слѣдила мадам Пти Жако и кашляла. Глаза горѣли, щеки рдѣли.

— Натурально! к барьеру, чорт возьми!..

Пти Жако потягивал винцо и думал.

— Говорят, бы-ыл номер! Всѣ вѣдь американцы, чуть что — и боксом, стиль!

Жюстин рассказывал по слухам.

Иностранец зачастил в “Кремлен”. Побил какого-то голландца. Конечно, пьяный. Иностранцу очень понравилась пѣвичка... Снэ-шко... та, которую “накрыли”, у ледников. Проводил в “Кремлен” всѣ ночи, подносил цвѣты. Мрачный всегда и полупьяный. Как пѣвичка выйдет — так и нацѣлится, весь перекоится даже, — прямо, страшный. Ну, втрюхался.

— Но... полный джентльмэн! Ни-ни... как платоническое чувство. Всѣ так и говорили: обожа-ет! Пьет и — обожает, только. И — цвѣты. А у ней, будто, муж... и офицер! Тоже и у них стро-го на этот счет... чуть что — зарѣ-

жет. У всѣх кинжалы... сами понимаете, народ восточный... женщины в гаремах. Но у нас, в Европѣ, этого нельзя, культура, всѣ свободны. Стиль! Что между н и ми было — неизвѣстно. Вот, подносят е й бѣлые цвѣты, всѣ знают — от американца. Голландец, тоже цѣлился. И крикни... а может и не громко, и скажи — “интересно, а за сколько можно ее имѣть?” Т о т и услышал. Поднялся, и голландца — в это вот мѣсто, кулачищем. Слон, вѣдь... Долой визитку и — к боксу! Т а — в обморок, истерика... тут всѣ казаки, натурально, за кинжалы, народ горячій... так и рвутся в бой! Но, как чудо... т а, с эстрады: “благодарю вас, мой рыцарь... мистер Паркер, успокойтесь! прро-шу вас, умоляю!... казаки, по мѣстам! я недоступна оскорбленьям!” Сразу все смолкло, и... на “баляляйки” заиграли. Говорили пріятели... мистер Паркер был до слез разстроган... т а к о й, заплакал! Вот это — сти-иль!

— Вы это выдумали, Жюстин... это из какой-то фильмы, — сказала мадам Пти Жако, — слишком уж... романтично, и очень глупо.

— Ма-дам! — с укором сказал Жюстин, — я там не был, но... говорили!

Розет вернулась:

— Требует патрона...

— Как ты ему сказала? — спросил Пти Жако не без волнения.

— Да как... как вы велѣли. Если не хотите, — уѣзжайте, отель закрыт.

— Деревня! — ляпнул Пти Жако по столу ладонью, — “если не хоти-те...!” Ну, дальше?

— Перекосился, зубы показал и говорит — “патрон”!

Пти Жако плюнул, выпил “песочнаго” и об’явил рѣшительно:

— Надо кончать. А чѣм я, в сущности, рискую! В окопах и не то видали. Идем, Жюстин, будешь за переводчика. У тебя всякія слова... можешь поговорить, как Цезарь. Ну, вперед!

Пти Жако почувствовал отвагу, поправил галстук и потер лоб в пупырьках. Но Жюстин мялся что-то. Все-таки... как-то не совсѣм удобно, могут быть непріятности с его отелем: скажут, работает дублетом, на два фронта. Выходит не совсѣм красиво. Пти Жако просил: никто не скажет, тип, очевидно, не останется, все кончим сразу...

— ...и отвезешь прямо в Біарриц.

— Ну, идем! — рѣшился, наконец, Жюстин, — не то видали!

На лѣстницѣ он справился, не слишком ли “хватили”, хотя с ним в этом отношеніи ни разу не было зацѣпок.

— Нормально... — сказал Пти Жако уклончиво, — если за километр семь франков... нормально!

Иностранец смотрѣл на океан и пускал клубы дыма. Услыхав шаги, он обернулся, поморщился и помотал бумажкой.

— Ага... — хрипнула прыгнувшая трубка.

Пти Жако изысканно склонился. Жюстин застрял у самой двери.

— М и с т е р желает...? — начал подходчиво Пти Жако.

Иностранец шагнул к столу, швырнул бумажку и стукнул по ней трубкой:

— Э т о... как называется? — сказал он скучно.

Пти Жако повернул голову к Жюстину.

— Калькуляція, мистер. Тут все прикинуто. Если отель только для одного мистера... Па... Панкера, то... калькуляція дает такое... — ткнул он в бумажку пальцем и повернул голову к Жюстину. — Если это вас не устраивает, мистер Па... Панкер, вы свободны располагать. Важныя дѣла требуют меня в Бордо, я каждый день теряю большія тысячи, и...

— ...и даже не понимают по-англійски!

— Будут понимать, мистер Пан-кер! Все предусмотрѣно. Будут и ковры, и стол, самый изысканный... двѣ спальни, двѣ ванны, все, что необходимо... всѣ принадлежности,

полное удобство и... полное уединение! Мистер останется доволен.

Пти Жако замѣтил, что у иностранца глаза не зеленоватые, как у кота, — так почему-то показалось, — а синеватые, и мягкіе. И лицо не каменное вовсе, а даже выразительно-приятное.

— Вы бьете всѣ рекорды... — сказал с усмѣшкой иностранец, — шесть тысяч пятьсот — в день, без пансіона... Вы далеко пойдете.

Пти Жако повернул голову, но увидел зеленоватоклѣтчатую спину. Взглянул растерянно на иностранца, встрѣтил спокойный взгляд и услышал знакомое — „э-э... сода-виски”.

Это — “сода-виски” иностранец бросил пренебрежительно, и Пти Жако это почувствовал опредѣленно. И поднял, чувствуя дополнительно — побѣду. Но надо было убѣдиться, дѣйствительно ли побѣда это, а Жюстин улизнул, как заяц. Пти Жако начал, было, почтительно — “достоуважаемый мистер Панкер...”, — но иностранец повернулся к нему спиной. Эта внушительный спина показалась ему пустой, но он почувствовал что-то в ней, — усталость, скуку...? Иностранец подошел к окну, оперся о косяк, смотрѣл. Пти Жако помялся, боялся потревожить. Но надо же, наконец, узнать опредѣленно: “сода-виски” есть сода-виски, только. Он взял со стола бумажку.

— Очень извиняюсь, мистер... Панкер...? — он помотал бумажкой и постарался лицом и жестами пояснить, чего не мог высказать словами.

Иностранец не оглянулся, только скучно махнул два раза — да, да... Пти Жако молча поклонился и отступил неслышно, на-цыпочках. В раздумьи, спускался с лѣстницы, мысленно видѣл спину и скучный взгляд, и было как-то не по себѣ, как бывает от странных снов. На тревожный вопрос жены он сказал без особаго подѣма:

— Остается. И сода-виски. Жюстин...?

Жюстин неожиданно уѣхал.

В комнатѣ небогатаго отеля Ирина Хатунцева, — Таня Снѣжко, по ресторану, — солистка русскаго хора Боярскаго, писала письмо мужу. Его портрет, в вѣnochкѣ из васильков, давно увядших, стоял перед ней на камушкѣ. Камушек этот — даже не камушек, а комок затвердѣвшей глины — был для нея священным — символом родины. Она схватила его в послѣднюю минуту на станціи “Таганаш”, перед Джанкоем, при отступленіи, когда обстрѣливали послѣдній поѣзд, и она втаскивала в вагон залитаго кровью добровольца, ловившаго померкшими губами и просившаго жутким хрипом — “дышать... дайте...” Раненый отошел на ея руках, залив ея платье кровью. А она все держала его руку на этом комочкѣ глины и спрашивала гремѣвшій поѣзд: “а Виктор...? гдѣ-же Виктор?...” Теперь Виктор был с ней, недалеко, в санаторіи, и давній портрет его, в выцвѣтшей формѣ добровольца, на этом кусочкѣ родины, залитом русской кровью, вызывал ласковыя слезы. Она писала:

.....сентября 192.... Біарриц.

.....
.....
.....

.....ему я вѣрю, это хороший діагност и большое сердце. Он сам много выстрадал и не может лгать. Если С. говорит, что ты скоро поправишься, то так и будет. Твой пессимизм — это просто нервы, ужасное твое шоферство их совершенно размотало. 22-го, годовщина нашей свадьбы, — подумай, уже пять лѣтъ! — я непременно вырвусь к тебѣ. Помнишь, какой это был свѣтлый день, и какая ужасная тревога. Симферополь, пустая церковь, наши калѣки-шафера, и в тот же вечер — фронт, разлука... Ночи в лазаретах, вѣчная тревога, слухи эти, угасающіе глаза, одинаковые у всѣх, такіе чистые, юные, святыя! Каждую минуту ждала я страшнаго, но Господь сохранил тебя, и мы теперь неразлучно вмѣстѣ. Сердце у тебя хорошее, а это, милый, перемѣстилась пуля, это рентг. сним. ясно да-

ет, нажала на какой-то сосуд, отсюда и кровоизлияніе. Такой случай был у одного фр. офицера, я знаю точно. Надо бросить шоферство, сядем на ферму и будем у себя. Нечего и думать о Парижѣ, Бог с ним. Четыре тыс. отложено, и я за посл. мѣсяц напѣла почти три, сезон горячій, недавно один голландец пожертвовал 300 фр., нашла в букетѣ...шикуют иногда. Побольше бы... И я сдѣлалась жадноюх, но это чтобы ты был покоен. Пѣть и м, в таком угарѣ... папа бы что сказал! Пѣть о нашем, это мы только можем чувствовать. А для них никакой разницы: и т а м, и мы — одно и то же — “Решен”. В этой ужасной атмосферѣ у меня кружится голова, и вспомнишь вдруг тот запах кровавых тряпок, ран..., а о н и ничего не знают, что такое страдать, терять... только — ан-кор, ан-кор!.. Это льстит мнѣ, но только вспомнишь... И тут же наши, все потеряли, все отдали... и вот, увеселяют. Бывают минуты, мнѣ схватывает горло, не могу пѣть, и тогда вызываю твое лицо, глаза, и только тебѣ пою, ты для меня все родное. Милый, единственный... зачѣм я тебѣ пишу все это? Но, знаешь, все-таки я не совсѣм права, даже и в нашей ямѣ есть свѣтлыя точки, хоть и рѣдко. Один молод. америк. Чарли ужасно привязался к нашим казакам и зовет к себѣ на кауч. плантаціи, только пѣть! Что-то и в нем разбудили наши пѣсни, м. б. открывают узкой его душѣ какое-то раздолье, какую-то вольную свободу, кот. они забыли. Это уж атавизм, а у нас живое. Мы для них какіе-то странные, чужіе, и будто близкіе. Это придает мнѣ силы. Рѣдко это, но и одним праведником спасется град. И еще швед один, старик, кот. жил в Россіи. Играли балалайки, и наш запѣвала Тиша — помнишь, пулеметчик, курскій, который у мучника служил? — начал коронное свое “Ходит вѣтер у ворот”, и когда балалайки пустили “вѣтер”, бѣшенные эти переборы и “молодую красотку”, неуловимую и для вѣтра, что только со шведом сдѣлалось! Вскочил, замахал, затопал и стал кричать, по-русски, — “русски вѣтер, шведски вѣтер, коледни, горячи, мой!...” Если бы всѣ так чувствовали, все бы по-другому

было. Ах, милый... нѣтъ, міръ еще не совсѣм опустѣлъ, это от нервов у тебя такое горькое. Как хорошо сказал о. Касьян... помнишь, был у нас старичок-монах из Почаева, заходил в августѣ?

Сколько я написала, уж пять страничек, а не сказала самага главнаго. Совсѣм я писательница стала, а ты не смѣйся на мои ошибки, я все перезабыла, гдѣ надо ять, совсѣм я обезграмотилась. А в институтѣ первой всегда была по-русски, стихи даже на акт готовила.

Опять сбилась... да, про о. Касьяна. Это был как раз тот день, катал ты меня по всему Кот-д'Аржан, кутили мы с тобой. Как ты сумасшествовал, и как я была счастлива! Да я всегда счастлива, ты со мной, мой. Я только что обновила чудесное патье, самую послѣднюю модель, шик такой! Как сон волшебный. Ты знаешь, я вовсе не такая "пустопляска", но тогда... И ты, вѣдь, тогда безумствовал, как мальчик. Я в папу, какой уж был серьезный, а любил одѣться, всегда был элегантный. Это от него.

Ты все это знаешь, но как пріятно вспоминать, так у нас мало свѣтлаго. Почему-то я была на пляжѣ, довольно рано. И вот, какая-то милая американочка-чудачка узнала меня на пляжѣ, кинулась ко мнѣ... — Ах, я знаю, вы Танья... Снэ-шко! ах, не могу забыть, как вы вчера "играли"!... вы так волшебно пѣли про какой-то "звон"... Это она про это... про "Вечерній звон". У нас в программах дан перевод всѣх пѣсен, довольно глупый, но все равно, что-то о них улавливают все-таки. — "Ах, вы душка, я вас отмѣтила, особенная вы, какая нѣжная, будто из лучшаго фарфора..." Так, буквально, — "из лучшаго фарфора"! — "Я, прямо, брежу... влюблена в вас!..." Стала обнимать и цѣловать, чуть не задушила, потащила с собой в роскошную машину... Что она мнѣ болтала только... все у ней перепутано, но очень-очень милая. И герои мы, русскіе, и большевики нас непремѣнно должны впустить в Россію, и она сама напишет непремѣнно президенту, скажет мужу, муж у ней сенатор и скоро будет президентом... а у брата сколько-то газет, и

она его заставить все написать, чтобы всё знали, какія у нас пѣсни, и мы непременно должны “со всѣми вашими казаками” пріѣхать к ней в Бостон, у ней пріемы, и вся Америка узнает. И вдруг привезла меня в сюкюрсаль парижскаго большого дома, от-кутюр, к Па-ту!... Как сон чудесный. — “Нѣт, нѣт, я так хочу... это мнѣ радость, что-нибудь для вас, самый пустячок, на память...” И приказала — “всѣ модели”! Уж и досталось манекеншам. Долго выбирала, требовала все — “нѣт, нѣт... воздушнѣй, мадам шатэнка... что-нибудь свѣтлѣй!” Наконец, манекенша сумѣла “показать”, русская наша оказалась, с тонким вкусом, юная совсѣм, княжна, прелестное дитя. Остановились на розоватом, бальном, “весеннем”, — вышито зеленью, и чуть — фіалки! И чтобы я тут же и надѣла. Выбросила пять т. фр.! Я оцѣпенѣла, прямо. Потом купили шляпу, этот “ореол”, как ты сказал, огромную, до плеч... безуміе! Шляпка... полторы тысячи! Дюжину шелк. чулок, три пары туфель... и Ира стала Золушка-принцесса. Полюбовалась мной, просила ей писать, и укатила, чуть не опоздала на трэн-бле. И ты увидал меня, т а к у ю, у казино на пляжѣ, проѣзжал случайно. Ах, милый, не забуду, какое было у тебя лицо, когда ты крикнул — Ри-на! И смутился, уж я ли это. Как ты на меня смотрѣл... уж не забуду. Как я тебя люблю, какая нѣжная у тебя душа... Ты мнѣ сказал, как рыцарь, — “мадам...?” И мы помчали.

Гдѣ только не побывали мы тогда! В Осгорѣ устрицами угощал, в “Палэ дез-Юитр”... завтракали послѣ в розовом отелѣ, гдѣ “сосны-великаны”. Нѣт, это на другой день мы были, все кутили. Ты был в ударѣ, стал декламировать из Пушкина — “Вновь я посѣтил... Три сосны стоят, одна поодаль, а другія...” Нѣт... да, “двѣ другія друг к другу близко... онѣ все тѣ же”. Опять напутала, кажется, ну, все равно. Хотѣлось плакать, все всколыхнулось... Розовый отель на берегу, “Пти Пэн”... и розовое платье. А ты, в рабочем балахонѣ, в маслѣ... так чудесно было. Буду до конца дней помнить эти “Пти Пэн”... Как мы помолодѣли, как ты

чудесно шурился, все хотѣл вспомнить, вызвать дачу в Павловскѣ, что-то тебѣ похожее казалось. Воздух был жаркій, пряный, смолисто-горькій, пить хотѣлось. И ты велѣл дать... шампанскаго! Помнишь, как та хозяйка, смѣшная усатая толстуха, нас “сверлила”! Мы были сумасшедшіе, влюбленные. Всегда влюбленные... вѣдь, правда, да? Это все радость сдѣлала, мы обновились... подумай, такой пустяк! Ёли чудесное жиго, омара, салат из “пѣтушков”... и та толстуха все сверлила своими щелками, “коринки в маслѣ”! Не забуду. И выжила нас из перголя под “сосны”. Вѣжливо, правда... — “ах, мсье-мадам... тут, извините, занято...” Но это раньше, еще до завтрака. Помнишь, как англичанки щелкали зубищами на мое платье? Правда, оно немножко их... “эпатэ”. Как онѣ по-гусиному на нас смотрѣли! Такая “элегантная”, и вдруг... со своим шофером, тэт-а-тэт! Так г о л о, так вульгарно нагло! А как онѣ позеленѣли, вдруг мы заговорили по-англійски! а “шофер” стал декламировать из... Шелли! И как тот старый англичанин, чопорный такой, совсѣм как лорд у бѣдняков, из Диккенса, вдруг захлопал и сказал по-русски: “да это н а ш и, русскіе!” И оказалось, никакой не лорд, а милый, благодушный старикан, бывший бѣговой наѣздник, знаменитый в Москвѣ когда - то Кинтон. Папиных лошадей тренировал. Все-таки искорка осталась.

Как я занеслась... Да, про о. Касьяна. Как он сказал на твои слова, что мір опустѣл, как это вѣрно: “Господни зернышки не затоптать, ими и свѣт стоит...” Как вѣрно...

Вчера не дописала, не могла, так меня всколыхнуло все. Теперь про скучное.

Твое взволнованное письмо меня разстроило. К. тебѣ все налгал. Не понимаю, или уж слишком понимаю, зачѣм он лжет. Чтобы раздражать тебя, чтобы досадить и мнѣ? Он мнѣ надоѣл своими “вздохами”. Какое он право имѣет мѣшаться в нашу жизнь? Я ему запретила бывать без тебя. Это или болѣзнь, он как-то неуравновѣшен послѣднее время, я замѣчаю... или сплошная гадость. Мелкій чело-

вѣк, а на войнѣ, говорят, был героем. Уж не знаю, как это совмѣщается. Разыгрывает Яго... вот уж не к лицу-то. Лживый доносчик... гадость, гадость. Как ты мог повѣрить только, Ви?... Нѣтъ, я знаю, ты не мог повѣрить, что я скрываю что-то, это все нервы, одиночество, тоска. Ты рвешься, знаю. А я-то, если бы ты знал... ночи не сплю, как там, на фронтѣ. Успокойся, милый, все ложь. И про “похоронные вѣнки”, и про “одурѣвшаго иностранца”. Ничего подобнаго, конечно. Никаких “похоронных вѣнков” мнѣ не подносили. Что это у тебя, откуда это “предчувствіе”? В выдумках видѣть что-то. Выкинь, прошу тебя, эти дикія мысли из головы, ты — свѣтлый. Это все нервы. И “носорог” тут не причем, а, напротив, проявил себя по-американски “джентльмэном”. Ты спрашиваешь про ту “исторію”... Вот как все было. Мнѣ больно, как ты волнуешься. Как только смѣют тебя разстраивать, зная, что тебѣ необходим покой... такая низость.

Ты про иностранца немножко знаешь. Его прозвали “носорогом” у нас в “Кремлэн”. Это полк. Ломков прозвал так, лихой “встрѣчатель”. Когда иностранец в первый раз пріѣхал, шикарнѣйшій паккар, наш портье лихо подбѣжал на своем протѣзѣ, отмахнул дверцу, — был немножко “с грунтом”, — “словечки” эти! — а тот, большой, да и полк. тоже не маленькій, случайно головой его в грудь, “как носорог”... отсюда и пошло. Чуть не сбил с ног. Очень извинялся, когда узнал, страшно был удивлен, кто такой портье, — лейб-гвардіи полковник, с Георгіем! Это наш граф сказал ему, — не понимаю, зачѣм так афишировать. Но наш “метр-д’отель”, хоть и дипломат, как он себя считает, любит иногда шикнуть. А сам не любит, когда говорят — “бывшій дипломат”. И так доволен, что для шику придумали ему черкеску. — Даже пріятно, что его зовут — “гора в черкескѣ”. Но казаки наши изобрѣли свое — “д и п л о м а т в черкескѣ”, соль-то! Так вот... иностранец не мог понять, почему т а к о й герой, — портье? Объяснили: просить не может, а отнимать у инвалидов послѣдніе гроши

не хочет, — вот и портъе. Очень удивился. Если бы знал, как герои ночуют под мостами, как их... о, Господи! Ничего не знают. Если бы я была писателем, я так бы написала, что всѣ бы со стыда сгорѣли. Не понимаю, почему не пишут о нашем — все, в с е? О самом мелком даже. Вѣдь и в этом мелком... ско-лько! Страданія не увлекают? Жил бы Достоевскій или Толстой!... Они могли бы заставить содрогнуться мір, ты прав. В “чю-вствицах” своих копаться...! Ну, записалась. Да, но о н и, всѣ э т и, и от Достоевскаго не содрогнутся, всѣ “несгораемые”, как кирпичи. Впрочем, я не совсѣм права, есть искорки... нѣт, слава Богу, еще не всѣ окаменѣли. А если бы в с е знали!...

Этот иностранец, — он американец, “лѣсной король”, — говорят, миллиардэр. Какой-то странный. Что в нем...? Но что-то есть, сейчас увидишь.

Стал у нас бывать чуть ли не каждый вечер, до разсвѣта, всегда один. Выберет столик в самой глубинѣ, закажет сода-виски и сидит, сидит. Наш дипломат пробовал его раскусывать, но он неразговорчив. У нас его прозвали еще “сычом”: сыч пріѣхал! Никогда ничего не требует по картѣ, даже и шампанскаго, ни разу. Думали, скупердяй, бывает это и у миллиардэров. Но наш Жан Петрофф дознался. Оказывается, за апартаменты в первѣйшем из отелей, в-Отель... знаешь, сколько платит в сутки? Двѣ тысячи! Только подумать... в день, двѣ тысячи! Наши шоферы говорили, что ему ставят чуть ли не по шесть франков за километр. За мѣсяц он накатал по пустякам больше тридцати тысяч! Безуміе. Ну, наш Жан Петрофф ждал “розсыпей”, хотя какія ему розсыпи, все равно не разбогатѣет, сам над собой смѣется — “ворона бородатая!” И велѣл “заняться” иностранцем. Ждали, что появится “она”, а “она” все не появляется. К. опять лжет: совсѣм не “хам”, увидишь. Между прочим, поразило его, что граф-дипломат так англичанит, очень удивился: “как, вы н е англичанин?!” Увидал, на черкескѣ, “ленточку”. Это еще болѣе смутило: “легион”?! Нѣт, в н и х не вмѣщается.

Но как же... развѣ нельзя болѣе подобающую должность? Не понимают, что такое русскій эмигрант. Наш дипломат говорит на семи языках, и — в черкескѣ, “метр-д’отелем”. Граф ему сумѣл отвѣтить: “мы без предразсудков, как вы, американцы”. Тот ему чуть руку не сломал, пожал так. Графу-то, “горѣ”-то.

Ему у нас пришлось по вкусу, особенно “кокошницы”. Как им выступать, всегда поближе пересядет. И вот, мои “пѣсни” пришлось ему по вкусу, говорят — “плѣнили”. Мнѣ, разумѣется, пріятно. Ему лѣт пятьдесят, лицо тяжеловатое, но глаза мягкіе, что-то наивное в них даже. Лицо довольно моложаво, свѣжее, совсѣм как папино, загар-румянец. Страшно напоминает папу. Папины манеры даже. Так меня это взволновало — увидала его лицо, особенно глаза. Папу ты только по портрету знаешь. Как увидала... — ну, папа... живой папа! Так все поднялось... Папа, папа... Папу по всей Россіи знали, всѣ уважали, называли новатором. Немного таких было. Даже шахтеры-бунтовщики любили, поднесли кирку серебряную в юбилей, так он был тронут этим. А сколько сдѣлал для Россіи! Заводы, шахты, жел. дороги, школы, образцовыя хозяйства, а миллионером так и не стал, не думал о богатствѣ. И успѣвал писать в англ. и америк. журналах, специальных. И его убили!... Отдал всего себя, всѣ дѣла оставил, цѣлую войну на фронтѣ, организовывал военные заводы, лазареты, пункты... был исключительный организатор. И меня зажег, свою любимицу, послѣдышка. Что я была... кисейка, институтка, “хрупка”. Звал меня — “хрупочка моя”. Как мы с ним жили в эшелонах, как он гордился, что с ним его “оруженосец”. Всѣ мы оруженосцы были, и только одна “хрупка” уцѣлѣла. А как он принимал утраты... какая нравственная сила... Подумай, всѣ трое... братики мои... Глухая, пишу такое. Милый... мои утраты! У всѣх утраты, всѣ сравнялись. А твои-то... Милый, вижу твои глаза, синіе мои, цѣлую, дышу на них.

Тот американец папу напомнил мнѣ. Папѣ теперь было

бы... шестьдесят один год, только... ровно на тридцать три года старше меня... “ровно тридцать лѣтъ и три года”, — все говорил, бывало. И тот американец такой же с виду нелюдимый, закрытый, совсѣм как папа. А поглядишь в глаза... — это я про папу, вспоминаю, — все и видно, ясная душа какая! Папа очень любил мой голос и настоял, чтобы я непременно училась пѣнію. Вот и пригодилось... Я брала уроки у милого Д...го, знаменитый когда-то тенор. Он всегда говорил: “итальянок” из вас не выйдет, вы какая-то... внѣ формы”. Правда, я — “внѣ формы”. Мы с ним разучивали русскія только партіи. Татьяну пѣла ничего, Ярославну лучше, но когда он начал со мной мученье над Февроніей из “Китежа”, на третьем урокѣ поцѣловал меня и сказал — “вот, это уж т в о е”. Все оборвалось...

Зачѣм я вспоминаю это, пишу тебѣ? Там, перед этими, мнѣ трудно пѣть, и больно пѣть ту “пѣсню”, о Россіи. Надо ее чуть слышно, совсѣм одной, чтобы никто не слушал. А требуют. И тѣм что-то передается, чувствовала не раз... передается что-то. Слов не понимают, — в программах дается только общій смысл, — а слышат, знаю. Я пѣла о метели, о степной пургѣ, о вѣтрах... — “Замело тебя снѣгом, Россія, запуржило сѣдою пургой...” Когда я начинаю вторую строфу — “Ни пути, ни слѣдов по равнинам... по равнинам безбрежных снѣгов не добраться к родимым святыням, не услышать родных голосов...” — у меня захватывает дыханье. Я пѣла. Он сидѣлъ близко, поставив локти, и его глаза смотрѣли напряженно на меня. И вот, когда почувствовала, что меня душат слезы, уж нечѣм пѣть, его напряженное лицо вдруг передернулось. Я не могла закончить, ушла. Потом я плакала... Пришлось вернуться и начать снова. Когда я раскланивалась на крики и аплодисменты, увидала иностранца. Он стоял слѣва от эстрады, у стѣны, засунув руки в карманы своей спорсмэнской куртки и смотрѣлъ дико как-то, исподлобья. На другой вечер... Да, надо еще про “вѣнки”.

Мнѣ часто дѣлали подношенія, цвѣты, ты знаешь.

Иногда граф передавал мнѣ деньги, пятьдесят, сто франков, но это рѣдкость. Тот голландец, я говорила, сдѣлал исключительный презент, триста фр. Послѣдніе дни перед “исторіей” я стала вдруг получать чудесные бѣлые цвѣты, орхидеи, гарденіи. Гарденіи, мнѣ говорили, здѣсь крайне рѣдки, их выводят в оранжереях в Англіи, — это, говорят, цвѣток англійских лордов, уж не знаю. Как их доставали, уж не знаю. Пахнут они... похоже на магнолію, но тоньше. Только быстро вянут. Граф мнѣ передавал от имени американца. То-есть, я его спросила, и он сказал. Как-то я получила большой вѣнок... не получила, а влѣз на эстраду какой-то неуклюжій, с лиловыми щеками, — послѣ оказалось, аргентинец, — и бросил к моим ногам. Так дико вышло... оказывается, он был пьян и, говорили, спьяну попал вмѣсто цвѣточного магазина в... помп-фюнебр! Больше он не являлся. Из этой глупости сдѣлали “похоронные вѣнки”.

Так вот, на слѣдующій вечер... только что я вернулась от тебя, очень запоздала, вышла пѣть в первом часу ночи. Американца не было. Когда я кончила, граф поднес мнѣ огромное плято, бѣлыя орхидеи, гарденіи и в серединѣ голубой вѣночек, незабудки, — от американца, сказал он мнѣ. Мнѣ было как-то не по себѣ, тоска. Долго я не могла заснуть, думала о тебѣ, глядѣла на эти незабудки и плакала. Вспомнился бѣдный папа. Казалось странным: от американца, и — т а к о е... сантиментальное. Такое давно оставлено, забыто. Утром я увидела, что плято серебряное, с чернью. Ты увидишь, это произведеніе искусства. И в серединѣ, гдѣ незабудки, врѣзано красиво, тончайшим золотом, два слова, по-англійски — «Light in Darkness», — “Свѣтъ во тьмѣ”. Это меня странно удивило. Что это значит? что за символика? Вспомнила, что это слова из первой главы Евангелія от Іоанна, которое читается на Пасху: “и с в ѣ т в о т ь м ѣ свѣтит, и тьма не об’яла его”. Какой смысл этих золотых слов? Мое пѣніе—с в ѣ т... а все—т ь м а? Для меня совершенно ясно, что тут не “изліянія чувств”, не я сама,

а что-то пробудило в нем пѣніе... не знаю. Во всяком случаѣ, не ординарное, не пошлое. Прошло дня три, американец не являлся. И вот, произошла "исторія". Передаю все так, как слышала от графа, все происходило на его глазах.

Наконец, иностранец появился. Сидѣлъ он довольно близко от эстрады и пил не сода-виски, а почему-то — brandy. Был, по словечку графа, "а-пен-деми-суль", а по словам казаков — "хлопал". Вот себя и поймала, ты прав, стали и у меня "словечки". "Окраска", л и п н е т. В залѣ было шумнѣйшій обычнаго, все полно. Выход мой благополучно кончился. И тут все и случилось.

Еще когда я пѣла, кто-то мѣшал бурчаньем. Это меня нервило. И вот, только я ушла, пожилой голландец, мож. б. тот самый, расщедрился-то на 300 фр., сказал... "не совсѣм салонно", как выразился дипломат. Он был недалеко от иностранца и слышал. Разумѣется, я не стала его спрашивать. Сказал еще, что "сыч вылѣз из своего дупла и бурно реагировал". Но Саша Бѣлокурова поспѣшила все мнѣ "объяснить". Я знаю, ты ее не любишь за ея циничность и вульгарность, — эту, как ты зовешь, "мясную лавку". Я не терплю ея "словечек". В общем, она, вот именно, вульгарна, "гола" — "мадам сан-жен", по дипломату. Но тут она была искренна, даже расплакалась. Обняла меня, стала цѣловать: "пусть бы так про меня... но ты-то, ты... за что!" Не выношу этого ея "ты", но тут она была искренна. По ея словам... пишу тебѣ в с е, как ты хотѣл, — пьяный голландец пробурчал негромко, будто сам с собой, — "интересно, сколько э т а с т о и т?" К... тебѣ сознательно преувеличил, чтобы раздражить. Слов — "за сколько можно и м ѣ т ь"—не было сказано, хотя... смысл тот же. Ты хотѣл, чтобы я все сказала, вот "все". Голландец увѣрял, что это относилось "к другой особѣ", которая меня смѣнила. Послѣ меня выход Саши Бѣлокуровой... м. б. потому и плакала она, не знаю. Мнѣ ее жаль, жизнь ея, как она говорит сама, "случайная". Подобное у нас бывало. Ну, бывают пьяные, ну... "иностранное веселье". Т о т, аме-

риканец, принял бурно. Поднялся, повалил стол, мрачно придвинулся к голландцу и без слов ткнул кулаком под челюсть. Голландец покачнулся, схватил бутылку, граф почему-то растерялся. Американец снял смокинг, — в тот вечер он был в смокингѣ, — и крикнул — “бокс”! Говорят, был страшен. Казаки говорили: “так распалился, аж дым валил!” Крикнул голландцу что-то вродѣ “мразь”, — должно б. — «musk». Наш дипломат встал между ними и каким-то “мо” все это ликвидировал. Голландец извинился, предлагал американцу “дружбу”, но тот бросил ему — «you can go to the devil!» — “к чертям!” — надѣл свой смокинг и уѣхал. Эти вечера не появлялся. Вот и “все”.

Я не стала бы тебѣ писать об этом, если бы не твое письмо. Сердце рвется к тебѣ, но я обязана выступить всѣ вечера, поѣздка берет весь день, автомобилем страшно дорого, больше 200 франков! — надо беречь деньги, чтобы скорѣй освободиться от нашей каторги. Оба раза, как была у тебя, возвращалась в 12 ч. ночи, разбитая. Умоляю, побереги себя, не прерывай леченья, это безуміе. 22 непременно вырвусь. Помни, без тебя не жизнь, если бы ты знал, как трудно, как пусто, милый...

Столько написала, и не замѣтила, а цѣлое посланіе. Уже семь часов утра, а я и не ложилась, и спать не хочется. Часто теперь бываю в церкви, легче. Какія у нас новости?... Тетя из Парижа пишет, дѣлает теперь куклы для иностранок, в модѣ “кормилицы” и “казаки”. Бѣднягу поручика Рожкова положили в госпиталь, защемленіе грыжи, от ящиков на ж. д., чуть не умер. Старенькій наш генерал устроился, наконец: плонжером, тяжело ему. Обѣщают болѣе легкую работу, наклеивать афиши. Да, вот еще... из “психологii”.

Против нашего отельчика, в особнякѣ, гдѣ кедр, поселилась одна пожилая мисс, очень бонтонная, и любит русских. Ты помнишь на нашей улицѣ, “голубков”: старичок, быв. чл. гос. сов., с бачками... ты еще говорил, что похож на дряхлѣющаго барса, и его милая старушка. Они всегда

гуляли вмѣстѣ. Еще у ней лорнет, и она все через лорнет, на все, даже на своего старичка. Чистенькіе всегда такіе, дружные, все вмѣстѣ, как голубки. Оказывается, они уже голодали, только теперь узналось. Старушка недавно заболѣла и слегла, ноги у ней распухли. И вот та мисс рѣшила им помочь. Но как это так сдѣлать, чтобы не задѣтъ их самолюбія? А она знала, кто этот старичок, ну... вродѣ, пожалуй, лорда. И вот придумала... прямо, анекдот. У сосѣдней консьержки есть собака, огромный пес. Милая мисс примѣтила, что этот пес все у окошка, и морда скучная. Вызвала консьержку и спросила строго, водят ли собаку погулять. Та ей сказала, что у ней нѣтъ времени гулять с собакой, а выпускать одну опасно, бросается. Мисс это огорчило. А она страшная собачница, у ней особая дѣвица для ея рика и рака. Тогда она купила дорогой ошейник и хорошій ремень и велѣла своей дѣвицѣ прогуливать консьержкина пса вмѣстѣ с риком-раком, но пес чуть их не разорвал. Тогда она рѣшила... предложила его высокопревосходительству прогуливать собаку два часа в день за десять фр. Старичок принял это стоически, м. б. внутренно оцѣнил “жест” мисс, — ну, если такая “психологія”! Очевидно, уже д о ш л о. И вот, он регулярно прогуливает собаку и зарабатывает ежедневно 10 фр. для “голубки” на лекарства. Но если бы ты видѣл, как он их зарабатывает! Пес его возит на ремнѣ, и бѣдняга, буквально, ѣ з д и т! Сосѣди зубоскалят! “наш генерал изволил в ы ѣ х а т ь!” Наши, понятно, не смѣются. Впрочем, эта мисс очень отзывчивая, недавно дала сто фр. на дѣтскій праздник. Я, как увижу, думаю, какія чувства у старичка к этой мисс и к ея протезѣ? Со псом он ласков, присядет на скамейку, пес трется об его острия колѣнки, а старичок щекочет ему за ухом. Если встрѣчает мисс, торопливо стягивает перчатку, — он всегда в перчатках, — снимает шляпу и раскланивается любезно. Мисс ласково кивает. Наш доктор, когда узнал, загорячился по обыкновенію, вставил в глаз свой монокль, как Чемберлэн, — это он всегда, когда взволнован, — и

сказал самое крѣпкое свое словечно — “свинья!”, и тут же облегчился “философіей”: “впрочем, это еще идиллія в нашей эмигрантской жизни”.

Что еще... Да, твой вѣстовой Карпенко женится, поздравь его. На угловой торговкѣ примерами, помнишь “стог”-то? А он жердь-жердью. Ей под пятьдесят, но с капиталцем. Я его стыдила, а он смѣется: “пока, до Россіи, хоть фру-хтами от’ѣмся”. Тоже “идиллія”. Опять видѣла этот кошмарный сон, будто мы с тобой в Харьковѣ, бродим по темным улицам. ни души, с нами карт-д’идантитэ, и вот, сейчас нас арестуют... Вчера была память мамы, служила панихиду.

Ах, дорогой, если бы ты знал, как
У меня покупают т о платье, дают полторы тыс. . . продать, пожалуй?... и цѣлую крѣпко-крѣпко. 22 — непременно!

Твоя Рина.

Ив. Шмелев.

Февраль, 1938.

Haldenstein.

СОБЫТІЕ

Драматическая комедія в трех дѣйствіях

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская Троцѣйкина. Двери слева и справа. На низком мольбертѣ, перед которым стоит кресло (Троцѣйкин всегда работает сидя), — почти доконченный мальчик в синем, с пятью круглыми пустотами (будущими мячами), расположенными полукольцом у его ног. К стѣнѣ прислонена недоделанная старуха в кружевах, с бѣлым вѣером. Окно, оттоманка, коверик, ширма, шкаф, три стула, два стола. Навалены в беспорядкѣ пакки.

Сцена сначала пуста. Затѣм через нее медленно катится, войдя справа, сине-красный дѣтскій мяч. Из той-же двери появляется Троцѣйкин. Он вышаркивает другой, красно-желтый, из под стола. Троцѣйкину лѣтъ под сорок, бритый, в потрепанной, но яркой фуфайкѣ с рукавами, в которой остается в теченіе всѣх трех дѣйствій (являющихся, кстати, утром, днем и вечером одних и тѣх же суток). Ребѣчлив, нервен, переходчив.

Т р о ц ѣ й к и н : — Люба! Л ю б а !

(Слева неслыша входит Любовь: молода, хороша, с лынцой и дыжкой).

Т р о ц ѣ й к и н : — Что это за несчастье! Как это случаются такія вещи? Почему мои мячи разбрелись по всему дому? Безобразіе. Отказываюсь все утро искать и пагубаться. Ребенок сегодня придет позировать, а тут всего два. Гдѣ остальные?

Л ю б о в ь : — Не знаю. Один был в коридорѣ.

Т р о ц ѣ й к и н : — Вот, который был в коридорѣ. Не достает зеленого и двух пестрых. Исчезли.

Л ю б о в ь : — Отстань ты от меня пожалуйста. Подумаешь — велика бѣда! Ну — будет картина «Мальчик с Двумя Мячами» вмѣсто «Мальчик с Пятью»...

Т р о ц ѣ й к и н : — Умное замѣчаніе. Я хотѣл бы понять,

кто это, собственно, занимается разгоном моих аксесуаров... Просто безобразіе.

Л ю б о в ь : — Тебѣ так же хорошо извѣстно, как мнѣ, что он сам ими играл вчера послѣ сеанса.

Т р о щ ѣ й к и н : — Так нужно было их потом собрать и положить на мѣсто. (*Садится перед мольбертом*).

Л ю б о в ь : — Да, но причем тут Я? Скажи это Марфѣ. Она убирает.

Т р о щ ѣ й к и н : — Плохо убирает. Я сейчас ей сдѣлаю нѣкоторое внушеніе...

Л ю б о в ь : — Во-первых, она ушла на рынок; а во-вторых, ты ея боишься.

Т р о щ ѣ й к и н : — Что-ж, вполне возможно. Но только мнѣ лично всегда казалось, что это с моей стороны просто извѣстная форма деликатности... А мальчик мой недурен, правда? Ай да бархат! Я ему сдѣлал такіе сіяющіе глаза отчасти потому, что он сын ювелира.

Л ю б о в ь : — Не понимаю, почему ты не можешь сперва закрасить мячи, а потом кончить фигуру.

Т р о щ ѣ й к и н : — Как тебѣ сказать...

Л ю б о в ь : — Можешь не говорить.

Т р о щ ѣ й к и н : — Видишь ли, они должны г о р ѣ т ь , бросать на него отблеск, но сперва я хочу закрѣпить отблеск, а потом приняться за его источники. Надо помнить, что искусство движется всегда против солнца. Ноги, видишь, уже совсѣм перламутровыя. Нѣтъ, мальчик мнѣ нравится! Волосы хороши: чуть-чуть с черной курчавинкой. Есть какая-то связь между драгоценными камнями и негритянской кровью. Шекспир это почувствовал в своем «Отелло». Ну, так. (*Смотрит на другой портрет*). А мадам Вагабундова чрезвычайно довольна, что пишу ее в бѣлом платьѣ на испанском фонѣ — и не понимает, какой это страшный кружевной гротеск... Все-таки, знаешь, я тебя очень прошу, Люба, раздобыть мои мячи, я не хочу, чтобы они были в бѣгах.

Л ю б о в ь : — Это жестоко, это невыносимо, наконец. Запирай их в шкаф, я тебя умоляю. Я тоже не могу, чтобы катилось по комнатам и лѣзло под мебель. Неужели, Алеша, ты не понимаешь, п о ч е м у ?

Т р о щ ѣ й к и н : — Что с тобой? Что за тон... Что за истерика...

Л ю б о в ь : — Есть вещи, которыя меня терзают.

Т р о щ ѣ й к и н : — Какія вещи?

Л ю б о в ь: — Хотя бы эти дѣтскіе мячи. Я. Не. Могу. Сегодня мамино рожденіе, — значит, послѣзавтра ему было бы пять лѣтъ. П я т ь лѣтъ. Подумай.

Т р о щ ѣ й к и н: — А... Ну, знаешь... Ах, Люба, Люба, — я тебѣ тысячу раз говорил, что нельзя так жить, в сослагательном наклоненіи. Ну — пять, ну — еще пять, ну — еще... А потом было бы ему пятнадцать, он бы курил, хамил, прыщавѣл и заглядывал за дамскія декольтэ.

Л ю б о в ь: — Хочешь, я тебѣ скажу, что мнѣ приходит иногда в голову; а что, если ты феноменальный пошляк?

Т р о щ ѣ й к и н: — А ты груба, как торговка костьем. (*Пауза. Подходя к ней*). Ну-ну, не обижайся... У меня тоже, может-быть, разрывается сердце, но я умѣю себя сдерживать. Ты здраво посмотри: умер двух лѣтъ, т. е. сложил крылышки и камнем вниз, в глубину наших душ, — а так бы рос, рос и вырос балбесом.

Л ю б о в ь: — Я тебя заклинаю, перестань! Вѣдь это вульгарно до жути. У меня з у б ы болят от твоих слов.

Т р о щ ѣ й к и н: — Успокойся, матушка. Довольно! Если я что-нибудь не так говорю, прости и пожалѣй, а не кусайся. Между прочим, я почти не спал эту ночь.

Л ю б о в ь: — Ложь.

Т р о щ ѣ й к и н: — Я знал, что ты это скажешь!

Л ю б о в ь: — Ложь. Не знал.

Т р о щ ѣ й к и н: — А все-таки это так. Во-первых, у меня всегда сердцебиеніе, когда полнолуніе. И вот тут опять покалывало, — я не понимаю, что это такое... И всякія мысли... глаза закрыты, а такая карусель красок, что с ума сойти. Люба, улыбнись, голуба.

Л ю б о в ь: — Оставь меня.

Т р о щ ѣ й к и н (*на авансценѣ*): — Слушай, малютка, я тебѣ расскажу, что я ночью задумал... По-моему, довольно гениально. Написать такую ш т у к у, — вот представь себѣ... Этой стѣны как-бы нѣтъ, а темный провал... и как-бы, значит, публика в туманном театрѣ, ряды, ряды... сидят и смотрят на меня. Причем все это лица людей, которых я знаю или прежде знал, и которые теперь смотрят на мою жизнь. Кто с любопытством, кто с досадой, кто с удовольствіем. А тот с завистью, а эта с сожалѣніем. Вот так сидят передо мной — такіе блѣдно-чудные в полутьмѣ. Тут и мои покойные родители, и старые враги, и твой этот тип с револьвером, и друзья дѣтства, конечно, и женщины, женщины — всѣ тѣ, о которых я рассказывал тебѣ — Нина, Ада, Ка-

тюша, другая Нина, Маргарита Гофман, бѣдная Оленька, — всѣ... Тебѣ нравится?

Л ю б о в ь: — Почем я знаю? Напиши, тогда я увижу.

Т р о щ ѣ й к и н: — А может быть—вздор. Так: мелькнуло в полубреду, — суррогат безсонницы, клиническая живопись... Пускай будет опять стѣна.

Л ю б о в ь: — Сегодня к чаю придет человекъ семь. Ты бы посоветовал, что купить.

Т р о щ ѣ й к и н (*Стя и держит перед собой, упирая его в колыно, эскиз углем, который разсматривает, а потом подправляет*): — Скучная исторія. Кто да кто??

Л ю б о в ь: — Я сейчас тоже буду перечислять: во-первых, его писательское величество, — не знаю, почему мама непременно хотѣла, чтоб он ее удостоил приходом; никогда у нас не бывал, и говорят, неприятен, заносчив...

Т р о щ ѣ й к и н: — Да... Ты знаешь, как я твою мать люблю, и как я рад, что она живет у нас, а не в какой-нибудь уютной комнаткѣ с тикающими часами и такой таксой, хотя-бы за два квартала отсюда, — но извини меня, малютка, ея послѣднее произведение во вчерашней газетѣ — катастрофа.

Л ю б о в ь: — Я тебя не это спрашиваю, а что купить к чаю?

Т р о щ ѣ й к и н: — Мнѣ все равно. Аб-со-лютно. Не хочу даже об этом думать. Купи, что хочешь. Купи, скажем, земляничный торт... И побольше апельсинов, — этих, знаешь, кислых, но красивых: это сразу озаряет весь стол. Шампанское есть, а конфекты принесут гости.

Л ю б о в ь: — Интересно, гдѣ взять в августѣ апельсинов. Между прочим, вот все, что у нас есть в смыслѣ денег. В мясной должны... Марфѣ должны... Не вижу, как дотянем до слѣдующей полочки.

Т р о щ ѣ й к и н: — Повторяю, мнѣ рѣшительно все равно. Скучно, Люба, тоска! Мы с тобой шестой год киснем в этом сугубо провинціальном городкѣ, гдѣ я, кажется, перемалевал всѣх отцов семейства, всѣх гулящих женок, всѣх дантистов, всѣх гинекологов. Положеніе становится парадоксальным, если не попросту сальным. Кстати, знаешь, я опять на-днях примѣнил мой метод двойного портрета. Чертовски забавно. Под шумок написал Баумгартена сразу в двух видах — почтенным старцем, как он того хотѣл, а на другом холстѣ, как хотѣл того я — с лиловой мордой, с бронзовым брюхом, в грозовых облаках, — но второго, конечно, я

ему не показал, а подарил Куприкову. Когда у меня наберется с двадцать таких побочных продуктов, я их выставлю.

Л ю б о в ь: — У всѣх твоих планов есть одна замѣчательная особенность: они всегда, как полуоткрытыя двери, и захлопываются от первого вѣтра.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ах, скажите пожалуйста! Ах, как мы все это умѣем хорошо подмѣтить да выразить... Ну, если бы это было так, то мы бы с тобой, матушка, д а в н о подошли с голода.

Л ю б о в ь: — А этой «торговки» я тебѣ не прощу.

Т р о щ ѣ й к и н: — Мы начинаем утро с брани, что невыразимо скучно. Сегодня я нарочно встал раньше, чтобы кое-что додѣлать, кое-что начать. Пріятно... У меня от твоего настроенія пропала всякая охота работать. Можешь радоваться.

Л ю б о в ь: — Ты лучше подумай, с чего сегодня началось. Нѣтъ, Алеша, так дольше невозможно... Тебѣ все кажется, что время, как говорится, врачует, а я знаю, что это только палліатив, — если не шарлатанство. Я ничего не могу забыть, а ты ничего не хочешь помнить. Если я вижу игрушку и при этом вспоминаю моего маленькаго, тебѣ дѣлается скучно, досадно, — потому что ты условился сам с собой, что прошло три года, и пора забыть. А может быть.... Бог тебя знает, — может быть, тебѣ и нечего забывать.

Т р о щ ѣ й к и н: — Глупости. Что ты, право... Главное, я ничего такого не сказал, а просто, что нельзя жить долгами прошлаго. Ничего в этом ни пошлаго, ни обиднаго нѣтъ.

Л ю б о в ь: — Все равно. Не будем больше говорить.

Т р о щ ѣ й к и н: — Пжалста... (*Пауза. Он фиксирует эскиз из выдувного флакона, потом принимается за другое*). Нѣтъ, я тебя совершенно не понимаю. И ты себя не понимаешь. Дѣло не в этом, а в том, что мы разлагаемся в захолустной обстановкѣ, как три сестры. Ничего, ничего... Все равно, через годик придется из города убираться, хочешь - не - хочешь. Не знаю, почему мой итальянец не отвѣчает...

Входит Антонина Павловна Ополяшина, мать Любови, с пестрым мячем в руках. Это аккуратная, даже нѣсколько чопорная женщина, с лорнетом, сладковато - разсыпанная.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Здравствуйте, мои дорогие. Почему-то это попало ко мнѣ. Спасибо, Алеша, за чудные цвѣточки.

Т р о щ ѣ й к и н (*он не поднимает головы от работы во всю эту сцену*): — Поздравляю, поздравляю. Сюда: в угол.

Л ю б о в ь: — Что-то ты рано встала. По-моему, еще нѣтъ девяти.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Что ж, рано родилась. Кофеек уже пили?

Л ю б о в ь: — Уже. Может быть, по случаю счастливаго пятидесятилѣтія, ты тоже выпьешь?

Т р о щ ѣ й к и н: — Кстати, Антонина Павловна, вы знаете, кто еще, как вы, ѣст по утрам три пятых морковки?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Кто?

Т р о щ ѣ й к и н: — Не знаю, — я в а с спрашиваю.

Л ю б о в ь: — Алеша сегодня в милом, шутливом настроеніи. Что, мамочка, что ты хочешь до завтрака дѣлать? Хочешь, пойдем погулять? К озеру? Или звѣрей посмотрим?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Каких звѣрей?

Л ю б о в ь: — На пустырьѣ циркъ остановился.

Т р о щ ѣ й к и н: — И я бы пошел с вами. Люблю. Принесу домой какой-нибудь круп или стараго клоуна в партикулярном платьѣ.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Нѣтъ, я лучше утром поработаю. Вѣрочка, должно быть, зайдет... Странно, что от Миши ничего не было... Слушайте, дѣти мои, я вчера вечером настрочила еще одну такую фантазію, — из цикла «Озаренныя Озера».

Л ю б о в ь: — А, чудно. Смотри, погода какая сегодня жалкая. Не то дождь, не то... туман, что-ли. Не вѣрится, что еще лѣто. Между прочим, ты замѣтила, что Марфа преспокойно забирает по утрам твой зонтик?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Она только что вернулась и очень не в духах. Непріятно с ней разговаривать. Хотите мою сказочку прослушать? Или я тебѣ мѣшаю работать, Алеша?

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, знаете, меня и землетрясеніе не отвлечет, если засяду. Но сейчас я просто так. Валяйте.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — А может, вам, господа, не интересно?

Л ю б о в ь: — Да нѣтъ, мамочка. Конечно, прочти.

Т р о щ ѣ й к и н: — А вот почему вы, Антонина Павловна, пригласили нашего маститаго? Все ломаю себѣ голову над этим вопросом. На что он вам? И потом, нельзя так: один ферзь, а все остальное — пѣшки.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Вовсе не пѣшки. Мѣшаев, напрімѣр, — —

Т р о щ ѣ й к и н : — Мѣшаев? Ну, з н а е т е ...

Л ю б о в ь : — Мамочка, не отвѣчай ему, — зачѣм?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Я только хотѣла сказать, что Мѣшаев, напрімѣр, обѣщал привести своего брата, окультиста.

Т р о щ ѣ й к и н : — У него брата нѣт. Это мистификація.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Нѣт, есть. Но только он живет всегда в деревнѣ. Они даже близнецы.

Т р о щ ѣ й к и н : — Вот развѣ, что близнецы...

Л ю б о в ь : — Ну, гдѣ же твоя сказка?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Нѣт, не стоит. Потом как нибудь.

Л ю б о в ь : — Ах, не обижайся, мамочка. Алеша!

Т р о щ ѣ й к и н : — Я за него. *(Звонок)*.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Да нѣт... Все равно... Я сперва перестукаю, а то очень неразборчиво.

Л ю б о в ь : — Перестукай и приди почитать. Пожалуйста!

Т р о щ ѣ й к и н : — Присоединяюсь.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Правда? Ну ладно. Тогда я сейчас.

(Уходя, сразу за дверь, она сталкивается с Ревшиным, который сперва слышен, потом виден: извилист, черная борода, усастья брови, щеголь. Сослуживцы его прозвали: волосатый лист).

Р е в ш и н *(за дверь)*: — Что, Алексѣй Максимович вставши? Жив, здоров? Все хорошо? Я, собственно, к нему на минуточку. *(К Трощѣйкину)*: Можно?

Т р о щ ѣ й к и н : — Входите, сэр, входите.

Р е в ш и н : — Здравствуйте, голубушка. Здравствуйте, Алексѣй Максимович. Все у вас в порядкѣ?

Т р о щ ѣ й к и н : — Как он заботлив, а? Да, кромѣ финансов, все превосходно.

Р е в ш и н : — Извините, что виѣдряюсь к вам в такую рань. Проходил мимо, рѣшил заглянуть.

Л ю б о в ь : — Хотите кофе?

Р е в ш и н : — Нѣт, благодарствуйте. Я только на минуточку. Эх, кажется, я вашу матушку забыл поздравить. Неловко как...

Т р о щ ѣ й к и н : — Что это вы нынче такой — развязно - нервный?

Р е в ш и н: — Да нѣтъ, что вы. Вот, значит, как. Вы вчера вечером сидѣли дома?

Л ю б о в ь: — Дома. А что?

Р е в ш и н: — Просто так. Вот, значит, какія дѣла - дѣлишки... Рисуете?

Т р о щ ѣ й к и н: — Нѣтъ. На арфѣ играю. Да садитесь куда-нибудь. (*Пауза*).

Р е в ш и н: — Дождик накрапывает.

Т р о щ ѣ й к и н: — А, интересно. Еще какія новости?

Р е в ш и н: — Никаких, никаких. Так просто. Сегодня я шел, знаете, и думал: сколько лѣтъ мы с вами знакомы, Алексѣй Максимович? Семь, что-ли?

Л ю б о в ь: — Я очень хотѣла бы понять, что случилось.

Р е в ш и н: — Ах, пустяки. Так, дѣловыя непріятности.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ты права, малютка. Он как то сегодня подергивается. Может быть, у вас блохи? Выкупаться нужно?

Р е в ш и н: — Все изволите шутить, Алексѣй Максимович. Нѣтъ. Просто вспоминал, как был у вас шафером и все такое. Бывают такіе дни, когда вспоминаешь.

Л ю б о в ь: — Что это: угрызения совѣсти?

Р е в ш и н: — Бывают такіе дни... Время летит... Оглянешься

Т р о щ ѣ й к и н: — О, как становится скучно... Вы бы, сэр, лучше зашли в библіотеку и кое-что подчитали: сегодня днем будет наш маститый. Парн держу, что он явится в с м о к и н г ѣ, как было у Вишневских.

Р е в ш и н: — У Вишневских? Да, конечно... А знаете, Любовь Ивановна, чашечку кофе я, пожалуй, все-таки выпью.

Л ю б о в ь: — Слава Тебѣ, Боже! Рѣшили наконец. (*Уходит*).

Р е в ш и н: — Слушайте, Алексѣй Максимович, — потрясающее событіе! Потрясающе - непріятное событіе!

Т р о щ ѣ й к и н: — Серьезно?

Р е в ш и н: — Не знаю, как вам даже сказать. Вы только не волнуйтесь, — и, главное, нужно от Любови Ивановны до поры, до времени скрыть.

Т р о щ ѣ й к и н: — Какая нибудь... сплетня, мерзость?

Р е в ш и н: — Хуже.

Т р о щ ѣ й к и н: — А именно?

Р е в ш и н: — Неожиданная и ужасная вещь, Алексѣй Максимович!

Т р о щ ѣ й к и н : — Ну так скажите, чорт вас дери!

Р е в ш и н : — Барбашин вернулся.

Т р о щ ѣ й к и н : — Ч то ?

Р е в ш и н : — Вчера вечером. Ему скостили полтора года.

Т р о щ ѣ й к и н : — Не может быть!

Р е в ш и н : — Вы не волнуйтесь. Нужно об этом потолковать, выработать какой -нибудь модус вивенди.

Т р о щ ѣ й к и н : — Какое там вивенди... хорошо вивенди. Вѣдь... Ч то же теперь будет? Боже мой... Да вы, вообще, шутите?

Р е в ш и н : — Возьмите себя в руки. Лучше бы нам с вами куда -нибудь... (*ибо возвращается Любовь*).

Л ю б о в ь : — Сейчас вам принесут. Между прочим, Алеша, она говорит, что фрукты — — Алеша, что случилось?

Т р о щ ѣ й к и н : — Неизбѣжное.

Р е в ш и н : — Алексѣй Максимович, Алеша, друг мой, — мы сейчас с вами выйдем. Приятная утренняя свѣжесть, голова пройдет, вы меня проводите...

Л ю б о в ь : — Я немедленно хочу знать. Кто -нибудь умер?

Т р о щ ѣ й к и н : — Вѣдь это же, господа, чудовищно смѣшно. У меня, идиота, только - что было еще полтора года в запасѣ. Мы бы к тому времени давно были бы в другом городѣ, в другой странѣ, на другой планетѣ. Я не понимаю: что это — западня? Почему никто нас загодя не предупредил? Что это за гадостные порядки? Что это за ласковые судьбы? Ах, с в о л о ч и ! Нѣт, вы подумайте! Освободили досрочно... Нѣт, это... это... Я буду жаловаться! Я — —

Р е в ш и н : — Успокойтесь, голубчик.

Л ю б о в ь (*к Ревшину*): — Это правда?

Р е в ш и н : — Что правда?

Л ю б о в ь : — Нѣт — только не поднимайте бровей. Вы отлично понимаете, о чем я спрашиваю.

Т р о щ ѣ й к и н : — Интересно знать, кому выгодно это попустительство. (*К Ревшину*): Ч то вы молчите? Вы с ним о чем -нибудь...?

Р е в ш и н : — Да.

Л ю б о в ь : — А он как — очень измѣнился?

Т р о щ ѣ й к и н : — Люба, оставь свои идиотскіе вопросы. Неужели ты не соображаешь, что теперь будет? Нужно бѣжать, — а бѣжать не на что и некуда. Кака я неожиданность!

Л ю б о в ь : — Расскажите же.

Т р о щ ѣ й к и н : — Дѣйствительно, что это вы как истукан... Жилы тянете... Ну!

Р е в ш и н : — Одним словом... Вчера около полуночи, так, вѣроятно, в три четверти одиннадцатаго... фу, вру... двѣнадцатаго, я шел к себѣ из кинематографа на вашей площади, и, значит, вот тут, в нѣскольких шагах от вашего дома, по той сторонѣ, — знаете, гдѣ кіоск, — при свѣтѣ фонаря, вижу — и не вѣрю глазам — стоит с папироской Барбашин.

Т р о щ ѣ й к и н : — У нас на углу! Очаровательно. Вѣдь мы, Люба, вчера чуть-чуть не пошли тоже: ах, чудная фильма, ах «Камера Обскура» — лучшая фильма сезона!... Вот бы и ахнуло нас по случаю сезона. Дальше!

Р е в ш и н : — Значит так. Мы в свое время мало встрѣчались, он мог забыть меня... но нѣт: пронзил взглядом, — знаете, как он умѣет, свысока, насмѣшливо... и я невольно остановился. Поздоровались. Мнѣ было, конечно, любопытно. Что это, говорю, вы так преждевременно вернулись в наши края?

Л ю б о в ь : — Неужели вы прямо так его и спросили?

Р е в ш и н : — Смысл, смысл был таков. Я намямлил, сбил нѣсколько привѣтственных фраз, а сдѣлать вытяжку из них представил ему, конечно. Ничего, произвел. Да, говорит, за отличное поведеніе и по случаю официальных торжеств меня просили очистить казенную квартиру на полтора года раньше. И смотрит на меня: нагло.

Т р о щ ѣ й к и н : — Хорош гусь! А? Что это такое, господа? Гдѣ мы? На Корсикѣ? Поощреніе вендетты?

Л ю б о в ь (к Ревшину): — И тут, повидимому, вы нѣсколько струсили?

Р е в ш и н : — Ничуть. Что ж, говорю, собираетесь теперь дѣлать? Жить, говорит, жить в свое удовольствіе, — и со смѣхом на меня смотрит. А почему, спрашиваю, ты, сударь, шатаешься тут в потемках?... т. е. я это не вслух, но очень выразительно подумал, — он, надѣюсь, понял. Ну и — растались на этом.

Т р о щ ѣ й к и н : — Вы тоже хороши. Почему не зашли с р а з у ? Я же мог — мало-ли что — выйти письмо опустить, — что тогда было бы? Потрудились бы позвонить, по крайней мѣрѣ.

Р е в ш и н : — Да, знаете, как то поздно было... Пускай, думаю, выспятся.

Т р о щ ѣ й к и н : — Мнѣ-то не особенно спалось. И теперь я понимаю, почему!

Р е в ш и н : — Я еще обратил вниманіе на то, что от него

здорово пахнет духами. В сочетаніи с его саркастической мрачностью это меня поразило, как нѣчто едва ли не сатанинское.

Т р о щ ѣ й к и н : — Дѣло ясно. О чем тут разговаривать... Дѣло с о в е р ш е н н о ясно. Я всю полицію на ноги поставлю! Я этого благодушія не допущу! Отказываюсь понимать к а к, послѣ его угрозы, о которой знали и знают всѣ, к а к, послѣ этого, ему могли позволить вернуться в наш город!

Л ю б о в ь : — Он крикнул так в минуту возбужденія.

Т р о щ ѣ й к и н : — А, вызбюзденіе... вызбюзденіе... это мнѣ нравится... Ну, матушка, извини: когда человекъ стрѣляет, а потом видит, что ему убить наповал не удалось, и кричит, что добьет послѣ отбытія наказанія, — это... это — не возбужденіе, а фактъ, кровавый, мясистый фактъ... вот что это такое! Нѣтъ, какой же я был осел. Сказано было семь лѣтъ, я и положился на это. Спокойно думал: вот еще четыре года, вот еще три, вот еще полтора, а когда останется полгода — лопнем, но уйдем... С пріятелем на Капри начал уже списываться... Боже мой! Бить меня надо.

Р е в ш и н : — Будем хладнокровны, Алексѣй Максимович. Нужно сохранить ясность мысли и не бояться... хотя, конечно, осторожность — и вящшая осторожность—необходима. Скажу откровенно: по моим наблюденіям, он находится в состояніи величайшей озлобленности и напряженія, а вовсе не укрощен каторгой. Повторяю: я, может быть, ошибаюсь.

Л ю б о в ь : — Только каторга ни при чем. Человекъ просто сидѣлъ в тюрьмѣ.

Т р о щ ѣ й к и н : — Все это у ж а с н о !

Р е в ш и н : — И вот мой план: к десяти отправиться с вами, Алексѣй Максимович, в контору к Вишнеvesкому: раз он тогда вел ваше дѣло, то и слѣдуетъ к нему прежде всего обратиться. Всякому понятно, что вам нельзя так жить — под угрозой... Простите, что тревожу тяжелыя воспоминанія, но вѣдь это произошло в этой именно комнатѣ?

Т р о щ ѣ й к и н : — Именно, именно. Конечно, это совершенно забылось, — и вот мадам обижалась, когда я иногда в шутку вспоминал... казалось каким-то театром, какой-то гдѣ-то видѣнной мелодрамой... Я даже иногда... да, это в а м я показывал пятно кармина на полу и острял, что вот остался до сих пор слѣд крови... Умная шутка.

Р е в ш и н : — В этой, значит, комнатѣ... Тщы-тщы-тщы.

Л ю б о в ь : — В этой комнатѣ, — да.

Т р о щ ѣ й к и н : — Да, в этой комнатѣ. Мы тогда только -

что в'ехали: молодожены, у меня усы, у нея цвѣты, — все честь-честью: трогательное зрѣлище. Вот того шкапа не было, а вот этот стоял у той стѣны, а так все, как сейчас, даже этот коврик...

Р е в ш и н : — Поразительно!

Т р о щ ѣ й к и н : — Не поразительно, а преступно. Вчера, сегодня, все было так спокойно... А теперь, на-те вам! Что я могу. У меня нѣтъ денег ни на самооборону, ни на бѣгство. Как можно было его освобождать, послѣ всего... Вот смотрите, как это было. Я... здѣсь сидѣл. Впрочем, нѣтъ, стол тоже стоял иначе. Так, что-ли. Видите, воспоминаніе не сразу приспособляется ко второму представленію. Вчера казалось, что это было так давно....

Л ю б о в ь : — Это было восьмого октября, и шел дождь, — потому что я помню, санитары были в мокрых плащах, и лицо у меня было мокрое, пока несли. Эта подробность может тебѣ пригодиться при репродукціи.

Р е в ш и н : — Поразительная вещь — память!

Т р о щ ѣ й к и н : — Вот теперь мебель стоит правильно. Да, восьмого октября. Приѣхал ея брат, Михаил Иванович, и остался у нас ночевать. Ну вот. Был вечер. На улицѣ уже тьма. Я сидѣл тут, у столика и чистил яблоко. Вот так. Она сидѣла вон там, гдѣ сейчас стоит. Вдруг звонок. У нас была новая горничная, дубина, еще хуже Марфы. Поднимаю голову и вижу: в дверях стоит Барбашин. Вот станьте у двери. Совсѣм назад. Так. Мы с Любой машинально встали, и он немедленно открыл огонь.

Р е в ш и н : — Ишь... Отсюда до вас и десяти шагов не будет.

Т р о щ ѣ й к и н : — И десяти шагов не будет. Первым же выстрѣлом он попал ей в бедро, она сѣла на пол, а вторым — ж и к — мнѣ в лѣвую руку — сюда, — еще сантиметр, и была бы раздроблена кость. Продолжает стрѣлять, а я с яблоком, как молодой Тель. В это время... В это время входит и сзади наваливается на него шурин: вы его помните — здоровенный, настоящий медвѣдь. Загреб, скрутил ему за спину руки и держит. А я, несмотря на раненіе, несмотря на страшную боль, я спокойно подошел к господину Барбашину и как т р а х н у его по физиономіи... Вот тогда-то он и крикнул — дословно помню: погодите, вернись и добыю вас обоих!

Р е в ш и н : — А я помню, как покойная Маргарита Семеновна Гофман мнѣ тогда сообщила. Ошарашила! Главное, каким-то образом пошел слух, что Любовь Ивановна при смерти.

Л ю б о в ь : — На самом дѣлѣ, конечно, это был сущій пу-

стяк. Я пролежала недѣли двѣ, не больше. Теперь даже шрам незамѣтен.

Троцѣйкин: — Ну, положим. И замѣтен. И не двѣ недѣли, а больше мѣсяца. Но, но, но! Я прекрасно помню. А я с рукой тоже немало провозился. Как все это... Как все это... Вот тоже — часы вчера разбил — чорт! Что, не пора ли?

Ревшин: — Раньше десяти нѣт смысла: он приходит в контору около четверти одиннадцатаго. Или можно прямо к нему на дом — это два шага. Как вы предпочитаете?

Троцѣйкин: — А я сейчас к нему на дом позвоню, вот что.
(Уходит).

Любовь: — Скажи, Барбашин очень измѣнился?

Ревшин: — Брось, Любка. Морда, как морда. (Небольшая пауза).

Ревшин: з— Исторія! Знаешь, на души у меня очень, очень тревожно. Свербит как-то.

Любовь: — Ничего — пускай посвербит, прекрасный массаж для души. Ты только не слишком вмѣшивайся.

Ревшин: — Если я вмѣшиваюсь, то исключительно из-за тебя. Меня удивляет твое спокойствіе! А я-то хотѣл подготовить тебя, боялся, что ты истерику закатишь.

Любовь: — Виновата. Другой раз специально для вас закачу.

Ревшин: — А как ты считаешь... Может быть, мнѣ с ним поговорить по душам?

Любовь: — С кѣм это ты хочешь по душам?

Ревшин: — Да с Барбашиним. Может быть, если ему рассказать, что твое супружеское счастье не ахти какое — —

Любовь: — Ты попробуй только — по душам! Он тебѣ по ушам за это «по душам».

Ревшин: — Не сердись. Понимаешь, голая логика. Если он тогда покушался на вас из-за твоего счастья с мужем, то теперь у него пропала бы охота.

Любовь: — Особенно в виду того, что у меня романчик, — так что-ли? Скажи, скажи ему это, попробуй.

Ревшин: — Ну знаешь, я все-таки джентльмэн... Но если бы он и узнал, ему было бы, повѣрь, наплевать. Это вообще в другом планѣ.

Любовь: — Попробуй, попробуй.

Ревшин: — Не сердись. Я только хотѣл лучше сдѣлать. Ах, я разстроен!

Л ю б о в ь : — Мнѣ все совершенно, совершенно безразлично. Если бы вы всё знали, до чего мнѣ безразлично... А живет-то он гдѣ, — все там же?

Р е в ш и н : — Да, повидимому. Ты меня сегодня не любишь.

Л ю б о в ь : — Милый мой, я тебя никогда не любила. Никогда. Понял?

Р е в ш и н : — Любзик, не говори так. Грѣх!

Л ю б о в ь : — А ты вообще поговори погромче. Тогда будет совсѣм весело.

Р е в ш и н : — Как будто дорогой Алеша не знает! Давно знает. И наплевать ему.

Л ю б о в ь : — Что-то у тебя всё много плюются. Нѣтъ, я сегодня рѣшительно неспособна на такіе разговоры. Очень благодарю тебя, что ты так мило приѣзжал, с высунутым языком, рассказывать, подѣлиться и все такое — но пожалуйста, теперь уходи.

Р е в ш и н : — Да, я сейчас с ним уйду. Хочешь, я подожду его в столовой? Вѣроятно, он по телефону всю исторію рассказывает сызнова. (*Пауза*). Любзик, слезно прошу тебя, сиди дома сегодня. Если нужно что-нибудь, поручи мнѣ. И Марфу надо предупредить, а то еще выпустит.

Л ю б о в ь : — А что ты полагаешь: он в гости придет? Мамочку мою поздравлять? Или что?

Р е в ш и н : — Да нѣтъ, так, — на всякій пожарный случай. Пока не выяснится.

Л ю б о в ь : — Ты только ничего не выясняй.

Р е в ш и н : — Вот тебѣ раз. Ты меня ставишь в невозможное положеніе.

Л ю б о в ь : — Ничего — удовлетворишься невозможным. Оно еще недолго продлится.

Р е в ш и н : — Я бѣдный, я волосатый, я скучный. Скажи прямо, что я тебѣ приѣлся.

Л ю б о в ь : — И скажу.

Р е в ш и н : — А ты самое прелестное, странное, изящное существо на свѣтѣ. Тебя задумал Чехов, выполнил Ростан, и сыграла Дузе. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, дарованнаго счастья не берут назад. Слушай, хочешь, я Барбашина вызову на дуэль?

Л ю б о в ь : — Перестань паясничать. Как это противно! Лучше поставь этот стол на мѣсто, — все в р е м я натыкаюсь. Приѣзжал, запыхтѣл, взволновал несчастнаго Алешу... Зачѣм это нужно было? Добьет, убьет, перебьет... Что за чушь в самом дѣлѣ!

Р е в ш и н : — Будем надѣяться, что чушь.

Любовь: — А может быть, убьет, — Бог его знает...

Ревшин: — Видишь: ты сама допускаешь.

Любовь: — Ну, милый мой, мало ли что я допускаю. Я допускаю вещи, которыя вам не снятся. *(Троцкийкин возвращается)*.

Троцкийкин: — Все хорошо. Сговорился. Поѣхали: он нас ждет у себя дома.

Ревшин: — А вы долгонько бесѣдовали.

Троцкийкин: — О, я звонил еще в одно мѣсто. Кажется, удастся добыть немного денег. Люба, твоя сестра пришла: нужно ее и Антонину Павловну предупредить. Если достану, завтра же тронемся.

Ревшин: — Ну, я вижу вы развили энергію... Может быть, зря, и Барбашин не так уже страшен: видите, даже в рифму.

Троцкийкин: — Нѣт, нѣт, махнем куда -нибудь, а там будем соображать. Словом, все налаживается. Слушайте, я вызвал такси, — пѣшком что-то не хочется. Поѣхали, поѣхали.

Ревшин: — Только я платить не буду.

Троцкийкин: — Очень даже будете. Что вы ищете? Да вот она. Поѣхали. Ты, Люба, не волнуйся, я через десять минут буду дома.

Любовь: — Я спокойна. Вернешься жив.

Ревшин: — А вы сидите в свѣтлицѣ и будьте панишкой. Я еще днем забѣгу. Дайте лапочку.

(Оба уходят направо, а слева неторопливо появляется Вѣра. Она тоже молода и миловидна, но мягче и ручнее сестры).

Вѣра: — Здравствуй. Что это происходит в домѣ?

Любовь: — А что?

Вѣра: — Не знаю. У Алеши какой-то бѣшенный вид. Они ушли?

Любовь: — Ушли.

Вѣра: — Мама на машинкѣ стучит, как зайчик на барабанѣ. *(Пауза)*. Опять дождь, гадость. Смотри, новыя перчатки. Дешевенькія, дешевенькія.

Любовь: — У меня есть тоже обновка.

Вѣра: — А, это интересно.

Любовь: — Леонид вернулся.

Вѣра: — Здорово!

Любовь: — Его видѣли на нашем углу.

Вѣра: — ...Недаром мнѣ вчера снился.

Л ю б о в ь: — Оказывается, его из тюрьмы выпустили раньше срока.

В ѣ р а: — Странно все-таки: мнѣ снилось, что кто-то его запер в платяной шкап, а когда стали отпирать и трясти, то он же прибѣжал с отмычкой, страшно озабоченный, и помогал, а когда наконец отперли, там просто висѣл фрак. Странно, правда?

Л ю б о в ь: — Да. Алеша в паникѣ.

В ѣ р а: — Ах, Любушка, вот так новость! А занятно было бы на него посмотреть. Помнишь, как он меня всегда дразнил, как я бѣсилась. А, в общем, дико завидовала тебѣ. Любушка, не надо плакать! Все это обойдется. Я увѣрена, что он вас не убьет. Тюрьма не термос, в котором можно держать одну и ту же мысль без конца в горячем видѣ. Не плачь, моя миленькая.

Л ю б о в ь: — Есть граница, до которой. Мое нервы выдерживают. Но она. Позади.

В ѣ р а: — Перестань, перестань. Вѣдь есть закон, есть полиція, есть наконец здравый смысл. Увидишь: побродит немножко, вздохнет и исчезнет.

Л ю б о в ь: — Ах, да не в этом дѣло. Пускай он меня убьет, я была бы только рада. Дай мнѣ какой-нибудь платочек. Ах, Господи... Знаешь, я сегодня вспомнила моего маленького, — как бы он играл этими мячами, — а Алеша был так отвратителен, так страшен!

В ѣ р а: — Да, я знаю. Я бы па твоём мѣстѣ давно развелась.

Л ю б о в ь: — Пудра у тебя есть? Спасибо.

В ѣ р а: — Развелась бы, вышла бы за Ревшина и, вѣроятно, моментально развелась бы снова.

Л ю б о в ь: — Когда он прибѣжал сегодня с фальшивым видом преданной собаки и рассказал, у меня перед глазами прямо вспыхнуло все, вся моя жизнь, и, как бумажка, сгорѣло. Шесть никому ненужных лѣт. Единственное счастье был ребенок, да и тот помер.

В ѣ р а: — Положим, ты здорово была влюблена в Алешу первое время.

Л ю б о в ь: — Какое! Сама для себя разыграла. Вот и все. Был только один человек, котораго я любила.

В ѣ р а: — А мнѣ любопытно: он об'явится или нѣт. Вѣдь на улицѣ ты его навѣрное как-нибудь встрѣтишь.

Л ю б о в ь: — Есть одна вещь... Вот, как его Алеша ударил по щекѣ, когда Миша его держал. Воспользовался. Это меня всегда преслѣдовало, всегда жгло, а теперь жжет особенно. Может

быть, потому, что я чувствую, что Леня никогда мнѣ не простит, что я это видѣла.

В ѣ р а: — Какое это было вообще дикое время... Господи! Что с тобой дѣлалось, когда ты рѣшила порвать, помнишь? Нѣтъ, ты помнишь?

Л ю б о в ь: — Глухо я поступила, а? Такая идіотка.

В ѣ р а: — Мы сидѣли с тобой в темном саду, и падали звѣзды, и мы обѣ были в бѣлых платьях, как привидѣнія, и табак на клумбѣ был, как привидѣніе, и ты говорила, что не можешь больше, что Леня тебя выжимает: вот так.

Л ю б о в ь: — Еще бы. У него был ужасающій характер. Сам признавался, что не характер, а хакакири. Безконечно, бессмысленно донимал ревностью, настроеніями, всякими своими заскоками. А все-таки, это было самое — самое лучшее мое время.

В ѣ р а: — А помнишь, как папа испуганно говорил, что он темный дѣлец: полжизни в тѣни, а другая половина зыбкаля, зыбкаля, зыбкаля.

Л ю б о в ь: — Ну, это, положим, никто не доказал. Ленѣ просто всѣ очень завидовали, а папа вообще считал, что если заниматься денежными операціями, ничѣм, в сущности, не торгуя, человек должен сидѣть либо за рѣшеткой банка, либо за рѣшеткой тюрьмы. А Леня был сам по себѣ.

В ѣ р а: — Да, но это тоже повліяло тогда на тебя.

Л ю б о в ь: — На меня всѣ насѣли. Миша сидѣл всей своей тушей. Мама меня тихонько подѣдала, как собака ѣст куклу, когда никто не смотрит. Только ты, моя душенька, все впитывала и ничему не удивлялась. Но, конечно, главное, я сама: когда я по нашим свиданіям в паркѣ представляла себѣ, какова будет с ним жизнь в домѣ, то я чувствовала — нѣтъ, это нельзя будет выдержать: вѣчное напряженіе, вѣчное электричество... Просто идіотка.

В ѣ р а: — А помнишь, как он, бывало, приходил мрачный и мрачно рассказывал что-нибудь дико смѣшное. Или как мы втроем сидѣли на верандѣ, и я знала, что вам до крига хочется, чтоб я ушла, а я сидѣла в качалкѣ и читала Тургенева, а вы на диванѣ, ч я знала, что, как только уйду, вы будете цѣловаться, и поэтому не уходила.

Л ю б о в ь: — Да, он меня безумно любил, безумно невезучей любовью. Но бывали и другія минуты, — совершенной тишины.

В ѣ р а: — Когда папа умер, и был продан наш дом и сад, мнѣ было обидно, что как то в придачу отдается все, что было в глазах напечатано, нашучено, наплакано.

Л ю б о в ь: — Да, слезы, озноб... Уфхал по дѣлам на два мѣсяца, а тут подвернулся Алеша, с мечтами, с ведрами краски. Я притворилась, что меня закружило, — да и Алеша было как-то жаль. Он был такой дѣтскій, такой безпомощный. И я тогда написала это ужасное письмо Ленѣ: помнишь, мы смотрѣли с тобой посреди ночи на почтовый ящик, гдѣ оно у ж е лежало, и казалось, что ящик разбух и сейчас разорвется, как бомба.

В ѣ р а: — Миѣ лично Алеша никогда не импонировал. Но миѣ казалось, что у тебя будет с ним замѣчательно интересная жизнь, а вѣдь мы до сих пор, собственно, не знаем, великій ли он художник или чепуха. «Мой предок, всевода четырнадцатаго вѣка, писал Т р о щ ѣ й к и н через ять, а посему, дорогая Вѣра, попрошу и вас впредь писать так мою фамилію».

Л ю б о в ь: — Да, вот и выходит, что я вышла замуж за букву ять. А что теперь будет, я совершенно не знаю... Ну, скажи: почему у меня было это бесплатное добавленіе с Ревшиным? На что это миѣ: только лишняя обуза на душѣ, лишняя пыль в домѣ. И как это унизительно, что Алеша все отлично знает, а дѣлает вид, что все чудно. Боже мой, Вѣрочка, подумай: Леня сейчас за нѣсколько улиц от нас, я мысленно все время туда усакиваю и ничего не вижу. *(Входит Марфа с двумя мячами)*.

В ѣ р а: — Во всяком случаѣ, все это безумно интересно.

(Марфа убирает чашку от кофе).

М а р ф а: — А что купить к чаю-то? Или вы сами?

Л ю б о в ь: — Нѣт, уж вы, пожалуйста. Или, может быть, заказать по телефону? Не знаю, — я сейчас приду и скажу вам. *(Вбѣгает Трощѣйкин. Марфа уходит)*.

Л ю б о в ь: — Ну что?

Т р о щ ѣ й к и н: — Ничего: в городѣ спокойно.

В ѣ р а: — А ты что, Алеша, предполагал: что будут ходить с флагами?

Т р о щ ѣ й к и н: — А? Что? Какіе флаги? *(к жень)* Она уже знает? *(Любовь пожимает плечами)*.

Т р о щ ѣ й к и н *(к Вѣрѣ)*: — Ну, что ты скажешь? Хорошее положеніе, а?

В ѣ р а: — По моему, замѣчательное.

Т р о щ ѣ й к и н: — Можешь меня поздравить. Я с Вишневским немедленно разругался. Старая жаба! Ему и горя мало. Звонил в полицію, но так и осталось неизвѣстно, есть ли надзор, а если есть, то в чем он состоит. Выходит так, что пока нас не убьют, ничего нельзя предпринять. Словом, все очень мило и элегантно.

Между прочим, я сейчас из автомобиля видѣл его сподручнаго, — как его? — Аршинскаго. Не к добру.

В ф р а: — О, Аршинскаго? Он здѣсь? Тысячу лѣтъ его не встрѣчала. Да, он очень был дружен с Ленею Барбашиным.

Т р о щ ѣ й к и н: — Он с Ленею Барбашиным фальшивые векселя стряпал, — такой же мрачный прохвост. Слушай, Люба, так как на отъзд нужны деньги, я не хочу сегодня пропускать сеансы, — в два придет ребенок, а потом старуха, но, конечно, гостей нужно отмѣнить, позаботься об этом.

Л ю б о в ь: — Вот еще! Напротив: я сейчас распоряджусь насчет торта. Это мамин праздник, и я ни в коем случаѣ не собираюсь портить ей удовольствіе ради каких-то призраков.

Т р о щ ѣ й к и н: — Милая моя, эти призраки у б и в а ю т. Ты это понимаешь или нѣтъ? Если вообще ты относишься к опасности с такой птичьей безпечностью, то я... не знаю.

В ф р а: — Алеша, ты боишься, что он проскользнет вмѣстѣ с другими?

Т р о щ ѣ й к и н: — Хотя бы. Ничего в этом смѣшного нѣтъ. Га-стей ждут! Скажите, пожалуйста. Когда крѣпость находится на положеніи о с а д ы, то не называют дорогих знакомых.

Л ю б о в ь: — Алеша, крѣпость уже сдана.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ты что, нарочно? Рѣшила меня известить?

Л ю б о в ь: — Нѣтъ, просто не хочу другим портить жизнь из-за твоих фанаберій.

Т р о щ ѣ й к и н: — Есть тысяча вещей, которыя нужно рѣшить, а мы занимаемся чорт знает чѣм. Допустим, что Баумгартен мнѣ добудет денег... Что дальше? Вѣдь это значит, все нужно бросить, — а у меня пять портретов на мази, и важныя письма, и часы в починкѣ... И если ѣхать, то куда?

В ф р а: — Если хочешь знать мое мнѣніе: ты это слишком принимаешь к сердцу. Мы тут сейчас сидѣли с Любой и вспоминали прошлое, — и пришли к заключенію, что у тебя нѣтъ никакого основанія бояться Лени Барбашина.

Т р о щ ѣ й к и н: — Да что ты его все Ленею... Кто это — вундеркинд? Вот Вишневскій меня тоже ус-по-ка-евал. Я хорошо его осадил. Теперь уж на казенную помощь надѣяться не приходится, — обидѣлась жаба. Я не трус, я боюсь не за себя, но я вовсе не хочу, чтобы первый понавшійся мерзавец всадил в меня пулю.

В ф р а: — Я не понимаю, Алеша, одной маленькой вещи. Вѣдь я отлично помню, не так давно мы как-то всѣ вмѣстѣ обсу-

дали вопрос: что будет, когда Барбашин вернется. (*Любовь вышла*).

Т р о щ ѣ й к и н: — Предположим...

В ѣ р а: — И вот тогда ты совершенно спокойно. — — Нѣтъ, ты не стой ко мнѣ спиной.

Т р о щ ѣ й к и н: — Если я смотрю в окно, то не даром.

В ѣ р а: — Боишься, что он подкарауливает?

Т р о щ ѣ й к и н: — Э, не сомнѣваюсь, что он гдѣ-то поблизости и ждет момента...

В ѣ р а: — ... Ты тогда спокойно все предвидѣл и увѣрял, что у тебя нѣтъ злобы, что будешь когда-нибудь пить с ним брудершафт. Одним словом, кротость и благородство.

Т р о щ ѣ й к и н: — Не помню. Напротив: не было дня, чтобы я не мучился его возвращеніем. Что ты полагаешь, — я не подготавливал отъѣзда? Но как я мог предвидѣть, что его вдруг простят? Как, скажи? Через мѣсяца два была бы моя выставка... Кромѣ того, я жду писем... Через год уфхали бы... И уже навѣки, конечно! (*Любовь возвращается*).

Л ю б о в ь: — Ну вот. Мы сейчас завтракаем. Вѣрочка, ты остаешься у нас, правда?

В ѣ р а: — Нѣтъ, миленькая, я пойду. К мамѣ еще раз взгляну и уж пойду к себѣ. Знаешь, Вашечка из больницы приходит, падо его накормить. Я приду днем.

Л ю б о в ь: — Ну, как хочешь.

В ѣ р а: — Между прочим, эта его ссора с мамой меня начинает раздражать. Обидѣться на старую женщину оттого, что она посмѣла сболтнуть, что он кому-то неправильно діагноз поставил. Ужасно глупо.

Л ю б о в ь: — Только приходи сразу послѣ завтрака.

Т р о щ ѣ й к и н: — Господа, это чистѣйшее безуміе! Я тебѣ повторяю в послѣдній раз, Люба: нужно отмѣнить сегодняшній фестиваль. К чорту!

Л ю б о в ь (*к Втрѣ*): — Какой он странный, правда? Вот он будет так зудить еще час и нисколько не устанет.

Т р о щ ѣ й к и н: — Превосходно. Только я присутствовать не буду.

Л ю б о в ь: — Знаешь, Вѣрочка, я, пожалуй, выйду с тобой до угла: солнышко появилось.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ты выйдешь на улицу? Ты — —

В ѣ р а: — Пожалѣй мужа, Любинька. Успѣешь погулять.

Т р о щ ѣ й к и н: — Нѣтъ, милая моя, ... если ты... если ты это едѣлаешь...

Л ю б о в ь: — Хорошо, хорошо. Только не ори.

В ѣ р а: — Ну вот, я пошла. Тебѣ, значит, правятся мои перчатки? Симпатичныя, правда? А ты, Алеша, успокойся.... Возьми себя в руки... Никто твоей крови не жаждет...

Т р о щ ѣ й к и н: — Завидую, голубушка, твоему спокойствію! А вот, когда твою сестру ухлопают наповал, тогда вот ты вспомнишь — и попрыгаешь. Я во всяком случаѣ завтра уѣзжаю. А если денег не достану, то буду знать, что хотят моей гибели. О, если я был бы ростовщик, бакалейщик, как бы меня берегли! Ничего, ничего! Когда - нибудь мои картины заставят людей почесать затылки, — только я этого не увижу. Какая подлость! Убийца по ночам бродит под окнами, а жирный адвокат совѣтует дать у т р я с т и с ь. Кто это будет утряхиваться, собственно говоря? Это мнѣ-то в гробу трястись по булыжникам? Нѣт-с, извините! Я еще постою за себя!

В ѣ р а: — До свиданья, Любинька. Значит, я скоро приду. Я увѣрена, что все будет хорошо, правда? Но, пожалуй, все-таки лучше сиди дома сегодня.

Т р о щ ѣ й к и н (*у окна*): — Люба! Скорѣй сюда- Он.

В ѣ р а: — Ах, я тоже хочу посмотреть.

Т р о щ ѣ й к и н: — Там!

Л ю б о в ь: — Гдѣ? Я ничего не вижу.

Т р о щ ѣ й к и н: — Там! У кіюска. Там, там, там. Стоит. Ну, видишь?

Л ю б о в ь: — Какой? У края панели? С газетой?

Т р о щ ѣ й к и н: — Да, да, да!

(Входит Антонина Павловна).

А н т. П а в л о в н а: — Дѣти мои, Марфа уже подает.

Т р о щ ѣ й к и н: — Теперь видишь? Что, кто был прав? Не высовывайся! С ума сошла!...

З а н а в ѣ с.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостинная, она же столовая. Любовь, Антонина Павловна. Стол, буфет. Марфа, краснолицая старуха, с двумя мясистыми наростами на вискѣ и у носа, убирает со стола остатки завтрака и скатерть.

М а р ф а: — А в котором часу он придет-то, Любовь Ивановна?

Л ю б о в ь: — Вовсе не придет. Можете отложить попеченіе.

М а р ф а : — Какое печеніе?

Л ю б о в ь : — Ничего. В ы ш и т у ю скатерть, пожа-
луйста.

М а р ф а : — Напугал меня Алексѣй Максимович. В о ч-
к а х , говорит, будет.

Л ю б о в ь : — Очки? Что вы такое выдумываете?

М а р ф а : — Да мнѣ все одно. Я его сроду не видала.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Вот. Нечего сказать —
хорошо он ее натаскал.

Л ю б о в ь : — Я никогда и не сомнѣвалась, что Алеша со-
бьет ее с толка. Когда он пускается описывать наружность человѣ-
ка, то начинается квази-фантазія или тенденція. (*К Марфѣ*). Из
кондитерской все прислали?

М а р ф а : — Что было заказано, то и прислали. Блѣдный,
говорит, ворот поднят, а гдѣ это я узнаю блѣднаго от румянаго,
раз — ворот, да черныя очки? (*Уходит*).

Л ю б о в ь : — Глупая бытовая старуха.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Ты, Любушка, все-таки
попроси Ревшина послѣдить за ней, а то она вообще со страху ни-
кого не впустил.

Л ю б о в ь : — Главное, она врет. Превосходно может разо-
браться, если захочет. От этих сумасшедших разговоров я и сама
начинаю вѣрить, что он вдруг явится.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Бѣдный Алеша! Вот кого
жалко... Е е напугал, на м е н я накричал почему-то... Что я
такого сказала за завтраком?

Л ю б о в ь : — Ну, это понятно, что он разстроен. (*Малень-
кая пауза*). У него даже начинаются галлюцинаціи... Принять ка-
кого-то низенькаго блондина, спокойно покупающаго газету, за
— — Какая чужь! Но вѣдь его не разубѣдишь. Рѣшил, что Бар-
башин ходит под нашими окнами, значит это так.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Смѣшно, о чем я сейчас
подумала: вѣдь из всего этого могла бы выйти презрительная пьеса.

Л ю б о в ь : — Дорогая моя мамочка! Ты чудная сырая жен-
щина. Я так рада, что судьба дала мнѣ литературную мать. Дру-
гая бы выла и причитала на твоём мѣстѣ, а ты творишь.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Нѣтъ, правда. Можно бы-
ло бы перенести на сцену, почти не мѣняя, только стущая нем-
ножко. Первый акт: вот такое утро, как нынче было... Правда,
вмѣсто Ревшина я бы взяла другого вѣстника, менѣе трафаретна-
го. Явился, скажем, забавный полицейскій чиновник с красным

носом или адвокат с еврейским акцентом. Или, наконец, какая-нибудь роковая красавица, которую Барбашин когда-то бросил. Все это можно без труда подвзбить. А дальше, значит, развивается.

Л ю б о в ь: — Одним словом: Господа, к нам в город приѣхал ревизор. Я вижу, что ты всю эту исторію воспринимаешь, как добавочный сюрприз по случаю твоего рожденія. Молодец, мамочка! А как по-твоему развивается дальше? Будет стрѣльба?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Ну, это еще надобно подумать. Может быть, он сам покончит с собой у твоих ног.

Л ю б о в ь: — А мнѣ очень хотѣлось бы знать окончаніе. Леонид Викторович говорил о пьесах, что, если в первом дѣйствіи висит на стѣнѣ ружье, то в послѣднем оно должно дать осячку.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Ты только, пожалуйста, никаких глупостей не дѣлай. Подумай, Любушка, вѣдь это — счастье, что ты за него не вышла. А как ты злилась на меня, когда я еще в самом началѣ старалась тебя урезонить!

Л ю б о в ь: — Мамочка, сочиняй лучше пьесу. А мои воспоминанія с твоими никогда не уживаются, так что не стоит и сводить. Да, ты хотѣла нам почитать свою сказку.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Прочту, когда соберутся гости. Ты уж потерпи. Я ее перед завтраком пополнила и отшлифовала. (*Маленькая пауза*). Не понимаю, отчего мнѣ от Миши не было письма. Странно. Не болен ли он...

Л ю б о в ь: — Глупости. Забыл, а в послѣднюю минуту почитается галопом на телеграфъ. (*Входит Ревшин, чуть ли не в визиткѣ*).

Р е в ш и н: — Еще раз здравствуйте. Как настроеньице?

Л ю б о в ь: — О, великолѣпное. Вы что, на похороны собрались?

Р е в ш и н: — Это почему? Черный костюм? Как же иначе: семейное торжество, пятидесятилѣтіе дорогой писательницы. Вы, кажется, любите хризантемы, Антонина Павловна... Цвѣток самый писательскій.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Прелесть! Спасибо, голубчик. Любушка, вон там ваза.

Р е в ш и н: — А знаете, почему цвѣток писательскій? Потому что у хризантемы всегда есть те мы.

Л ю б о в ь: — Душа общества...

Р е в ш и н: — А гдѣ Алексѣй Максимович?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Ах, у бѣдняжки сеанс.

Рисует сына ювелира. Что, есть у вас какія - нибудь вѣсти? Бѣлаго больше не встрѣчали?

Л ю б о в ь : — Так я и знала: теперь пойдет слух, что он сбѣжал с каторги.

Р е в ш и н : — Особых вѣстей не имѣется. А как вы расцѣниваете положеніе, Антонина Павловна?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Оптимистически. Кстати, я убѣждена, что если бы мнѣ дали пять минут с ним поговорить, все бы сразу прояснилось.

Л ю б о в ь : — Нѣт, эта ваза не годится. Коротка.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Он звѣрь, а я со звѣрьми умѣю разговаривать. Моего покойнаго мужа однажды хотѣл обидѣть дѣйствиєм пациент, — что будто, значит, его жену не спасли во время. Я его живо угомонила. Давай-ка эти цвѣточки сюда. Я сама их устрою — у меня там ваз сколько угодно. Моментально присмирѣл.

Л ю б о в ь : — Мамочка, этого никогда не было.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Ну, конечно: если у меня есть что - нибудь занимательное рассказать, то это только мой вымысел. *(Уходит с цвѣтами)*.

Р е в ш и н : — Что ж — судьба всѣх авторов!

Л ю б о в ь : — Навѣрное — ничего нѣт? Или все-таки позанялись любительским сыском?

Р е в ш и н : — Ну что ты опять на меня ополчаешься... Ты же... вы же... знаете, что я — —

Л ю б о в ь : — Я знаю, что вы обожаете развлекаться чужими дѣлами. Шерлок Холмс из Барнаула.

Р е в ш и н : — Да нѣт, право же...

Л ю б о в ь : — Вот поклянитесь мнѣ, что вы его больше не видѣли? *(Страшный звон. Вбѣгает Троцкій)*.

Т р о ц ь ѣ к и н : — Зеркало разбито! Гнусный мальчишка разбил мячом з е р к а л о !

Л ю б о в ь : — Гдѣ? Какое?

Т р о ц ь ѣ к и н : — Да в передней. Поди - поди - поди. Полюбуйся!

Л ю б о в ь : — Я тебя предупреждала, что послѣ сеанса он должен сразу отправляться домой, а не шпарить в футбол. Конечно, он сходит с ума, когда пять мячей... *(Быстро уходит)*.

Т р о ц ь ѣ к и н : — Говорят, отвратительная примѣта. Я в примѣты не вѣрю, но почему-то онѣ у меня в жизни всегда сбывались. Как неприятно... Ну, рассказывайте.

Р е в ш и н: — Да, кое-что есть. Только убѣдительно прошу — ни слова вашей женкѣ. Это ее только взбудоражит, особенно в виду того, что она к этой исторіи относится, как к своему частному дѣлу.

Т р о щ ѣ й к и н: — Хорошо, хорошо... Вываливайте.

Р е в ш и н: — Итак, как только мы с вами разстались, я отправился на его улицу и стал на дежурство.

Т р о щ ѣ й к и н: — Вы его видѣли? Говорили с ним?

Р е в ш и н: — Погодите, я по порядку.

Т р о щ ѣ й к и н: — К чорту порядок!

Р е в ш и н: — Замѣчаніе по меньшей мѣрѣ анархическое, но все-таки потерпите. Вы уже сегодня испортили отношенія с Вишневымскім вашей склонностью к быстрым словам.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, это начхать. Я иначе устроюсь.

Р е в ш и н: — Было, как вы знаете, около десяти. Ровно в половинѣ одиннадцатаго туда вошел Аршинскій, — вы знаете, о ком я говорю?

Т р о щ ѣ й к и н: — То-то я его видѣл на бульварѣ, — очевидно, как раз туда шел.

Р е в ш и н: — Я рѣшил ждать, несмотря на дождик. Проходит четверть часа, полчаса, сорок минут. «Ну», говорю, «он, вѣроятно, до ночи не выйдет».

Т р о щ ѣ й к и н: — Кому?

Р е в ш и н: — Что кому?

Т р о щ ѣ й к и н: — Кому вы это сказали?

Р е в ш и н: — Да тут из лавки очень толковый приказчик, — и еще одна дама из сосѣдняго дома с нами стояла. Ну, еще кое-кто, — не помню. Это совершенно не важно. Словом, говорили, что он уже утром выходил за папирсами, а сейчас навѣрное пойдет завтракать. Тут погода нѣсколько улучшилась...

Т р о щ ѣ й к и н: — Умоляю вас — без описаній природы. Вы его видѣли или нѣтъ?

Р е в ш и н: — Видѣл. Без двадцати двѣнадцать он вышел вмѣстѣ с Аршинским.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ага!

Р е в ш и н: — В свѣтло - сѣром костюмѣ. Выбрит как бог, а выраженіе на лицѣ ужасное: черные глаза горят, на губах усмѣшка, брови нахмурены. На углу он распрощался с Аршинским и вошел в ресторан. Я так, незамѣтно, профланировал мимо и сквозь витрину вижу: сидит за столиком у окна и что-то записывает в

книжечку. Тут ему подали закуску, он ею занялся, — ну, а я почувствовал, что тоже смертный, и рѣшил пойти домой завтракать.

Т р о щ ѣ й к и н: — Значит, он был угрюм?

Р е в ш и н: — Адски угрюм.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, кабы я был законодателем, я бы за выраженіе лица тащил бы всякаго в участок — сразу. Это все?

Р е в ш и н: — Терпѣніе. Не успѣл я отойти на пять шагов, как меня догоняет ресторанный лакей с запиской. От него. Вот она. Видите, сложено, и сверху его почерком: «Господину Ревшкн-ну, в руки». Попробуйте угадать, что в ней сказано.

Т р о щ ѣ й к и н: — Давайте скорѣй, некогда гадать.

Р е в ш и н: — А все-таки.

Т р о щ ѣ й к и н: — Давайте, вам говорят.

Р е в ш и н: — Вы бы, впрочем, все равно не угадали. На-те.

Т р о щ ѣ й к и н: — Не понимаю... Тут ничего не написано... Пустая бумажка.

Р е в ш и н: — Вот это-то и жутко. Такая бѣлизна страшнѣе всяких угроз. Меня прямо ослѣпило.

Т р о щ ѣ й к и н: — А он талантлив, этот гнус. Во всяком случаѣ, нужно сохранить. Может пригодиться, как вещественное доказательство. Нѣтъ, я больше так не могу жить... Который час?

Р е в ш и н: — Двадцать пять минут четвертаго.

Т р о щ ѣ й к и н: — Через полчаса придет мерзѣйшая Вагабундова: представляете себѣ, как мнѣ в е с е л о сегодня писать портреты? И это ожиданіе... Вечером мнѣ должны позвонить... Если денег не будет, то придется вас послать за горячечной рубашкой для меня. Каково положеніе! Я кругом в авансѣ, а в домѣ шиш. Неужели вы ничего не можете придумать?

Р е в ш и н: — Да что ж, пожалуй... Видите ли, у меня лично свободных денег сейчас нѣтъ, но в крайнем случаѣ я достану вам на билет, — недалеко, конечно, — и, скажем, на двѣ недѣли жизни там, с условіем, однако, что Любовь Ивановну вы опустите к моей сестрѣ в деревню. А дальше будет видно.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, извините: я без нея не могу. Вы это отлично знаете. Я вѣдь как малый ребенок. Ничего не умѣю, все путаю.

Р е в ш и н: — Что ж, придется вам все путать. Ей будет там отлично, сестра у меня первый сорт, я сам буду наѣзжать. Имѣйте в виду, Алексѣй Максимович, что, когда мишень раздѣлена на двѣ части, и эти части в разных мѣстах, то стрѣлять не во что.

Т р о щ ѣ й к и н : — Да я ничего не говорю... Это вообще разумно... Но вѣдь Люба заартачится.

Р е в ш и н : — Как -нибудь можно уговорить. Вы только подайте так, что, дескать, это ваша мысль, а не моя. Так будет приличнѣй. Мы с вами сейчас говорим, как джентльмэн с джентльмэном, и, смѣю думать, вы отлично понимаете положеніе.

Т р о щ ѣ й к и н : — Ну, посмотрим. А как вы считаете, сэр, — если, дѣйствительно, я завтра отправлюсь, может быть, мнѣ загримироваться? У меня как раз остались от нашего театра борода и парик. А?

Р е в ш и н : — Почему же? Можно. Только смотрите, не испугайте пассажиров.

Т р о щ ѣ й к и н : — Да, это все как будто... Но с другой стороны, я думаю, что если он обѣщал, то он мнѣ достанет. Что?

Р е в ш и н : — Алексѣй Максимович, я не в курсѣ ваших кредитных возможностей. (*Входят Любовь и Вѣра*).

В ѣ р а (*к Ревшину*): Здравствуйте, конфидант.

Т р о щ ѣ й к и н : — Вот, послушай, Люба, что он рассказывает... (*Льзет в карман за запиской*).

Р е в ш и н : — Дорогой мой, вы согласились этого рискованнаго анекдота дамам не сообщать.

Л ю б о в ь : — Нѣт, сообщите немедленно.

Т р о щ ѣ й к и н : Ах, отстаньте вы всѣ от меня! (*Уходит*).

Л ю б о в ь (*к Ревшину*): — Хороши!

Р е в ш и н : — Клянусь, Любовь Ивановна...

Л ю б о в ь : — Вот о чем я вас попрошу. Там, в передней, Бог знает какой разгром. Я, напримѣр, палец порѣзала. Пойдите-ка — пужно перенести из спальни другое зеркало. Марфа не может.

Р е в ш и н : — С удовольствіем.

Л ю б о в ь : — И вообще вы будете слѣдить, чтоб она не шуганула какого -нибудь невиннаго гостя, приняв его за вашего сегодняшняго собесѣдника.

Р е в ш и н : — Любовь Ивановна, я с ним не бесѣдовал, — вот вам крест.

Л ю б о в ь : — И за одно скажите ей, чтоб она пришла мнѣ помочь накрыть к чаю. Сейчас начнут собираться.

В ѣ р а : — Любочка, позволь мнѣ накрыть, я это обожаю.

Р е в ш и н : — Увидите, буду, как чербер. (*Уходит*).

Л ю б о в ь : — Всякій раз, когда ожидаю гостей, я почему-то

думаю о том, что жизнь свою я профукала. Нѣтъ, лучше маленькія... Так что ж ты говоришь? Значит, у него все та же экономка?

В ѣ р а: — Да, все та же. Эти?

Л ю б о в ь: — Хотя бы. А откуда же Лиза ее знает?

В ѣ р а: — Она как-то рекомендовала Лизу Станиславским, а я ее от них получила. Я как сегодня пришла от тебя, застала ее за оживленной бесѣдой с дворником. Барбашии да Барбашии — сплошное бормотаніе. Словом, оказывается, что он пріѣхал без предупрежденія, вчера, около семи вечера, но все было в полном порядкѣ, так как экономка там все время жила.

Л ю б о в ь: — Да, я хорошо помню эту квартиру.

В ѣ р а: — Нынче ночью он выходил куда-то, а потом чуть ли не с утра писал на машинкѣ письма.

Л ю б о в ь: — Ах, Вѣра, как это все в общем плоско. Почему я должна интересоваться сплетнями двух старых баб.

В ѣ р а: — А все-таки интересно, сознайся! И немножко страшно.

Л ю б о в ь: — Да — и немножко страшно....

(Входит Марфа с тортом и Антонина Павловна с фруктами).

В ѣ р а: — Вдруг он, правда, замышляет что-нибудь зловѣщее? Да, вот еще: будто бы очень отощал в тюрьмѣ и первым дѣлом заказал котлет и бутылку шампанскаго. Вообще, Лиза тебя очень жалѣла... Сколько будет человѣк приблизительно? Я правильно сосчитала?

Л ю б о в ь: — Писатель... Тетя Женя, дядя Поль... Старушка Николадзе... Мѣшаев... Ревшин... Мы четверо... кажется, все. На всякій случай, еще один бокал поставим.

В ѣ р а: — Для кого это? Или..?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Мѣшаев говорил, что может быть будет его брат. А знаешь, Любуша...

Л ю б о в ь: — Что?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Нѣтъ, ничего, я думала, что это из старых вилочек. *(Входит Троицкій).*

Т р о и ц ѣ й к и н: — Ну вот, слава Богу. Люди начинают просыпаться. Люба, сейчас звонил Куприков, и умолял нас не выходить, на улицу. Он сейчас у меня будет. Очевидно, есть что - то новое. Не хотѣл по телефону.

Л ю б о в ь: — Очень жаль, что придет. Я совершенно не выношу твоих коллег. Видишь, Вѣра, бокал пригодится. Ставь - ка еще лишній.

Т р о щ ъ й к и н : — Да, кажется, люди начинают понимать, в каком мы находимся положеніи. Ну, я, знаешь, подкрѣплюсь.

Л ю б о в ь : — Оставь торт, не будь хамом. Подожди пока соберутся гости, тогда будешь под шумок нажираться.

Т р о щ ъ й к и н : — Когда придут гости, то я буду у себя. Это уж извините. Хорошо, я возьму просто конфету.

В ѣ р а : — Алеша, не порти. Я так чудно устроила. Слушай, я тебя сейчас шлепну по пальцам.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Вот тебѣ кусочек кекса.

(Звонок).

Т р о щ ъ й к и н : — А, это старуха Вагабундова. Попробую сегодня дописать. У меня руки трясутся, не могу держать кисть, — а все-таки допишу ее, чорт бы ее взял! Церемониться особенно не буду.

В ѣ р а : — Это у тебя от жадности — руки трясутся.

(Входит Ревшин).

Р е в ш и н : — Господа, там пришла какая-то особа: судя по нѣкоторым признакам, она не входит в сегодняшнюю программу. Какая-то Элеонора Шнап. Принимать?

Т р о щ ъ й к и н : — Это что такое, Антонина Павловна? Кого вы зазываете? В шею?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Я ее не приглашала. Шнап? Шнап? Ах, Любушка... Это вѣдь кажется твоя бывшая акушерка?

Л ю б о в ь : — Да. С т р а ш н а я женщина. Не надо ея

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Раз она пришла меня поздравить, то нельзя гнать. Не мило.

Л ю б о в ь : — Как хочешь. (К Ревшину). Ну, живо. Зовите.

В ѣ р а : — Мы ее послѣдній раз видѣли на похоронах...

Л ю б о в ь : — Не помню, ничего не помню...

Т р о щ ъ й к и н (собирается уйти палъво): — Меня, во всяком случаѣ, нѣтъ.

В ѣ р а : — Напрасно, Алеша. Племянница ся перваго мужа была за двоюродным братом Барбашина.

Т р о щ ъ й к и н : — А! Это другое дѣло...

(Входит Элеонора Шнап: фиолетовое платье, пенсне).

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Как любезно, что вы зашли. Я, собственно, просила не разглашать, но повидимому, скрыть невозможно.

Э л е о н о р а Ш н а п : — К сожалѣнію об этом уже говорит вес, вес город.

Антонина Павловна: — Именно, к сожалѣнію! Очень хорошо. Я сама понимаю, что этим нечего гордиться: только ближе к могилѣ. Это моя дочь Вѣра, Любовь вы, конечно, знаете, моего зятя тоже, а Надежды у меня нѣтъ.

Элеонора Шнап: — Божмой! Неужели безнадежно?

Антонина Павловна: — Да, ужасно безнадежная семья. (*Смѣется*). А до чего мнѣ хотѣлось имѣть наленькую Надю с зелеными глазками.

Элеонора Шнап: — Так?

Любовь: — Тут происходит недоразумѣніе. Мамочка!

Антонина Павловна: — Присаживайтесь, пожалуйста. Сейчас будем чай пить.

Элеонора Шнап: — Когда я сегодня узнала, то пріям всплеснула руками. Думаю себѣ: нужно чичас провѣдать пойти.

Любовь: — И посмотрѣть, как они это переживают?

Антонина Павловна: — Очень, очень любезно. А кто вам, собственно, сказал? Женя, Евгенія Васильевна?

Элеонора Шнап: — Нѣтъ. Мадам Вишневская.

Антонина Павловна: — Да она-то откуда знает? Алеша, ты разболтал?

Любовь: — Мамочка, я тебѣ говорю, тут происходит идіотская путаница. (*К Шнап*). Дѣло в том, что сегодня рожденіе моей матери.

Элеонора Шнап: — Несчастливая мать! О, я все помню...

Трошѣйкин: — Скажите, вы, может быть, этого человѣка — —

Любовь: — Перестань, пожалуйста. Что это за разговоры?

Элеонора Шнап: — Друг спознается во время большого несчастья, а недруг во время маленьких. Так мой профессор Эссер всегда говорил. Я не могла не придти...

Вѣра: — Никакого несчастья нѣтъ. Что вы! Всѣ совершенно спокойны и даже в праздничном настроеніи.

Элеонора Шнап: — Да, это хорошо. Никогда не нужно поддаваться. Нужно держаться — так! (*К Любови*). Бѣдная, бѣдная вы моя! Бѣдная жертвенница. Благодарите Бога, что ваш младенчик не видит всего этого.

Любовь: — Скажите, Элеонора Карловна..., а у вас много работы? Много рожают?

Элеонора Шнап: — О, я знаю: моя репутація — ре-

путація холоднаго женскаго врача... Но право же, кромѣ щипцов, я имѣю еще большое грустное сердце.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Во всяком случаѣ, мы очень тронуты вашим участіем.

Л ю б о в ь : — Мамочка! Это невыносимо... *(Звонок)*.

Т р о щ ѣ й к и н : — Так, между нами: вы, может быть, этого человѣка сегодня видѣли?

Э л е о н о р а Ш н а п : — Чичас заходила, но его не было у себя. А что, желайте передать ему что - либо?

(Входит Ревшин).

Р е в ш и н : — К вам, Алексѣй Максимович: госпожа Вагабундова.

Т р о щ ѣ й к и н : — Сію минуту. Слушай, Люба, когда придет Куприков, вызови меня немедленно.

(Вагабундова входит, как прыгающій мяч: очень пожилая, блрое с кружевами платье, такой же вѣер, бархатка, абрикосовые волосы).

В а г а б у н д о в а :

Здрате, здрасте, извиняюсь за вторженье!

Алексѣй Максимович, в виду положенья — —

Т р о щ ѣ й к и н : — Пойдем, пойдем!

В а г а б у н д о в а :

— — и данных обстоятельств — —

Л ю б о в ь : — Сударыня, он сегодня очень в ударѣ, увидите!

В а г а б у н д о в а :

Без препирательств!

Нѣт — нѣт — нѣт.

Вы не можете рисовать мой портрет.

Господи, как это вам нравится!

Убивать такую красавицу!

Т р о щ ѣ й к и н : — Портрет кончить необходимо.

В а г а б у н д о в а :

Художник, мнѣ не нужно геройства!

Я уважаю ваше разстройство:

я сама вдова —

и не раз, а два.

Моя брачная жизнь была мрачная ложь

и состояла сплошь

из смертей.

Я вижу, вы ждете гостей?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Присаживайтесь, пожалуйста.

В а г а б у н д о в а — Кажду новостей!

Т р о щ ѣ й к и н : — Послушайте, я с вами говорю серьезно. Выпейте чаю, с'шьте чего хотите, — вот эту гулю с кремом, — но потом я хочу вас п и с а т ь ! Поймите, я, в'роятно, завтра у'ду. Надо кончать!

Э л е о н о р а Ш н а п : — Т-ак. Это говорит разум. У'зжайте, у'зжайте и опять у'зжайте! Я с мосье Барбашиным всегда была немножко знакома за панибрата, и, конечно, он сд'лает что-либо ужасное.

В а г а б у н д о в а :

Может быть, метнет бомбу?

А, — хватит апломбу?

Вот метнет

и вс'х нас

сейчас — сейчас

разорвет.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — За себя я спокойна. В Инди есть пов'рье, что только великие люди умирают в день своего рожденья. Закон ц'лых чисел.

Л ю б о в ь : — Такого пов'рья н'т, мамочка.

В а г а б у н д о в а :

Поразительное совм'щенье:

семейный праздник и — это возвращенье!

Э л е о н о р а Ш н а п : — Я то же самое говорю. Они были так счастливы! На чем держится людское счастье? На тоненькой-тоненькой ниточк'!

В а г а б у н д о в а (*к Антонинь Павловнь*):

Какое прелестное ситечко!

Мн' пожиже, пожиже...

Да, счастье, — и вот — поди-же!

В ѣ р а : — Господа, что же вы их уже отп'ваете? Вс' отлично знали, что Барбашии когда -нибудь вернется, а то, что он вернулся н'сколько раньше, ничего в сущности не м'няет. Ув'ряю вас, что он не думает о них больше. (*Звонок*).

В а г а б у н д о в а :

Не говорите. Я все пережила...

Пов'рьте, тюрьма его разожгла!

Алекс'й Максимович, душенька, н'т!

Забудем портрет.

Я не могу сегодня застыть.

Я волнуюсь, у меня грудь будет ходить. *(Решим входит)*.

Решим: — Евгенья Васильевна с супругом, а также свободный художник Куприков.

Троцкйкин: — А, погодите. Он ко мнѣ.

(Троцкйкин уходит).

Элеонора Шнап *(к Вагабундовой)*: — Как я вас панмаю! У меня тоже обливается сердце. Между нами говоря, я совершенно убѣждена теперь, что это был его ребеночек...

Вагабундова:

Никакого сомнѣнья!

Но я рада услышать профессиональное мнѣнье.

(Входят тетя Женя и дядя Поль. Она пышная, с шелковом платьѣ, была бы в четвъ с лентами, если бы на полъзка раньше. Он: бѣлый бобрик, бѣлые бровы усы, которые расчесывает щеточкой, благообразен, но гага).

Евгенія Васильевна: — Неужели это все правда? Бѣжал с каторги? Пытался ночью вломиться к вам?

Вфра: — Глупости, тетя Женя. Что вы слушаете всякія враки?

Евгенія Васильевна: — Хороши враки! Вот Поль его сегодня... Сейчас он это сам расскажет. Онѣ мнѣ чудесно рассказывал. Услышите. *(К Антонинъ Павловнѣ)*. Поздравляю тебя. Антонина, хотя едва ли это умѣстно сегодня. *(К Любови, указывая на Шнап)*. С этой стервой я не разговариваю. Кабы знала, не пришла... Поль, всѣ тебя слушают.

Дядя Поль: Как-то на днях...

Тетя Женя: — Да нѣтъ, нѣтъ: нынче

Дядя Поль: Нынче, говорю я, совершенно для меня неожиданно, я вдруг увидѣл, как нѣкоторое лицо вышло из ресторана.

Вагабундова:

Из ресторана?

Так рано?

Навѣрное пьяный?

Антонина Павловна: — Ах, зачѣм ты меня так балуешь, Женичка? Прелесть! Смотри, Любушка, какіе платочки.

Элеонора Шнап: — Да. Плакать в них будете.

Дядя Поль: — Дѣлая поправку на краткость моего на-

блюденія и быстроту прохожденія объекта, утверждаю, что я был в состоянїи трезвом.

Т е т я Ж е н я: — Да не ты, а он.

Д я д я П о л ь: — Хорошо: он.

В ѣ р а: — Дядя Польш, тебѣ это все померещилось. Явленіе не опасное, но нужно слѣдить.

Л ю б о в ь: — Вообще это все не очень интересно... Что тебѣ можно? Хочешь сперва торта? Нам сейчас мама будет читать свою новую сказку.

Д я д я П о л ь: — Мнѣ так показалось, — и нѣтъ такой силы, которая могла бы меня заставить измѣнить показаніе.

Т е т я Ж е н я: — Ну-ну, Польш... продолжай... ты теперь разогрѣлся.

Д я д я П о л ь: — Он шел, я шел. А на-днях я видѣл, как расшиблась велосепедистка.

В а г а б у н д о в а:

Положеніе ужасно!

Надо уѣзжать — это ясно!

Всѣм!

А я еще этого с'ѣм.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Может быть, Любушка, подождать, пока всѣ придут?

Л ю б о в ь: — Нѣтъ — нѣтъ, ничего, начни.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Что ж, приступим. Итак, этой сказкой или этюдом завершается цикл моих «Озаренных Озер». Польш, друг мой, садись, пожалуйста.

Д я д я П о л ь: — Предпочитаю стоять. (*Звонок*).

Т е т я Ж е н я: — Не понимаю. Он это рассказывал так красочно, так хорошо, — а теперь у него что-то заскочило. Может быть, потом разойдется. (*К мужу*). Ты мнѣ не нравишься послѣднее время. (*Входит Ревшин, пропуская вперед старушку*

Николадзе, сухонькую, стриженую, в черном, и Известнаго Писателя: он стар, лъвист, говорит слегка в нос, медленно и въско, не без выигранных прощипеній горла позади слов, одѣт в смокинг).

А н т о н и н а П а в л о в н а: — А, наконец!

П и с а т е л ь: — Ну что же... Надо вас поздравить повидимому.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Как я рада вас видѣть у себя! Я все боялась, что вы, залетный гость, невзначай умчитесь.

П и с а т е л ь: — Кажется, я ни с кѣм не знаком...

Н и к о л а д з е: — Поздравляю. Конфетки. Пустячок.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Спасибо, голубушка. Что это вы, право, тратитесь на меня!

П и с а т е л ь (к Вѣрѣ): — С вами я, кажется, встрѣчался, милая.

В ѣ р а: — Мы встрѣтились на раутѣ у Н. Н., дорогой Петр Николаевич.

П и с а т е л ь: — На раутѣ у Н. Н. ... А! Хорошо сказано. Я вижу, вы насмѣшница.

Л ю б о в ь: — Что вам можно предложить?

П и с а т е л ь: — Что вы можете мнѣ предложить... Нда. Это у вас что: кутья? А, кекс. Схож. Я думал, у вас справляются поминки.

Л ю б о в ь: — Мнѣ нечего поминать, Петр Николаевич.

П и с а т е л ь: — А! Нечего... Ну, не знаю, милая. Настроение что-то больно фиолетовое. Не хватает преосвященнаго.

Л ю б о в ь: — Чего же вам предложить? Этого?

П и с а т е л ь: — Нѣт. Я — антидульцинист: противник сладкаго. А вот — вина у вас нѣту?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Сейчас будет Моэт, Петр Николаевич. Любушка, нужно попросить Ревшина откупорить.

П и с а т е л ь: — А откуда у вас Моэт? (К Любви). Все богатѣете?

Л ю б о в ь: — Если хотите непременно знать, то это вино-торговец заплатил мужу натурой за поясной портрет.

П и с а т е л ь: — Прекрасно быть портретистом. Богатѣешь, рогатѣешь. Знаете, вѣдь по-русски «рогат» значит «богат», а не что-нибудь будуарное. Ну, а коньяку у вас не найдется?

Л ю б о в ь: — Сейчас вам подадут.

В а г а б у н д о в а:

Петр Николаевич, извините вдову...

Вижу вас, наконец, на яву.

Страшно польщена.

И не я одна.

Всѣ так любят ваши произведения.

П и с а т е л ь: — Благодарю.

В а г а б у н д о в а:

А скажите ваше сужденье...

Насчет положенья?

П и с а т е л ь: — Насчет какого положенья, сударыня?

Вагабундова:

Как, вы не слышали?

Вернулся тот, котораго не ждали.

Антонина Павловна (*взяла у Марфы из рук*): —
Вот, пожалуйте.

Писатель: — Да, мнѣ об этом докладывали. (*К Любови*).
А что, милая, поджилочки у вас трепещут? Дайте посмотрѣть... Я
в молодости влюбился в одну барышню исключительно из-за ея
поджилочек.

Любовь: — Я ничего не боюсь, Петр Николаевич.

Писатель: — Какая вы отважная. Нда. У этого убійцы
губа не дура.

Николадзе: — Что такое? Я ничего не понимаю... Какая
дура? Какой убійца? Что случилось?

Писатель: За ваше здоровье, милая. А коньяк-то у вас
того, не важнец.

Элеонора Шнап (*к Николадзе*): — О, раз вы ничего
не знаете, так я вам расскажу.

Вагабундова:

Нѣтъ, я

Очередь моя.

Элеонора Шнап: — Нѣтъ, моя. Оставьте, не мѣшай-
тесь.

Любовь: — Мамочка, пожалуйте.

Антонина Павловна: — Когда вы пришли, Петр
Николаевич, я собиралась прочесть присутствующим одну ма-
ленькую вещь, — но теперь я при вас что-то не смѣю.

Писатель: — Притворство. Вам будет только пріятно.
Полагаю, что в молодости вы лепетали между поцѣлуями, как всѣ
живыя женщины.

Антонина Павловна: — Я давно - давно это забы-
ла, Петр Николаевич.

Писатель: — Ну, читайте. Послушаем.

Антонина Павловна: — Итак, это называется
«Воскресающій Лебедь».

Писатель: — «Воскресающій Лебедь»... умирающій Ла-
зарь... Смерть вторая и заключительная... А, неплохо...

Антонина Павловна: — Нѣтъ, Петр Николаевич,
не Лазарь: лебедь.

Писатель: — Виноват. Это я сам с собой. Мелькнуло. Ав-
томатизм воображенія.

(Троцкийкин появляется в дверях и оттуда):

Т р о щ ъ й к и н: — Люба, на минутку.

Л ю б о в ь: — Иди сюда, Алеша.

Т р о щ ъ й к и н: — Люба!

Л ю б о в ь: — Иди сюда. Господину Куприкову тоже будет интересно.

Т р о щ ъ й к и н: — Как знаешь.

(Входит с Куприковым и репортером. Куприков — трафаретно - живописный живописец, в плечистом пиджаке и темнейшей рубашке при светлейшем галстуке. Репортер — молодой человек с пробором и вичным пером).

Т р о щ ъ й к и н: — Вот это Игорь Олегович Куприков. Знакомьтесь. А это господин от газеты, от «Солнца»: интервьюировать.

К у п р и к о в *(к Любове)*: — Честь имѣю... Я сообщил вашему супругу все, что мнѣ извѣстно.

В а г а б у н д о в а:

Ах, это интересно!

Расскажите, что вам извѣстно!

Т е т я Ж е н я: — Вот теперь... Поль! Блесни! Ты так чудно рассказывал. Поль! Ну-же... Господин Куприков, Алеша, — вот мой муж тоже...

Д я д я П о л ь: — Извольте. Это случилось так. Слѣва, из-за угла, катилась карета скорой помощи, справа же мчалась велосипедистка, — довольно толстая дама, в красном, насколько я мог замѣтить, беретѣ.

П и с а т е л ь: — Стоп. Вы лишаетесь слова. Слѣдующій.

В ѣ р а: — Пойдем, дядя Поль, пойдем, мой хорошій. Я дам тебѣ мармеладку.

Т е т я Ж е н я: — Не понимаю, в чем дѣло... Что-то в нем испортилось.

К у п р и к о в *(к Писателю)*: — Разрѣшите?

П и с а т е л ь: — Слово предоставляется художнику Куприкову.

Л ю б о в ь *(к мужу)*: — Я не знаю, почему нужно из всего этого дѣлать какой-то кошмарный балаган. Почему ты привел этого репортера с блокнотом. Сейчас мама собирается читать. Пожалуйста, не будем больше говорить о Барбашинѣ.

Т р о щ ъ й к и н: — Что я могу... Оставьте меня в покоѣ. Я медленно умираю *(к гостям)*. Который час? У кого - нибудь есть часы? *(Всѣ смотрят на часы)*.

П и с а т е л ь: — Ровно пять. Мы вас слушаем, господин Куприков.

К у п р и к о в: — Я только - что докладывал Алексѣю Максимовичу слѣдующій факт. Передам теперь вкратцѣ. Проходя сегодня в пол третьяго через городской сад, а именно по аллеѣ, которая копчается урной, я увидѣл Леонида Барбашина сидящим на зеленой скамьѣ.

П и с а т е л ь: — Да ну?

К у п р и к о в: — Он сидѣл неподвижно и о чем-то размышлял. Тѣнь листвы красивыми пятнами лежала вокруг его желтых ботинок.

П и с а т е л ь: — Хорошо... браво...

К у п р и к о в: — Меня он не видѣл, и я за ним наблюдал нѣкоторое время из-за толстаго древеснаго ствола, на котором кто-то вырѣзал — уже, впрочем, потемнѣвшіе — инициалы. Он смотрѣл в землю и думал тяжелую думу. Потом измѣнил осанку и начал смотрѣть в сторону, на освѣщенный солнцем лужок. Через минут двадцать он встал и удалился. На пустую скамью упал первый желтый лист.

П и с а т е л ь: — Сообщение важное и прекрасно изложенное. Кто-нибудь желает по этому поводу высказаться?

К у п р и к о в: — Из этого я заключил, что он замышляет недоброе дѣло, а потому обращаюсь снова, к вам, Любовь Ивановна, и к тебѣ, дорогой Алеша, при свидѣтелях, с убѣдительною просьбой принять максимальныя мѣры предосторожности.

Т р о щ ѣ й к и н: — Да! Но какія, какія?

П и с а т е л ь: — «Зад, как сказал бы Шекспир, зад из зык вѣщан». (*К репортеру*). А вы что имѣете сказать, солнце мое?

Р е п о р т е р: — Хотѣлось задать нѣсколько вопросов мадам Трощѣйкиной. Можно?

Л ю б о в ь: — Выпейте лучше стакан чаю. Или рюмку коньяку?

Р е п о р т е р: — Покорнѣйше благодарю. Я хотѣл вас спросить, так, в общих чертах, что вы почувствовали, когда узнали?

П и с а т е л ь: — Безполезно, дорогой, бесполезно. Она вам ничегошеньки не отвѣтит. Молчит и жжет. Признаться, я до дрожи люблю таких женщин. Что же касается этого коньяка... словом, не совѣтую.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Если позволите, я начну...

П и с а т е л ь (*к репортеру*): — У вас между прочим опять

печатают всякую дешевку обо мнѣ. Никакой повѣсти из цыганской жизни я не задумал и задумать не мог бы. Стыдно.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Петр Николаевич, позволяете?

П и с а т е л ь: — Просим. Вниманіе, господа.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Первые лучи солнца... Да, я забыла сказать, Петр Николаевич. Это из цикла моих «Озаренных Озер». Вы, может быть, читали... Первые лучи солнца, играя и как будто рѣзвясь, пробно пробѣжали хроматической гаммой по глади озера, перешли на клавиши камышей и замерли посреди темно - зеленой осоки. На этой осоцѣ, поджав одно крыло, а другое — — *(Входят Ревшин и Мѣшаев: румяный блондин с букетом таких же роз)*.

Р е в ш и н: — Вот, Любовь Ивановна, это кажется, послѣдній. Устал... Дайте — —

Л ю б о в ь: — Шш!.. Садитесь, Осип Михѣвич, — мама читает сказку.

М ѣ ш а е в: — Можно прервать чтеніе буквально на одну секунду? Дѣло в том, что я принес сенсационное извѣстіе.

Нѣсколько голосов:

— Что случилось? Говорите! Это интересно!

М ѣ ш а е в: — Любовь Ивановна! Алексѣй Максимович! Вчера вечером. Вернулся. Из тюрьмы. Барбашин! *(Общій смѣх)*.

П и с а т е л ь: — Все? Дорогой мой, об этом знают уже в родильных пріютах. Нда, — обарбашились...

М ѣ ш а е в: — В таком случаѣ ограничусь тѣм, что поздравлю вас с днем рожденія, уважаемая Антонина Павловна. *(Вынимает шпатель)*. Желаю вам еще долго - долго развлекать нас вашим прекрасным женским дарованіем. Дни проходят, но книги, книги, Антонина Павловна, остаются на полках, — и великое дѣло, которому вы безкорыстно служите, воистину велико и обильно, — и каждая строка ваша звенит и звенит в наших умах и сердцах вѣчным рефреном. Как хороши, как свѣжи были розы! *(Подает ей розы)*. *(Аплодисменты)*.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Спасибо на добром словѣ, милый Осип Михѣвич. Но что же вы один, — вы, вѣдь, обѣщали привести деревенскаго брата?

М ѣ ш а е в: — А я думал, что он уже здѣсь, у вас. Очевидно опоздал на поѣзд и пріѣдет с вечерним. Жаль: я специально хотѣл вас всѣх позабавить нашим разительным сходством. Однако, читайте, читайте!

П и с а т е л ь: — Просим. Вы, господа, размѣститесь по-удобнѣе. Это вѣроятно надолго. Тѣснѣй, тѣснѣе.

(Всѣ отодвигаются немного влѣво).

А н т о н и н а П а в л о в н а: — На этой осокѣ, поджав одно крыло, а другое широко расправив, лежал мертвый лебедь. Глаза его были полураскрыты, на длинных рѣсницах еще сверкали слезы. А между тѣм восток разгорался, и аккорды солнца все ярче гремяли по широкому озеру. Листья от каждого прикосновенія длинных лучей, от каждого легковѣйнаго дуновенія...

(Она читает с ясным лицом, но как бы удалась в своем креслѣ, так что голос ея перестает быть слышен, хотя губы движутся, и рука переворачивает страницы. Вокруг нея слушатели, тоже порвавшие всякую связь с авансценой, сидят в застывших полусонных позах: Ревшин застыл с бутылкой шампанскаго между колѣн. Писатель прикрыл глаза рукой. Собственно слѣдовало бы, чтобы спустилась прозрачная ткань или средней занавѣсь, на котором вся их группировка была бы нарисована с точным повтореніем поз).

Трошѣйкин и Любовь быстро выходят вперед на авансцену.

Л ю б о в ь: — Алеша, я не могу больше.

Т р о щ ѣ й к и н: — И я не могу...

Л ю б о в ь: — Наш самый страшный день — —

Т р о щ ѣ й к и н: — ... наш послѣдній день — —

Л ю б о в ь: — ... обратился в фантастическій фарс. От этих крашенных призраков нельзя ждать ни спасенія, ни сочувствія.

Т р о щ ѣ й к и н: — Нам нужно бѣжать...

Л ю б о в ь: — Да, да, да!

Т р о щ ѣ й к и н: — ... Бѣжать, — а мы почему-то медлим под пальмами сонной Вампуки. Я чувствую, что надвигается — —

Л ю б о в ь: — ... опасность. Но какая? О, если б ты мог понять!

Т р о щ ѣ й к и н: — ... Опасность, столь же реальная, как наши руки, плечи, щеки. Люба, мы совершенно одни.

Л ю б о в ь: — Да, одни. Но это два одиночества, и оба со-всѣм круглы. Пойми меня!

Т р о щ ѣ й к и н: — ... Одни на этой узкой освѣщенной сце-нѣ. Сзади — театральная ветошь всей нашей жизни, замершія

маски второстепенной комедии, а спереди — темная глубина и глаза, глаза, глаза, глядящие на нас, ждущие нашей гибели.

Л ю б о в ь: — Отвѣть быстро: ты знаешь, что я тебѣ невѣрна?

Т р о щ ѣ й к и н: — Знаю. Но ты меня никогда не покинешь.

Л ю б о в ь: — Ах, мнѣ так жаль иногда, так жаль. Вѣдь не всегда так было.

Т р о щ ѣ й к и н: — Держись, Люба!

Л ю б о в ь: — Наш маленькій сын сегодня разбил мячом зеркала. Алеша, держи меня ты. Не отпускай.

Т р о щ ѣ й к и н: — Плохо вижу... Все опять начинает мутнѣть. Перестаяю тебя чувствовать. Ты снова сливаешься с жизнью. Мы опять отпускаемся. Люба, все кончено!

Л ю б о в ь: — Онѣгин, я тогда моложе, я лучше... Да, я тоже ослабѣла. Не помню... А хорошо было на этой мгновенной высотѣ.

Т р о щ ѣ й к и н: — Бредни. Выдумки. Если сегодня мнѣ не достанут денег, я ночи не переживу.

Л ю б о в ь: — Смотри, как странно: Марфа крадется к нам из двери. Смотри, какое у нея страшное лицо. Нѣтъ, ты посмотри! Она ползет с каким-то страшным извѣстіем. Она едва может двигаться...

Т р о щ ѣ й к и н (*к Марфѣ*): — Он? Говорите же: он пришел?

Л ю б о в ь (*хлопает в ладоши и смеется*): — Она кивает! Алешенька, она кивает!

(*Входит Щель: сутулый, в темных очках*).

Щ е л ь: — Простите... Меня зовут Иван Иванович Щель. Ваша полоумная прислужница не хотѣла меня впускать. Вы меня не знаете, — но вы может быть знаете, что у меня есть оружейная лавка против Собора.

Т р о щ ѣ й к и н: — Я вас слушаю.

Щ е л ь: — Я почел своей обязанностью явиться к вам. Мнѣ надо сдѣлать вам нѣкое предупрежденіе.

Т р о щ ѣ й к и н: — Приблизьтесь, приблизьтесь. Цып - цып - цып.

Щ е л ь: — Но вы не одни... Это собраніе...

Т р о щ ѣ й к и н: — Не обращайтесь вниманія... Это так — мираж, фигуранты, ничто. Наконец, я сам это намалевал. Скверная картина — но безвредная.

Щ е л ь: — Не обманывайте меня. Вон тому господину я продал в прошлом году охотничье ружье.

Л ю б о в ь: — Это вам кажется. Повѣрьте нам! Мы знаем лучше. Мой муж написал это в очень натуральных красках. Мы одни. Можете говорить свободно.

Щ е л ь: — В таком случаѣ позвольте вам сообщить... Только-что узнав к т о вернулся, я с тревогой припомнил, что нынче в полдень у меня купили пистолет системы браунинг.

(Средній занавѣс поднимается, голос птицы громко заканчивает: «... и тогда лебедь воскрес». Ревшим откупоривает шампанское. Впрочем, шум оживленія сразу пресъкается).

Т р о щ ѣ й к и н: — Барбашин купил?

Щ е л ь: — Нѣтъ, — покупатель был господин Аршинскій. Но я вижу, вы понимаете, к о м у предназначалось оружие.

З а н а в ѣ с.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Опять мастерская. Мячи на картинах дописаны. Любовь одна. Смотрит в окно, затѣм медленно заводит стору. На столѣикъ забытая Резшимъ с утра коробочка папирос. Закуривает. Садится. Мышь (иллюзія мыши), ползущая тишиной выходит из щели, и Любовь слѣдит за ней с улыбкой; осторожно мѣняет положеніе тѣла, нагибаясь вперед, но вот — мышь укатилась.

Слѣва входит Марфа.

Л ю б о в ь: — Тут опять мышка.

М а р ф а: — А на кухнѣ тараканы. Все одно к одному.

Л ю б о в ь: — Что с вами?

М а р ф а: — Да что со мной может быть... Если вам больше сегодня ничего не нужно, Любовь Ивановна, я пойду.

Л ю б о в ь: — Куда это вы собрались?

М а р ф а: — Переночую у брата, а завтра уж отпустите меня совсѣм на покой. Мнѣ у вас оставаться страшно. Я старуха слабая, а у вас в домѣ нехорошо.

Л ю б о в ь: — Ну, это вы недостаточно сочно сыграли. Я вам покажу как надо. «Уж простите меня... Я старуха слабая, кволая... Боязно мнѣ... Дурные тут ходют...» Вот так. Это, в общем, очень обыкновенная роль... По мнѣ, можете убираться на всѣ четыре стороны.

М а р ф а: — И уберусь, Любовь Ивановна, и уберусь. Мнѣ с помѣшанными не житье.

Л ю б о в ь : — А вам не кажется, что это большое свинство? Могли бы хоть эту ночь остаться.

М а р ф а : — Свинство? Свинств я навидалась в досталь. Тут кавалер, там кавалер....

Л ю б о в ь : — Совсѣм не так, совсѣм не так. Больше дрожи и негодованія. Что - нибудь с «грѣховодницей».

М а р ф а : — Я вас боюсь, Любовь Ивановна. Вы бы доктора позвали.

Л ю б о в ь : — *Дохтура, дохтура*, — а не «доктора». Нѣтъ, я вами рѣшительно недовольна. Хотѣла вам дать рекомендацію: годится для рсли сварливой служанки, — а теперь вижу, не могу дать.

М а р ф а : — И не нужно мнѣ вашей рукомандаціи.

Л ю б о в ь : — Ну, это немножко лучше... Но теперь — будет. Прощайте.

М а р ф а : — Убивцы ходют. Ночка недобрая.

Л ю б о в ь : — Прощайте!

М а р ф а : — Ухожу, ухожу. А завтра вы мнѣ заплатите за два послѣдних мѣсяца. (*Уходит*).

Л ю б о в ь : — Онѣгин, я тогда моложе... я лучше, кажется... К а к а я мерзкая старуха! Нѣтъ, вы видѣли что - нибудь подобное! Ах, какая... (*Справа входит Троицкнн*).

Т р о щ ѣ й к и н : — Люба, все кончено! Только - что звонил Баумгартен: денег не будет.

Л ю б о в ь : — Я прошу тебя... Не волнуйся все время так. Это напряжение невыносимо.

Т р о щ ѣ й к и н : — Через недѣлю общает. Очень нужно! Для чего? На том свѣтѣ начи раздавать?

Л ю б о в ь : — Пожалуйста, Алеша... У меня голова трещит.

Т р о щ ѣ й к и н : — Да, — но что дѣлать? Что дѣлать?

Л ю б о в ь : — Сейчас половина девятаго. Мы через час ляжем спать. Вот и все. Я так устала от сегодняшняго кавардака, что прямо зубы стучат.

Т р о щ ѣ й к и н : — Ну, это — извините. У меня будет еще один визит сегодня. Неужели ты думаешь, что я это так оставлю? Пока не буду увѣрен, что никто к нам ночью не ворвется, я спать не лягу, — дудки.

Л ю б о в ь : — А я лягу. И буду спать. Вот — буду.

Т р о щ ѣ й к и н : — Я только теперь чувствую, какіе мы нищє, безпомощные. Жизнь как-то шла и бѣдность не замѣчалась.

Слушай, Люба. Раз все так складывается, то единственный выход — принять предложение Ревшина.

Л ю б о в ь: — Какое - такое предложение Ревшина?

Т р о щ ь й к и н: — Мое предложение, собственно. Видишь ли, он дает мнѣ деньги на от'ѣзд и все такое, а ты временно поселишься у его сестры в деревнѣ.

Л ю б о в ь: — Прекрасный план.

Т р о щ ь й к и н: — Конечно, прекрасный. Я другого разрѣшенія вопроса не вижу. Мы завтра же отправимся, — если переживем ночь.

Л ю б о в ь: — Алеша, посмотри мнѣ в глаза.

Т р о щ ь й к и н: — Оставь. Я считаю, что это нужно сдѣлать, хотя бы на двѣ недѣли. Отдохнем, очухаемся.

Л ю б о в ь: — Так позволь тебѣ сказать. Я не только никогда не поѣду к ревшинской сестрѣ, но вообще отсюда не двинусь.

Т р о щ ь й к и н: — Люба, Люба, Люба. Не выводите меня из себя. У меня сегодня нервы плохо слушаются. Ты очевидно хочешь погибнуть... Боже мой, уже совсѣм ночь. Смотри, я никогда не замѣчал, что у нас ни одного фонаря перед домом нѣт. Посмотри, гдѣ слѣдующій. Луна бы скорѣе вышла.

Л ю б о в ь: — Могу тебя порадовать: Марфа просила расчета. И уже ушла.

Т р о щ ь й к и н: — Так. Так. Крысы покидают корабль. Великолѣпно... Я тебя на к о л ь н я х умоляю, Люба: уѣдем завтра. Вѣдь это глухой ад. Вѣдь сама судьба нас выселяет. Хорошо, — предположим, будет при нас сыщик, но нельзя же его посылать в лавку. Значит, надо завтра искать опять прислугу, как-то хлопотать, твою дуру - сестру просить... Это заботы, которыя я не в силах вынести при теперешнем положеніи. Ну, Любушка, ну дѣтка моя, ну, что тебѣ стоит. Вѣдь иначе Ревшин мнѣ не даст, — это же вопрос жизни, а не вопрос мѣщанских приличій.

Л ю б о в ь: — Скажи мнѣ, ты когда - нибудь задумывался над вопросом, почему тебя не любят?

Т р о щ ь й к и н: — Кто не любит?

Л ю б о в ь: — Да никто не любит; ни один черт не одолжит тебѣ ни копейки. А многіе относятся к тебѣ просто с каким-то отвращеніем.

Т р о щ ь й к и н: — Что за вздор. Наоборот, ты сама видѣла, как сегодня всѣ заходили, интересовались; совѣтовали...

Л ю б о в ь: — Не знаю... Я слѣдила за твоим лицом, пока мама читала свою вещичку, и мнѣ казалось, я понимаю, о чем ты

думаешь, и каким ты себя чувствуешь одиноким. Мнѣ показалось, мы даже переглянулись с тобой, — как когда-то, очень давно, переглядывались. А теперь мнѣ сдается, что я ошиблась, что ты не чувствовал ничего, а только все по кругу думал, даст ли тебѣ Баумгартен эти гроши на бѣгство.

Т р о щ ѣ й к и н : — Охота тебѣ мучить меня, Люба.

Л ю б о в ь : — Я не хочу тебя мучить. Я хочу поговорить хоть раз с тобой серьезно.

Т р о щ ѣ й к и н : — Слава Богу, — а то ты как дитя относишься к опасности.

Л ю б о в ь : — Нѣт, я не об э т о й опасности собираюсь говорить, — а вообще о нашей жизни с тобой.

Т р о щ ѣ й к и н : — А — Нѣт, это — уволь. Мнѣ сейчас не до женских разговоров, я знаю эти разговоры, с подсчитываніем обид и подведеніем идиотских итогов. Меня сейчас больше интересует, почему не идет этот проклятый сыщик. Ах, Люба, да понимаешь ли ты, что мы находимся в смертельной, смертельной...

Л ю б о в ь : — Перестань разводить истерику! Мнѣ за тебя стыдно. Я всегда знала, что ты трус. Никогда не забуду, как ты стал накрываться вот этим ковриком, когда он стрѣлял.

Т р о щ ѣ й к и н : — На этом коврикѣ, Люба, была моя кровь. Ты забываешь это: я упал, я был тяжело ранен... Да, к р о в .
Вспомни, вспомни, мы его потом отдавали в чистку.

Л ю б о в ь : — Ты всегда был трусом. Когда мой ребенок умер, ты боялся его бѣдной маленькой тѣни и принимал на ночь валерьянку. Когда тебя хамским образом облаял какой-то брандмайор за портрет, за ошибку в мундирѣ, ты смолчал и передѣлал. Когда однажды мы шли по Заводской, и два каких-то гогочущих хулигана плыли сзади и разбирали меня по статьям, ты притворился, что ничего не слышишь, а сам был блѣден как... как телятина.

Т р о щ ѣ й к и н : — Продолжай, продолжай. Мнѣ становится интересно! Боже мой, до чего ты груба! до чего ты груба!

Л ю б о в ь : — Таких случаев был миллион, но пожалуй самым изящным твоим жестом в этом жанрѣ было, когда ты воспользовался беспомощностью врага, чтобы ударить его по щекѣ. Впрочем, ты даже, кажется, не попал, а хватил по рукѣ бѣднаго Миши.

Т р о щ ѣ й к и н : — Великолѣпно попал — можешь быть совершенно спокойна. Еще как попал! Но, пожалуйста, пожалуйста, продолжай. Мнѣ крайне любопытно, до чего ты можешь договориться. И это с е г о д н я... когда случилось страшное событіе, перевернувшее все... Злая, неприятная баба.

Л ю б о в ь: — Слава Богу, что оно случилось, это событіе. Оно здорово нас встряхнуло и многое освѣтило. Ты черств, холоден, мелочен, нравственно вульгарен, ты эгоист, какого свѣт еще не видал... Ну, а я тоже хороша в своем родѣ. Только не потому, что я «торговка костью», как вы изволили выразиться. Если я груба и рѣзка, то это ты меня сдѣлал такой. Ах, Алеша, если бы ты не был так битком набит самим собой, до духоты, до темноты, — ты вѣроятно увидѣл бы, что из меня сдѣлалось за эти послѣдніе годы, и в каком я состояніи сейчас.

Т р о щ ѣ й к и н: — Люба, я сдерживаю себя, — сдержись и ты. Я понимаю, что эта звѣрская ночь выбивает из строя и заставляет тебя говорить звѣрскія вещи. Но возьми себя в руки.

Л ю б о в ь: — Нечего взять — все распалось.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ничего не распалось. Что ты фантазируешь? Люба, опомнись! Если мы иногда... ну, орем друг на друга, — то это не значит, что мы с тобой несчастны. А сейчас мы как два затравленных животных, которыя грызутся только потому, что им тѣсно и страшно.

Л ю б о в ь: — Нѣтъ, неправда. Неправда. Дѣло не в наших ссорах. Я даже больше тебѣ скажу: дѣло не в тебѣ. Я вполне допускаю, что ты был счастлив со мной, потому что в самом большом несчастии такой эгоист как ты всегда отыщет себѣ послѣдній звѣрный оплот в себѣ самом. Я отлично знаю, что, случись со мной что-нибудь, ты бы, конечно очень огорчился, — но вмѣстѣ с тѣм быстренько перетасовал бы свои чувства, чтобы посмотреть, не выскочит ли какой -нибудь для тебя козырек, какая -нибудь выгода, — о совѣм маленькая! — из факта моей гибели. И нашел бы, нашел бы! Хотя бы то, что жизнь стала бы ровно вдвое дешевле. Нѣтъ — нѣтъ, я знаю, это было бы совѣм подсознательно и не так грубо, а просто маленькая мысленная субсидія в критическій момент... Это очень страшно сказать, но, когда мальчик умер, вот я убѣждена, что ты подумал о том, что одной заботой меньше. Нигдѣ нѣтъ таких жохов, как среди людей непрактичных. Но, конечно, я допускаю, что ты меня любишь по-своему.

Т р о щ ѣ й к и н: — Это, вѣроятно, мнѣ все снится: эта комната, эта дикая ночь, эта фурія. Иначе я отказываюсь понимать.

Л ю б о в ь: — А твое искусство! Твое искусство... Сначала я, дѣйствительно, думала, что ты чудный, яркій, драгоценный талант, но теперь я знаю, чего ты стоишь.

Т р о щ ѣ й к и н: — Это что такое? Этого я еще не слышал.

Л ю б о в ь: — Вот услышишь. Ты ничто, ты волчок, ты пу-

стоцвѣтъ, ты пустой орѣх, слегка позолоченный, и ты никогда ничего не создашь, а всегда останешься тѣм, что ты есть, провинціальным портретистом с мечтой о какой-то лазурной пещерѣ.

Т р о щ ѣ й к и н : — Люба! Люба! Вот это... по-твоему плохо? Посмотри. Это — плохо?

Л ю б о в ь : — Не я так сужу, а все люди так о тебѣ судят. И они правы, потому что надо писать картины для людей, а не для услаждения какого-то чудовища, которое сидит в тебѣ и сосет.

Т р о щ ѣ й к и н : — Люба, не может быть, чтобы ты говорила серьезно. Как-же иначе, — конечно, нужно писать для моего чудовища, для моего солитера, только для него.

Л ю б о в ь : — Ради Бога, не начинай разсуждать. Я устала и сама не знаю, что говорю, а ты придираешься к словам.

Т р о щ ѣ й к и н : — Твоя критика моего искусства, т. е. самого моего главнаго и неприкосновеннаго, так глуха и несправедлива, что все прочія твои обвиненія теряют смысл. Мою жизнь, мой характер можешь поносить сколько хочешь, заранѣе со всем соглашаюсь, — но вот э т о находится внѣ твоей компетенціи. Так что лучше брось.

Л ю б о в ь : — Да, говорить мнѣ с тобой не стоит.

Т р о щ ѣ й к и н : — Совершенно не стоит. Да сейчас и не до этого. Нынѣшняя ночь меня куда больше тревожит, чѣм вся наша вчерашняя жизнь. Если ты устала, и у тебя заходит ум за разум, то молчи, а не... Люба, Люба, не мучь меня больше, чѣм я сам мучусь.

Л ю б о в ь : — О чем тебѣ мучиться? Ах, как тебѣ не совѣстно. Если даже представить себѣ мало вѣроятное, — что Леонид Барбашин сейчас проломит дверь, или влѣзет в это окно, или выйдет как тѣнь из-за той ширмы, — если бы даже это случилось, то повѣрь, у меня есть простѣйшій способ сразу все повернуть в другую сторону.

Т р о щ ѣ й к и н : — В самом дѣлѣ?

Л ю б о в ь : — О да!

Т р о щ ѣ й к и н : — А именно?

Л ю б о в ь : — Хочешь знать?

Т р о щ ѣ й к и н : — Скажи, скажи.

Л ю б о в ь : — Так вот что я сдѣлаю: я крикну ему, что я его люблю, что все было ошибкой, что я готова с ним бѣжать на край свѣта...

Т р о щ ѣ й к и н : — Да... немного того... мелодрама? Не знаю... А вдруг он не повѣрит, поймет, что хитрость? Нѣтъ, Люба,

как-то не выходить. Звучит как будто логично, но... Нѣтъ, он обидится и тут же уйдет.

Л ю б о в ь: — Вот, все, что ты можешь мнѣ сказать по этому поводу?

Т р о щ ѣ й к и н: — Нѣтъ — нѣтъ, это все не то. Нѣтъ, Люба, — как-то не художественно, плоско... Не знаю... Тебѣ не кажется, что там кто-то стоит, на той сторонѣ? Там, дальше. Или это только тѣнь листвы под фонарем?

Л ю б о в ь: — Это все, Алеша?

Т р о щ ѣ й к и н: — Да, только тѣнь.

Л ю б о в ь: — Ну, ты совѣм как младенец из «Лѣсного Царя». И главное — это все было уже раз, все - все так было, ты сказал «тѣнь», я сказала «младенец», и на этом вошла мама.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Я пришла с вами попрощаться. Хочу раньше лечь сегодня.

Л ю б о в ь: — Да, я тоже устала.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Какая ночь... Вѣтер как шумит...

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, это по меньшей мѣрѣ странно: на улицѣ, можно сказать, лист не шелохнется.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Значит, это у меня в ушах.

Т р о щ ѣ й к и н: — Или шопот музыки.

Л ю б о в ь: — Алеша, сократись.

Т р о щ ѣ й к и н: — Как хорошо и приятно, Антонина Павловна, правда? По городу, — может быть, в двух шагах от нас, — гуляет на волѣ пегодай, который поклялся убить вашу дочь, а у нас семейный уют, у нас лебеди дѣлают батманы, у нас машиночка пишущая постукивает...

Л ю б о в ь: — Алеша, перестань моментально!

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Милый Алеша, ты меня оскорбить не можешь, а что до опасности — все в Божьих руках.

Т р о щ ѣ й к и н: — Не очень этим рукам доверяю.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Потому-то, голубчик, ты такой жалкій и злой.

Л ю б о в ь: — Господа, бросьте ссориться.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну что ж, Антонина Павловна, не все дана буддйская мудрость. (*Звонок*).

Т р о щ ѣ й к и н: — А, слава Богу. Это мой сыщик. Слушай, Люба, я знаю, что это глупо, но я боюсь отпереть.

Л ю б о в ь: — Хорошо, я отопру.

Т р о щ ѣ й к и н : — Нѣт - нѣт, погоди, как бы это сдѣлать...

А н т о н и н а П а в л о в н а : — А развѣ Марфа уже спит?

Л ю б о в ь : — Марфа ушла. Алеша, пусти мою руку.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Я отопру. Оставьтесь здѣсь. Меня Барбашиным не испугаешь.

Т р о щ ѣ й к и н : — Спросите сперва через дверь.

Л ю б о в ь : — Я с тобой, мамочка.

(Опять звонок. Антонина Павловна уходит направо).

Т р о щ ѣ й к и н : — Странно. Почему он так энергично звонит. Как неприятно... Нѣт, Люба, я тебя все равно не пущу.

Л ю б о в ь : — Нѣт, ты меняпустишь.

Т р о щ ѣ й к и н : — Оставь. Не вырывайся. Я ничего не слышу.

Л ю б о в ь : — Ты мнѣ дѣлаешь больно.

Т р о щ ѣ й к и н : — Да ты не вертись. Дай послушать. Что это? Слышишь?

Л ю б о в ь : — Какая ты дрянь, Алеша!

Т р о щ ѣ й к и н : — Люба, уйдем лучше! *(Тащит ее направо).*

Л ю б о в ь : — Вот трус...

Т р о щ ѣ й к и н : — Мы успѣем по черному ходу... Не смѣй! Стой!

(Она вырывается. Одновременно сходит справа Антонина Павловна).

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Знаешь, Любуша, в передней до сих пор хрустит под ногами.

Т р о щ ѣ й к и н : — Кто это был?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — К тебѣ. Говорит, что ты его вызвал из сыскного бюро.

Т р о щ ѣ й к и н : — А, так я и думал. *(Троцкѣйкин уходит).*

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Довольно странный персонаж. Сразу пошел в уборную.

Л ю б о в ь : — Напрасно ты егопустила.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Как же я его могла непустить, если Алеша его заказал? Должна тебѣ сказать, Люба, мнѣ искренне жаль твоего мужа.

Л ю б о в ь : — Ах, мама, не будем все время кусаться.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Какой у тебя усталый вид.... Ложись, милочка.

Л ю б о в ь : — Да, я скоро пойду. Мы еще, вѣроятно, будем доцираться с Алешей. Что это за манера — звать сыщика в дом.

(Троцкѣйкин возвращается).

Т р о щ ѣ й к и н : — Антонина Павловна, гдѣ он? Что вы с ним сдѣлали? Его нигдѣ нѣтъ.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Я тебѣ сказала, что он пошел руки мыть.

Т р о щ ѣ й к и н : — Вы мнѣ ничего не сказали.

(Трощѣйкин уходит).

А н т о н и н а П а в л о в н а : — А я, знаешь, Любинька, пойду лягу. Спокойной ночи. Хочу тебя поблагодарить, душенька...

Л ю б о в ь : — За что?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Да вот за то, как справили мой день рожденія. По-моему, все было очень удачно, правда?

Л ю б о в ь : — Конечно, удачно.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Было много народу. Было оживленно. Даже эта Шнап была ничего.

Л ю б о в ь : — Ну, я очень рада, что тебѣ было приятно... Мамочка!

А н т о н и н а П а в л о в н а : — А?

Л ю б о в ь : — Мамочка, у меня ужасная мысль! Ты увѣрена, что это пришел сыщик, а не кто-нибудь... другой?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Глупости. Он мнѣ сразу сунул свою фотографію. Я ее, кажется, передала Алешѣ. Ах нѣтъ, вот она.

Л ю б о в ь : — Что за дичь... Почему он раздает свои портреты?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Не знаю, — вѣроятно, у них так полагается. —

Л ю б о в ь : — Почему он в средневѣковом костюмѣ? Что это — Король Лир? «Моим поклонникам с поклоном». Что за ерунда в самом дѣлѣ?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Сказал, что от сыскаго бюро, — больше ничего не знаю. Вѣроятно, это какой-нибудь знак, пароль... А ты слышала, как наш писатель выразился о моей сказкѣ?

Л ю б о в ь : — Нѣтъ.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Что это нѣчто среднее между стихотвореніем в прозѣ и прозой в стихах. По-моему комплимент. Как ты думаешь?

Л ю б о в ь : — Разумѣется, комплимент.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Ну, а тебѣ понравилось?

Л ю б о в ь : — Очень.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Только нѣкоторыя мѣста или все?

Л ю б о в ь : — Все, все. Мамочка, я сейчас зарыдаю. Иди спать, пожалуйста.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Хочешь моих капель?

Л ю б о в ь : — Я ничего не хочу. Я хочу умереть.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Знаешь, что мнѣ напоминает твоё настроеніе?

Л ю б о в ь : — Ах, оставь, мамочка...

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Нѣтъ, это странно... Вот, когда тебѣ было девятнадцать лѣтъ, и ты бредила Барбашиным, и приходила домой ни жива ни мертва, и я боялась тебѣ сказать слово.

Л ю б о в ь : — Значит, и теперь бойся.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Обѣщай мнѣ, что ты ничего не сдѣлаешь опрометчиваго, неразумнаго. Обѣщай мнѣ, Любинька!

Л ю б о в ь : — Какое тебѣ дѣло? Отстань ты от меня.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Я совсѣм не того опасуюсь, чего Алеша. У меня совсѣм другой страх.

Л ю б о в ь : — А я тебѣ говорю: отстань! Ты живешь в своем мірѣ, а я в своем. Не будем налаживать междупланетное сообщеніе. Все равно, ничего не выйдет.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Мнѣ очень грустно, что ты так замыкаешься в себѣ. Я часто думаю, что ты несправедлива к Алешѣ. Он все таки очень хорошій и обожает тебя.

Л ю б о в ь : — Это что: тактическій маневр?

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Нѣтъ, просто я вспоминаю нѣкоторыя вещи. Твое тогдашнее сумасшествіе и то, что папа тебѣ говорил.

Л ю б о в ь : — Спокойной ночи.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — И вот все это как-то повторяется. Ну, помоги тебѣ Бог справиться и теперь с этим.

Л ю б о в ь : — Перестань, перестань, перестань... Ты меня сама вовлекаешь в какую-то мутную, липкую, пошлую обстановку чувств. Я не хочу! Какое тебѣ дѣло до меня? Алеша лѣзет со своими страхами, а ты со своими. Оставьте меня. Не трогайте меня. Кому какое дѣло, что меня шесть лѣтъ медленно сжимали и вытягивали, пока я не превратилась в какую-то роковую уѣздную газель — с глазами и больше ни с чѣм? Я не хочу. И главное, какое ты имѣешь право меня допрашивать? Вѣдь тебѣ рѣши-

тельно все равно, — ты простоходишь в ритм и потом не можешь остановиться...

Антонина Павловна: — Один только вопрос, и я пойду спать: ты с ним увидишься?

Любовь: — Я ему с няней пошлю французскую записку, я к нему побѣгу, я брошу мужа, я...

Антонина Павловна: — Люба, ты... ты шутишь?

Любовь: — Да. набросок третьяго дѣйствія.

Антонина Павловна: — Дай Бог, чтобы он тебя разлюбил за эти годы, а то хлопот не оберешься.

Любовь: — Мама, перестань. Слышишь, перестань!
(Троцкийкии входит справа и обращается назад в дверь).

Троцкийкии: — Сюда, пожалуйста...

Антонина Павловна *(к Любови)*: — Спокойной ночи. Храпи тебя Бог.

Троцкийкии: — Что вы там в коридорѣ застряли? Это просто старые журналы, хлам, — оставьте.

Антонина Павловна: — Спокойной ночи, Алеша.

Троцкийкии: — Спите, спите. *(В дверь)*. Пожалуйста сюда *(Антонина Павловна уходит, входит Барбошин: костюм спортивный, в клетку, с английскими шароварами, но голова трагического актера и длинные седовато-рыжіе волосы. Он движется медленно и крупно. Торжественно - разсыям. Сыщик с надрывом. Войдя, он глубоко кланяется Любови)*.

Барбошин: — Не вам, не вам, кланяюсь, а всѣм женам, обманываемым, душимым, сжигаемым, и прекрасным измѣнницам прошлаго вѣка, под густыми, как ночь, вуалями.

Троцкийкии: — Вот это моя мастерская. Покушение случилось здѣсь. Боюсь, что именно эта комната будет его притягивать.

Барбошин: — Дитя! О, обаятельная, обывательская наивность! Нѣтъ, мѣсто преступления привлекало преступников только до тѣх пор, пока этот факт не стал достояніем широкой публики. Когда дикое ущелье превращается в курорт, орлы улетают. *(Опять глубоко кланяется Любови)*. Еще кланяюсь женам молчаливым, задумчивым... женской загадкѣ кланяюсь...

Любовь: — Алеша, что этому господину от меня нужно?

Троцкийкии *(тихо)*: — Не бойся, все хорошо. Это лучший агент, котораго мнѣ могло дать здѣшнее бюро частнаго сыска.

Б а р б о ш и н: — Предупреждаю влюбленных, что я научен слышать апартэ яснѣе, чѣм прямую рѣчь. Меня этот башмак давно беспокоит. (*Стаскивает его*).

Т р о щ ѣ й к и н: — Я еще хотѣл, чтобы вы изслѣдовали окно.

Б а р б о ш и н (*изслѣдуя башмак*): — Так и знал: гвоздь торчит. Да, вы правильно охарактеризовали меня вашей супругѣ. Послѣдній весенній сезон был особенно для меня удачен. Молоточек, что-нибудь... Хорошо, дайте это... Между прочим, у меня было одно интереснѣйшее дѣло, как раз на вашей улицѣ. Ультра-адюльтер, типа В, серии 18-ой. К сожалѣнію, по понятным причинам профессиональной этики, я не могу вам назвать никаких имен. Но вы, вѣроятно, ее знаете: Тамара Георгиевна Грекова, 23-х лѣт, блондинка с болонкой.

Т р о щ ѣ й к и н: — Окно, пожалуйста...

Б а р б о ш и н: — Извините, что ограничиваюсь полунамеками. Тайна исповѣди. Но к дѣлу, к дѣлу. Что вам не нравится в этом отличном окошкѣ?

Т р о щ ѣ й к и н: — Смотрите: совсѣм рядом водосточная труба, и по ней легко можно взобраться.

Б а р б о ш и н: — Контр-клиент может себѣ сломать шею.

Т р о щ ѣ й к и н: — Он ловок как обезьяна!

Б а р б о ш и н: — В таком случаѣ, могу вам посоветовать один секретный прием, примѣняемый рѣдко, но с успѣхом. Вы будете довольны. Слѣдует придѣлать так называемый фальш - карниз, т. е. карниз или подоконник, который срывается от малѣйшаго нажима. Продается с гарантией на три года. Вывод ясен?

Т р о щ ѣ й к и н: — Да, но как это сдѣлать... Нужно звать рабочих... Сейчас поздно!

Б а р б о ш и н: — Это вообще не так важно: все равно я буду до разсвѣта, как мы условились, ходить у вас под окнами. Между прочим, вам будет довольно любопытно смотрѣть, как я это дѣлаю. Поучительно и увлекательно. В двух словах: только пошляки ходят маятником, а я дѣлаю так (*ходит*). Озабоченно иду по одной сторонѣ, потом перехожу на другую по обратной диагонали... Вот... И так же озабоченно по другой сторонѣ. Получается сначала латинское «н». Затѣм перехожу по обратной диагонали на-крест... Так... Опять — к исходной точкѣ, и все повторяю сначала. Теперь вы видите, что я по обѣим панелям всегда продвигаюсь только в одном направленіи, чѣм достигается незамѣтность и естественность. Это способ доктора Рубини. Есть и другіе.

Л ю б о в ь: — Алеша, отошли его. Мнѣ неприятно. Я сейчас буду кричать.

Б а р б о ш и н: — Вы можете абсолютно не волноваться, мадам. Можете спокойно лечь спатки, а в случаѣ бессонницы, наблюдать за мной из окна. Сегодня луна, и получится эффектно. Еще одно замѣчаніе: обычно беру задаток, а то бывает, что охраняемый ни с того ни с сего исчезает... Но вы так хороши, и ночь такая лунная, что я как-то стѣсняюсь поднимать этот вопрос.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, спасибо. Это все очень успокоительно...

Б а р б о ш и н: — Что еще? Слушайте, что это за картины? Увѣрены-ли вы, что это не поддѣлка?

Т р о щ ѣ й к и н: — Нѣтъ, это мое. Я сам написал.

Б а р б о ш и н: — Значит, поддѣлка! Вы бы, знаете, все-таки обратились к эксперту. А скажите, что вы желаете, чтобы я завтра предпринял?

Т р о щ ѣ й к и н: — Утром, около 8, поднимитесь ко мнѣ. Вот вам, кстати, ключ. Мы тогда рѣшим, что дальше.

Б а р б о ш и н: — Планы у меня грандіознѣйшіе! Знаете-ли ли вы, что я умѣю подслушивать мысли контр-кліента? Да, я буду завтра ходить по пятам его намѣреній. Как его фамилія? Вы мнѣ, кажется, говорили... Иначинается на «ш». Не помните?

Т р о щ ѣ й к и н: — Леонид Викторович Барбашин.

Б а р б о ш и н: — Нѣтъ - нѣтъ, не путайте. Б а р б о ш и н, Альфред Афанасьевич.

Л ю б о в ь: — Алеша, ты же видишь... Он больной.

Т р о щ ѣ й к и н: — Человѣка, который нам угрожает, зовут Барбашин.

Б а р б о ш и н: — А я вам говорю, что моя фамилія Б а р б о ш и н. Альфред Барбошин. При чем это одно из моих многих настоящих имен. Да - да... Дивные планы! О, вы увидите! Жизнь будет прекрасна. Жизнь будет вкусна. Птицы будут пѣть среди клейких листочков, слѣпцы услышат, прозрѣют глухо - нѣмые. Молодые женщины будут поднимать к солнцу своих малиновых младенцев. Вчерашніе враги будут обнимать друг друга. И врагов своих врагов. И врагов их дѣтей. И дѣтей врагов. Надо только вѣрить... Теперь отвѣтьте мнѣ прямо и просто: у вас есть оружье?

Т р о щ ѣ й к и н: — Увы, нѣтъ! Я бы достал, но я не умѣю обращаться. Боюсь даже тронуть. Поймите: я художник, я ничего не умѣю.

Б а р б о ш и н: — Узнаю в вас мою молодость. И я был та-

ков — поэт, студент, мечтатель... Под каштанами Гейдельберга я любил амазонку... Но жизнь меня научила многому. Ладно. Не будем берeditь прошлаго (*поет*). «Начнем, пожалуй...» Пойду, значит, ходить под вашими окнами, пока над вами будут витать Амур, Морфей и маленький Бром. Скажите, господа, у вас не найдется папироски?

Т р о щ ѣ й к и н : — Я сам некурящий, но... гдѣ-то я видѣл... Люба, Ревшин утром забыл тут коробку. Гдѣ она? А, вот.

Б а р б о ш и н : — Это скрасит часы моего дозора. Только проведите меня черным ходом, через двор. Это корректнѣе.

Т р о щ ѣ й к и н : — А, в таком случаѣ, пожалуйста сюда.

Б а р б о ш и н (*с глубоким поклоном к Любови*): — Кланяюсь еще вѣм непонятым...

Л ю б о в ь : — Хорошо, я передам.

Б а р б о ш и н : — Благодарю вас.

(Уходит с Троицкиным мальво. Любовь нѣсколько секунд одна. Троицким постыжно возвращается).

Т р о щ ѣ й к и н : — Спички! Гдѣ спички! Ему нужны спички.

Л ю б о в ь : — Ради Бога, убери его скорѣй! Гдѣ он?

Т р о щ ѣ й к и н : — Я его оставил на черной лѣстницѣ. Провожу его и сейчас вернусь. Не волнуйся. Спички!

Л ю б о в ь : — Да вет — перед твоим носом.

Т р о щ ѣ й к и н : — Люба, не знаю как ты, но я себя чувствую гораздо бодрѣ послѣ этого разговора. Он, повидимому, большой знаток своего дѣла и какой-то ужасно оригинальный и уютный. Правда?

Л ю б о в ь : — По-моему, он сумасшедшій. Ну, иди, иди.

Т р о щ ѣ й к и н : — Я сейчас.

Т р о щ ѣ й к и н : — Я сейчас. (*Троицкин убѣгает мальво*).

Секунды три Любовь одна. Раздается звонок. Она сперва застывает, — и затѣм быстро уходит направо. Сцена пуста. В открытую дверь слышно, как говорит Мшаев Второй, — и вот он входит, с корзиной яблок, сопровождаемый Любовью. Его вѣжливость явствует из послѣдующих реплик).

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Так я навѣрное не ошибся? Здѣсь обитает г-жа Опаяшина?

Л ю б о в ь : — Да, это моя мать.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — А, очень пріятно!

Л ю б о в ь : — Можете поставить сюда...

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Нѣтъ, зачѣм, — я просто на пол... Понимаете, какая штука: брат мнѣ наказал явиться сюда, как только приѣду. Он уже тут? Неужели я первый гость?

Л ю б о в ь: — Собственно, вас ждали днем, к чаю. Но это ничего. Я сейчас посмотрю, — мама, вѣроятно, еще не спит.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Боже мой, значит, случилась путаница? Экая исторія! Простите... Я страшно смущен. Не будите ее, пожалуйста. Вот я принес яблочков, — и передайте ей, кромѣ того, мои извиненія. А я уж пойду...

Л ю б о в ь: — Да нѣтъ, что вы, садитесь. Если она только не спит, она будет очень рада. *(Входит Трощѣйкин и замирает)*.

Л ю б о в ь: — Алена, это брат Осипа Михѣевича.

Т р о щ ѣ й к и н: — Брат? А, да, конечно. Пожалуйста.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Мнѣ так совѣстно... Я не имѣю чести лично знать г-жу Опаяшину. Но нѣсколько дней тому назад я извѣстил Осипа, что приѣду сюда по дѣлу, а он мнѣ вчера в отвѣтъ: вали прямо с вокзала на именины, там, дескать, встрѣтятся.

Л ю б о в ь: — Я сейчас ей скажу. *(Любовь уходит)*.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Так как я писал ему, что приѣду с вечерним скорым, то из его отвѣта я естественно заключил, что приѣм у госпожи Опаяшиной именно вечером. Либо я переврал час прихода поѣзда, либо он прочел невнимательно — второе вѣроятнѣе. Весьма, весьма неудачно. А вы, значит, сын?

Т р о щ ѣ й к и н: — Зять.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — А, супруг этой милой дамы. Так, так. Я вижу, вы удивлены моим с братом сходством.

Т р о щ ѣ й к и н: — Ну, знаете, меня сегодня ничто не может удивить. У меня крупныя непріятности...

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Да, всё жалуются. Жили бы в деревнѣ!

Т р о щ ѣ й к и н: — Но, дѣйствительно, сходство любопытное.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Сегодня совершенно случайно я встрѣтил одного остряка, котораго не видѣл с юности: он когда-то выразился в том смыслѣ, что меня и брата играет один и тот же актер, но брата хорошо, а меня худо.

Т р о щ ѣ й к и н: — Вы, как будто, лысѣе.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Увы! Восковой кумпол, как говорится.

Т р о щ ѣ й к и н: — Простите, что зѣваю. Это чисто нервное.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Городская жизнь, ничего не по дѣлаешь. Вот я — безвыѣздно торчу в своей благословенной глу-

ши — что-ж, уже лѣтъ десять. Газет не читаю, развожу кур с мохрами, пропасть ребятишек, фруктовые деревья, жепы— во! Приѣхал торговать трактор. Вы что, с моим братом хороши? Или только видѣли его у бель-мер?

Т р о щ ѣ й к и н : — Да. У бель — парастите, па-пажалста...

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Ради Бога. Да... мы с ним не ахти как ладим. Я его давненько не видѣл, нѣсколько лѣтъ, — и признаться, мы разлукой не очень тяготимся. Но раз рѣшил приѣхать, — неудобно, знаете, — извѣстил. Начинаю думать, что он просто хотѣл мнѣ свинью подложить: этим ограничивается его понятие о скотоводствѣ.

Т р о щ ѣ й к и н : — Да, это бывает... Я тоже мало смыслю...

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Насколько я понял из его письма, госпожа Опаяшина литераторша? Я, увы, не очень слѣжу за литературой!

Т р о щ ѣ й к и н : — Ну, это литература такая, знаете... не услѣдимо безслѣдная. Ох-ха-а-а.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — И она, видимо, тоже рисует.

Т р о щ ѣ й к и н : — Нѣтъ, нѣтъ. Это моя мастерская.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — А, — значит, вы живописец! Интересно. Я сам немножко на зимнем досугѣ этим занимался. Да вот еще — оккультными науками развлекался одно время. Так это ваши картины... Позвольте взглянуть. (*Надѣвает пенснэ*).

Т р о щ ѣ й к и н : — Сдѣлайте одолженіе. (*Пауза*). Эта не окончена.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Хорошо! Смѣлая кисть.

Т р о щ ѣ й к и н : — Извините меня, я хочу в окно посмотреть.

М ѣ ш а е в В т о р о й (*кладя пенснэ обратно в футляр*): — Досадно. Неприятно. Вашу бель-мер из-за меня разбудят. В концѣ концов, она меня даже не знает. Проскакиваю под флагом брата.

Т р о щ ѣ й к и н : — Смотрите, как забавно.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Не понимаю. Луна, улица. Это скорѣе грустно.

Т р о щ ѣ й к и н : — Видите, — ходит. От! Перешел. Опять. Очень успокоительное явление.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Запоздалый гуляка. Тут, говорят, здорово пьют.

(*Входит Антонина Павловна и Любовь с подносом*).

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Господи, как похож!

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Честь имѣю... Поздравляю вас... Вот тут я позволил себѣ... Деревенскія.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Ну, это безсовѣстное ба-ловство. Садитесь, прошу вас. Дочь мнѣ все об'яснила.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Мнѣ весьма неловко. Вы, вѣрно, почивали?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — О, я полуночница. Ну, рассказывайте. Итак, вы всегда живете в деревнѣ?

Т р о щ ѣ й к и н: — Люба, по-моему телефон?

Л ю б о в ь: — Да, кажется. Я пойду...

Т р о щ ѣ й к и н: — Нѣтъ, я. (*Трощѣйкин уходит*).

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Безвыѣздно. Кур развожу, дѣтей пложу, газет не читаю.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Чайку? Или хотите закусить?

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Да, собственно...

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Люба, там ветчина осталась. Ах, ты уже принесла. Отлично. Пожалуйста. Вас вѣдь Михѣем Михѣевичем?

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Мерси, мерси. Да, Михѣем.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Кушайте на-здоровье. Был торт, да гости с'ѣли. А мы вас как ждали! Брат думал, что вы опоздали на поѣзд. Люба, тут сахару мало. (*К Мѣшаеву*). Сегодня, в виду событія, у нас в хозяйствѣ нѣкоторое разстройство.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Событія?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Ну да: сегодняшняя сенсация. Мы так волнуемся...

Л ю б о в ь: — Мамочка, господину Мѣшаеву совершенно неинтересно о наших дѣлах.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — А я думала, что он в курсѣ. Во всяком случаѣ, очень пріятно, что вы пріѣхали. В эту нервную ночь пріятно прісутствіе спокойнаго человѣка.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Да... Я как-то отвык от ваших городских тревог.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Вы гдѣ-же остановились?

М ѣ ш а е в В т о р о й: Да, пока - что нигдѣ. В гостиницу заѣду.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — А вы у нас переночуйте. Есть свободная комната. Вот эта.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Я, право, не знаю... Боюсь помѣшать... (*Трощѣйкин возвращается*).

Т р о щ ѣ й к и н : — Ревшип звонил. Оказывается, он и Ку-приков зашли в кабацкѣ недалеко от нас и спрашивают, все - ли благополучно. Кажется, напились. Я отвѣтил, что они могут идти спать, раз у нас этот симпатяга марширует перед домом. (*К Мъшаеву*). Видите, до чего дошло: пришлось нанять ангела - хранителя.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Вот как.

Л ю б о в ь : — Алеша, найди какую - нибудь другую тему...

Т р о щ ѣ й к и н : — Что ты сердиться? По-моему, очень мило, что они позвонили. Твоя сестричка, небось, не потрудилась узнать, живы ли мы.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Я боюсь, что у вас какія-то семейныя непріятности... Кто-нибудь болен... Мнѣ тѣм болѣе досадно.

Т р о щ ѣ й к и н : — Нѣт - нѣт, оставайтесь. Напротив, очень хорошо, что толчется народ. Все равно, не до сна.

М ѣ ш а е в В т о р о й : Вот как.

А н т о н и н а П а в л о в н а : — Дѣло в том, что... справедливо или нѣт, — но Алексѣй Максимович опасается покушенія. У него есть враги... Любочка, нужно - же человѣку что - нибудь об'яснить... А то вы мечетесь как безумные... Он Бог знает что может подумать.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Нѣт, не беспокойтесь. Я понимаю. Я из деликатности. Вот, говорят, во Франціи, в Парижѣ, тоже богема, все такое, драки в ресторанах...

(Безшумно и незамѣтно вошел Барбошин. Всѣ вздрагивают).

Т р о щ ѣ й к и н : — Что вы так пугаете? Что случилось?

Б а р б о ш и н : — Передохнуть пришел.

А н т о н и н а П а в л о в н а (*к Мъшаеву*): — Сидите. Сидите. Это так. Агент.

Т р о щ ѣ й к и н : — Вы что-нибудь замѣтили? Может быть, вы хотите со мной поговорить наединѣ?

Б а р б о ш и н : — Нѣт, господин. Простоу хочется немного свѣта, тепла... Ибо мнѣ стало не по себѣ. Одиноко, жутко. Нервы сдали... Мучит воображеніе, совѣсть неспокойна, картины прешлага....

Л ю б о в ь : — Алеша, или он или я. Дайте ему стакан чаю, а я пойду спать.

Б а р б о ш и н (*к Мъшаеву*): — Ба! Это кто? Вы как сюда попали?

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Я? Да что ж... Обыкновенно, дверным манером.

Б а р б о ш и н (*к Трощѣйкину*): — Господин, я это разма-
триваю как личное оскорбленіе. Либо я вас охраняю и контроли-
рую посѣтителей, либо я ухожу и вы принимаете гостей... Или это,
может быть, конкуррент?

Т р о щ ѣ й к и н: — Успокойтесь. Это просто пріѣзжій. Он
не знал. Вот возьмите яблоко и идите пожалуйста. Нельзя поки-
дать пост. Вы так отлично все это дѣлали до сих пор!...

Б а р б о ш и н: — Мнѣ обѣщали стакан чаю. Я устал. Я
озяб. У меня гвоздь в башмакѣ. (*Повѣствовательно*). Я родился
в бѣдной семьѣ, и первое мое сознательное воспоминаніе — —

Л ю б о в ь: — Вы получите чая, — но под условіем, что бу-
дете молчать, молчать абсолютно!

Б а р б о ш и н: — Если просят... Что-же, согласен. Я только
хотѣл в двух словах рассказать мою жизнь. В видѣ иллюстраціи.
Нельзя?

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Люба, как же можно так
обрывать человѣка...

Л ю б о в ь: — Никаких рассказов, — или я уйду.

Б а р б о ш и н: — Ну, а телеграмму можно передать?

Т р о щ ѣ й к и н: — Телеграмму? Откуда? Давайте скорѣе.

Б а р б о ш и н: — Я только что интерцептировал ея носите-
ля, у самого вашего под'ѣзда. Боже мой, Боже мой, куда я ее за-
сунул? А! Есть.

Т р о щ ѣ й к и н (*хватает и разворачивает*): — «Мыслен-
но присутствую обнимаю поздрав - ». Вздор какой. Могли не ста-
раться. (*К Антонинѣ Павловнѣ*). Это вам.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Видишь, Любочка, ты бы-
ла права. Вспомнил Миша!

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Становится поздно! Пора на
боковую. Еще раз прошу прощенія.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — А то переночевали бы...

Т р о щ ѣ й к и н: — Во-во. Здѣсь и ляжете.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Я собственно...

Б а р б о ш и н (*к Мшаеву*): — По нѣкоторым внѣшним
примѣтам, доступным лишь опытному глазу, я могу сказать, что
вы служили во флотѣ, бездѣтны, были недавно у врача и любите
музыку.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Все это совершенно не соот-
вѣтствует дѣйствительности.

Б а р б о ш и н : — Кромѣ того, вы лѣвша.

М ѣ ш а е в В т о р о й : Неправда.

Б а р б о ш и н : Ну, это вы скажете судебному слѣдователю. Он живо разберет!

Л ю б о в ь (к *Мѣшаеву*): Вы не думайте, что это у нас пріют для умалишенных. Просто, нынче был такой день, и теперь такая ночь...

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Да я ничего...

А н т о н и н а П а в л о в н а (к *Барбошину*): — А в вашей профессіи есть много привлекательнаго для беллетриста. Меня очень интересует, как вы относитесь к детективному роману, как таковому?

Б а р б о ш и н : — Есть вопросы, на которые я отвѣчать не обязан.

М ѣ ш а е в В т о р о й (к *Любови*): — Знаете, странно: вот — попытка этого господина, да еще — одна замѣчательная встрѣча, которая у меня только что была, напомнили мнѣ, что я в свое время от нечего дѣлать, занимался хиромантіей, — так, полюбительски, но иногда весьма удачно.

Л ю б о в ь : — Умѣете по рукѣ?..

Т р о щ ѣ й к и н : — О, если бы вы могли предсказать, что с нами будет! Вот мы здѣсь сидим, балагурим, пир во время чумы, — а у меня такое чувство, что можем в любую минуту взлетѣть на воздух (к *Барбошину*): Ради Христа, кончайте ваш дурацкій чай!

Б а р б о ш и н : — Он не дурацкій.

А н т о н и н а П а в л о в н а : Я читала недавно книгу одного индуса. Он приводит поразительные примѣры...

Т р о щ ѣ й к и н : — К сожалѣнію, я неспособен долго жить в атмосферѣ поразительнаго. Я, вѣроятно, посѣдѣю за эту ночь.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Вот как?

Л ю б о в ь : — Можете мнѣ погадать?

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Извольте. Только я давно этим не занимался. А ручка у вас холодная.

Т р о щ ѣ й к и н : — Предскажите ей дорогу, умоляю вас.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Любопытныя линіи. Линія жизни, напримѣр... Собственно, вы должны были умереть давным - давно. Вам сколько? Двадцать два, двадцать три?

(*Барбошинъ принимаетъ медленно и нѣсколько недобриво разсматривать свою ладонь*).

Л ю б о в ь : — Двадцать пять. Случайно выжила.

М ѣ ш а е в В т о р о й : — Разсудок у вас послушен сердцу,

но сердце у вас разсудочное. Ну, что вам еще сказать? Вы чувствуете природу, но к искусству довольно равнодушны.

Т р о щ ѣ й к и н: — Дѣльно!

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Умрете... вы не боитесь узнать, как умрете?

Л ю б о в ь: — Нисколько. Скажите.

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Тут, впрочем, есть нѣкоторое раздвоеніе, которое меня смущает... Нѣтъ, не берусь дать точный отвѣтъ.

Б а р б о ш и н (*протягивает ладонь*): — Прошу.

Л ю б о в ь: — Ну, вы немного мнѣ сказали. Я думала, что вы предскажете мнѣ что-нибудь необыкновенное, потрясающее... напимѣр, что в жизни у меня сейчас обрыв, что меня ждет удивительное, страшное, волшебное счастье...

Т р о щ ѣ й к и н: — Тише! Мнѣ кажется кто-то позвонил... А?

Б а р б о ш и н (*сует Мѣшаеву руку*): — Прошу.

А н т о н и н а П а в л о в н а: — Нѣтъ, тебѣ почудилось. Бѣдный Алеша, бѣдный мой... Успокойся, милый.

М ѣ ш а е в В т о р о й (*машиемально беря ладонь Барбошина*): — Вы от меня требуете слишком многого, сударыня. Рука иногда не договаривает. Но есть, конечно, ладони болтливыя, откровенныя. Лѣтъ десять тому назад я предсказал одному человѣку всякія катастрофы, а сегодня, вот только - что, выходя из поѣзда, вдруг вижу его на перонѣ вокзала. Вот и обнаружилось, что он нѣсколько лѣтъ просидѣлъ в тюрьмѣ из-за какой-то романтической драки и теперь уѣзжает за границу навсегда. Нѣкто Барбашин, Леонид Викторович. Странно было его встрѣтить и тотчас опять проводить. (*Наклоняется над рукой Барбошина, который тоже сидит с опущенной головой*).

М ѣ ш а е в В т о р о й: — Просил кланяться общим знакомым, но вы его, вѣроятно, не знаете...

З а н а в ѣ с.

В. Сирин.

Ментона, 1938.

Лѣта не было в этом году.
Лѣто кануло в темном бреду,
В жутком мракѣ пустых и безсолнечных дней,
Гдѣ теперь с каждым днм холоднѣй.

Ты один в ореолѣ безснѣжной зимы,
Гдѣ навѣки несхожіе мы.

Я одна — в темнотѣ, гдѣ надежды и ложь.
Ты в мою темноту не сойдешь.

Лѣта не было в этом году.
А зимой я тебя не найду.

Ирина Кнорринг.

ИЗ ПАЛЕСТИНСКАГО ЦИКЛА

1.

Среди бесплодных дѣл и тучнаго бездѣлья,
В пустынь каменной, гдѣ звѣри не живут,
Опять — оазисом: спасительная келья,
Мужской геометрической уют.

И вновь безмѣрный лист нетронутой бумаги
Самозабвенно ждет живительных чернил,
Скупых послѣдних слез, благословенной влаги,
Что человек про черный час хранил.

Невнятен звук пера: лопата или заступ?
А пот души, как пот лица, солен..
Но там, гдѣ сѣян хлѣб — цвѣты Экклезиаста,
Твой мудрый сад, безумный Соломон.

2.

Звѣзды свѣтят
Из синяго небытія
На дома, синагогу и площадь.
Возвращается вѣтер
На круги своя
И шуршит в эвкалиптовой рощѣ.

Возвращается вѣтер
На круги своя,
Подбирает листок эвкалипта,
Здѣсь, по этим
Неисповѣдимым краям,
Шли, стеная, рабы из Египта.

Возвращается вѣтер в стотысячный раз,
Берedit ханаанскіе склоны.
Как свидѣтели правды, о, Экклезіаст,
Непреклонныя скалы Хермона.

Возвращается с моря, с высоких вершин,
Влажной вѣчностью вѣющій вѣтер.
Кипарисы качаются чинно в тиши,
Как свидѣтели горя и смерти.

Возвращается жизнь. Вот Ревекка с водой
На плечѣ... Это было — и будет.
Возвращается смерть. Но, под той же звѣздой,
Не рабы умирают, а люди.

Довид Кнут.

А Н Н А

Как мачта средь черных ненастій,
Что гнется в пространствѣ морей,
Как тонкая ива во власти
Гитарных кастильских ночей,

Трепещет, склоняется Анна
Над синей и страшной водой
Плѣнительных глаз Дон-Жуана,
Гдѣ мір отразился пустой.

Не вѣрь никаким уговорам,
Мужским непонятым слезам,
Красивым и ловким танцорам,
Поэтам и синим глазам:

Все только начало разлуки.
Ты будешь сгорать от стыда,
Ты будешь заламывать руки,
Покинутая навсегда.

О, в шорохѣ платьев туманных,
В темницѣ своей кружевной,
Останься для вздохов гитарны
Запретной высокой страной.

Ант. Ладинскій.

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(Из воспоминаний)

1. — «Плеве убит».

Лѣто 1904 года я провел в прелестном мѣстечкѣ Кварнерскаго залива Адриатики, Аббаціи, — извѣстном курортѣ, огражденном от вѣтров плоскогоріем Истрійскаго «барста». Узкое побережье представляет здѣсь, как у нас в Крыму или на Ривьерѣ, рѣзкую смѣну температур. В Аббаціи — это крутой переход от горнаго климата Крайны к мягкой температурѣ и роскошной растительности Средиземнаго моря. Я должен был с'ѣхать въ этом благословенном уголкѣ с моей семьей; дѣти лѣчились в Швейцаріи, а я работал в лондонском Британском Музеѣ над екатерининским періодом третьей части своих «Очерков». В Америкѣ я приготовил к печати первую половину своей книги, составившейся из курса лекцій о «Русской Цивилизаціи», прочтеннаго лѣтом 1903 г. в Чикагском университетѣ. Готовы были и сданы в печать главы этой книги, излагавшія исторію русскаго націонализма, религіозной и политической традиціи, а также — в сильно передѣланном видѣ — главы об исторіи либеральной и социалистической традиціи. Но мнѣ предстояло приготовить лѣтом для Института Лоуэля в Бостонѣ курс лекцій о «Русском Кризисѣ», долженствовавшій составить вторую часть книги под этим заглавіем. А, главное, в том-же Чикаго для славянской кафедры, основанной Ч. Р. Креном, я был приглашен прочесть второй курс — о Балканском славянствѣ.

В этом отношеніи выбор Аббаціи не был случайным. Я достаточно знал исторію и современное положеніе восточной части Балканскаго полуострова — в результатѣ моего двухгодичнаго пребыванія в Болгаріи и поѣздок по Македоніи и по Старой Сербіи. Но западная часть балканскаго славянства, словенцы, сербы, хорваты были мнѣ менѣе извѣстны. Из Аббаціи я предполагал совершить

поѣздку по Далматскому побережью, Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи. Аббачія служила как-бы преддверіемъ к этой поѣздкѣ. Это былъ центр, в котором давно уже шла борьба между итальянцами, занимавшими западный берег Истріи, по ту сторону плоскогорья, словенцами и хорватами, составлявшими от Триеста и Фиуме дальше на юг — сплошной славянской хинтерланд Далматскаго побережья. Таким образом, я былъ слишкомъ занятъ этой двойной подготовкой к курсу и к путешествію, чтобы регулярно сопровождать семью на утреннія купанья, и лишь к вечеру выходил на прогулки по мѣстному побережью и парку.

29 іюля, выйдя навстрѣчу возвращавшейся с утренняго купанья семьѣ, я издали увидѣлъ в руках у жены газетный лист, которым она размахивала со всѣми признаками сильнаго волненія. Я ускорил шаг и услышал взволнованный крикъ: «убит Плеве»! Да, тут было от чего взволноваться. Я прочел телеграмму. Точно, Плеве разорванъ бомбой во время поѣздки к царю с докладом. Итак, в самом дѣлѣ, «убит Плеве», — он, который лежалъ тяжелымъ камнемъ на пути неизбежнаго русскаго возрожденія, боролся с земством, устраивалъ еврейскіе погромы, преслѣдовалъ печать, умиралъ порками крестьянскія возстанія, давилъ репрессіями первыя, сравнительно скромныя проявленія національных стремленій финляндцев, поляков, армян. Он, который сказалъ генералу Куропаткину: «намъ нужна маленькая побѣдоносная война, чтобы остановить революцію». Война оказалась не маленькой и не побѣдоносной. Какъ разъ передъ смертью Плеве русскія войска испытывали пораженія, а поступательный ходъ революціи сказался на судьбѣ самого Плеве. Да, здѣсь, очевидно, начинался какой-то новый періодъ русской исторіи — и русской революціи, какъ вступленія в этотъ новый періодъ. Но поймутъ-ли это тѣ, кто хотѣлъ политикой Плеве преградить путь поднимавшемуся революціонному потоку?

Можно-ли было не радоваться, что Плеве убитъ? Но у меня не было чувства гнѣва и ненависти, которые направили бомбу в карету, в которой ѣхалъ Плеве. Не было даже и охоты шутить на эту тему вмѣстѣ с авторомъ ходившаго тогда стихотворенія, в которомъ содержалась просьба «милымъ эс-эрамъ», чтобы, при повтореніи ударовъ, «былъ кучеръ цѣлъ». Я никакъ не могъ представить себѣ Плеве в роли простаго злодѣя. Недостатокъ воображенія, холодность сердца или ученая привычка историка? Всего за два года передъ его трагедіей я видѣлъ Плеве и разговаривалъ с нимъ по-человѣчески, —

хотя, в сущности, почти предсказал его судьбу. Об этой странной встрѣчѣ, первой и единственной, я хочу здѣсь рассказать подробно.

Я сидѣлъ в тюрьмѣ (в «Крестах») по приговору, который великодушно предоставил мнѣ на выбор: или ѣхать в ссылку в Уфу, или провести полгода в тюремном заключеніи. Как видно, правительство отнеслось ко мнѣ снисходительно. Я выбрал тюрьму — в виду болѣе краткаго срока, — так как приглашеніе в Америку было уже мною получено. В промежуткѣ между этим сидѣніем и предыдущим (тогда в порядкѣ предварительнаго слѣдствія на Шпалерной), я даже получил разрѣшеніе перед отсидкой отправиться в Англію для усовершенствованія в англійском языкѣ. Отпущенный на честное слово, я по возвращеніи честно отправился в тюрьму, хотя и не был сразу принят, так как попал в Кресты в праздничный день. Эта была идиллія, отнюдь не похожая на то, чѣм стало заключеніе в тюрьму в разгар послѣдовавшей политической борьбы. И за три проведенные в моей кельѣ мѣсяца мнѣ не на что было жаловаться. Книги были в моем распоряженіи в изобиліи — и заваливали цѣлый угол одиночной камеры. Друзья снабжали меня сладостями, жена приносила существенное; не было недостатка и в цвѣтах: особенно мнѣ нравилось вдыхать запах нарциссов, которые приносила семья Мякотиных.

Три мѣсяца прошли благополучно, когда раз поздним вечером меня вызвали из камеры и велѣли надѣть пальто. Это не значило, конечно, как позднѣе, что меня отправляют «с вещами»; кромѣ нѣкотораго удивленія (так как о цѣли поѣздки не сообщали) я не испытал никакого болѣе сложнаго чувства. Это не мог быть новый допрос, да и везли меня не к жандармам на Тверскую. Тюремная карета остановилась перед домом министерства внутренних дѣлъ на Фонтанкѣ. Меня повели какими-то таинственными, пустыми, слабо освѣщенными коридорами, — и тут я немножко струхнул. Мы прошли с провожатым через нѣсколько дверей, как-то автоматически открывавшихся и закрывавшихся перед нами. Каждый раз за дверями обрисовывались по двѣ рослых фигуры атлетов в костюмѣ скорѣе лакеев, чѣм чиновников. Наконец, ввели в переднюю — и сообщили, что меня хочет видѣть министр. Очевидно, Вячеслав Константинович Плеве был очень хорошо забаррикадирован от непрошенных визитов. Будучи введен в просторный, роскошно обставленный кабинет министра, я был приглашен лю-

безным жестом хозяина занять мѣсто против его кресла за кабинетным столом. Министр заказал чай; поднос скоро принесли, и мы усѣлись за маленьким чайным столиком, в уютѣ, как бы предназначенном для интимной довѣрительной бесѣды. Плеве и начал в этом духѣ, объявив себя, прежде всего, моим поклонником по содержанию печатавшихся тогда в «Мирѣ Божьем» «Очерков русской культуры». Отсюда он перешел к похвалам моему учителю, профессору Ключевскому, и сообщил мнѣ, наконец, что Василій Осипович говорил государю, что я нужен для науки и что меня нельзя держать взаперти. Государь поручил ему, Плеве, предварительно познакомиться и поговорить со мной, чтобы, смотря по впечатлѣнію, меня выпустить. Он и просил меня повѣдать ему откровенно и искренно о всѣх моих недоразумѣніях с полиціей. Степень откровенности для меня сразу опредѣлилась тѣм, что мое досье лежало на рабочем столѣ министра, и он успѣлъ уже процитировать из него нѣсколько вышних данных. Должен признать, что и эта обстановка разговора, и послѣдовавшее приглашеніе говорить свободно настроили меня на юмористическій лад. В этом тонѣ я и отвѣчал ему, что попал в тюрьму, сам не зная за что, так как допрос меня жандармским полковником Шмаковым не обнаружил за мной никакого преступленія, кромѣ факта моего присутствія на студенческой вечеринкѣ, в помѣщеніи Горнаго Института, в память незадолго перед тѣм скончавшагося П. Л. Лаврова. Единственный оффиціальныи свидѣтель моего преступленія оказался, как я заключил из весьма не искуснаго допроса Шмакова, неграмотным филером охранки: кромѣ часов моего прихода и ухода, да еще показанія о том, в какой шапкѣ я был, он рѣшительно ничего не мог сообщить слѣдствію о разговорах на этом собраніи, о личностях ораторов и о моей роли на нем. Я сказал Плеве, что меня просили предсѣдательствовать, и что от этого я не мог отказаться; мнѣ не нужно было прибавлять, что общеніе со студентами для меня дѣло обычное и что за это десятью годами раньше меня и выгнали из Московскаго университета. О поводах к тогдашней высылкѣ в Рязань и о допросѣ меня там тов. прокурора Лопухиним я рассказал весьма подробно. Все это, — конечно, только без юмористическаго освѣщенія, — имѣлось и в моем досье.

Об одном я недобросовѣстно умолчал, а Плеве и не спрашивал: о содержаніи рѣчей якобы в память Лаврова и о моем по этому поводу предсѣдательском резюме. Рѣчи были, как и слѣдовало ожи-

дать, весьма острыя. Мое резюме было... строго научное, но... много лѣтъ спустя Савинков сказал мнѣ, что он присутствовал студентом на этом митингѣ и, в сущности, сдѣлался моим учеником! А я только проводил историческую параллель между семидесятыми годами прошлаго вѣка, когда шла эмигрантская дѣятельность Лаврова, — тоже научная и «профессорская», — и тѣм, что происходило в первые годы нашего столѣтія. Вечеринки в семидесятых годах в Цюрихѣ и Женевѣ оказались прологом к «хожденію в народ», а это хожденіе вступленіем к террористической дѣятельности Народной Воли. Тринадцать лѣтъ реакціи (1881 — 1894) и десятилѣтіе оживленія 1891 — 1901 годов, было отмѣчено, если не хожденіем интеллигенціи в народ, то движеніями в рабочей и крестьянской средѣ; предстоял, в виду выяснивагося безсилія коллективных заявленій, тоже какой-то переход к прямому дѣйствию. Не помню, употреблено-ли было прямо слово террор, но Савинков понял меня правильно — и из исторической схемы, мною набросанной, сдѣлал практическое употребленіе. Первый акт террора (убійство мин. внутр. дѣл Сипягина) произошел уже тогда, когда я сидѣлъ в тюрьмѣ на Шпалерной...

Словом, грань между историческим прогнозом и дѣйствительным ходом событій оказалась весьма шаткой. Не знаю, как бы поступил со мной полковник Шмаков, если-бы его филер был болѣе грамотным. По счастью для меня, этого не случилось. Напрасны были попытки Шмакова поощрить меня к откровенности справками, что вот-де тѣ, старые революціонеры — то были «орлы»; они сразу во всем признавались, а теперь пошли какіе-то «воробьи»... Я предпочел числиться в «воробьях».

Итак, наша бесѣда с Плеве могла продолжаться в мирных тонах, без вмѣшательства криминальнаго элемента. Все-же, я был несказанно удивлен, когда, без перехода разговора на современную политику, он меня спросил в упор: что бы я сказал, если-бы он предложил мнѣ занять пост министра народнаго просвѣщенія? Было-ли это болѣе искусное продолженіе тактики полковника Шмакова? Или же, — что мало вѣроятно, — предложеніе было сдѣлано всерьез? Во всяком случаѣ, *тогда* я всерьез его не принял. Я хотѣлъ отшутиться, но отвѣтъ мой неожиданно придал бесѣдѣ серьезный оборот. Я отвѣтил, что поблагодарил-бы за лестное предложеніе, но по всей вѣроятности, от него бы отказался. Сдѣлав удивленный вид, Плеве спросил: почему-же? Отвѣчать надо было по

существо, и свой отвѣтъ я помню буквально. «Потому что на этом мѣстѣ ничего нельзя подѣлать. Вот если бы ваше превосходительство предложили мнѣ занять ваше мѣсто, тогда бы я еще подумал»...

Плеве был умный человек. Даже если он принял мой отвѣтъ не за оцѣнку положенія, а за мальчишескую выходку или за оппозиционную браваду, он не показал вида, что хочет переменить тон бесѣды. Да и цѣль бесѣды, вѣроятно, была предрѣшена. Все-же теперь все было сказано, политическій экзамен доведен до конца, и Плеве кончил свиданіе словами, что обо всем доложит государю и на днях меня снова вызовет.

Я был затѣм водворен обратно в мою келью — без особенно радужных надежд на освобожденіе. Прошла недѣля без послѣдствій, и свѣжесть полученных в кабинетѣ министра впечатлѣній уже начинала изглаживаться, когда за мной опять пріѣхали. Я был прежним порядком доставлен, прошел через тѣ же коридоры и миновал благополучно великанов в ливреях. Но дальше передней меня на этот раз не пустили. Пришлось подождать. Вышел, наконец, Плеве и, стоя передо мной, совсѣм уже другим тоном, рѣзко скандируя слова, отчеканил. Его короткую рѣчь я запомнил наизусть. «Я сдѣлал вывод из нашей бесѣды. Вы с нами не примиритесь. По крайней мѣрѣ, не вступайте с нами в открытую борьбу. Иначе — здѣсь слѣдовал очень выразительный жест правой руки слѣва направо — иначе мы вас сметем... Готовится петиція писателей; не подписывайтесь под нею. Живите спокойно в Удѣльной*). Иначе вы меня подведете: я дал о вас государю благоприятный отзыв... Вы свободны».

Не помню, ждал-ли я послѣ суроваго тона этих слов рукопожатія; кажется, его не было. Плеве повернулся и ушел в кабинет. А мнѣ его стало жалко. Он представился мнѣ в первой нашей бесѣдѣ и теперь, послѣ данной мнѣ вынужденной амнистіи, каким-то Дон-Кихотом отжившей идеи, крѣпко привязанным к своей тачкѣ, — гораздо болѣе умным, чѣм та по истинѣ Сизифова работа, которой он принужден был заниматься. То же впечатлѣніе произвела на меня потом пророческая записка Дурново, когда я с нею познакомился, с той только разницей, что Плеве показался мнѣ гораздо болѣе сильной и цѣльной натурой.

*) Мнѣ было запрещено пріѣзжать в Петербург.

Через нѣсколько дней меня в самом дѣлѣ освободили. Я мог с'ѣздить в Америку, подготовить и прочесть первый курс лекцій, поработать зимой 1903 - 1904 г. в Лондонѣ и прїѣхать в Аббацію — по дорогѣ на Западныя Балканы. А тѣм временем русская жизнь развертывалась в роковом направленіи. И вот результат! вмѣстѣ с личностью Плеве уходил в исторію его неудачный «опыт» — спасти от революціи старую монархію. Неужели этот опыт будет продолжаться? Неужели он повторится?

Нѣсколько дней спустя послѣ убійства Плеве я получил в Аббаціи из Штутгарта номер 52-й нашего оппозиціоннаго журнала «Освобожденіе» от 1 августа (н. с.). Он уже был полон откликов на сенсацію дня. Я с удовлетвореніем увидѣл, что настроеніе этих откликов совпадало с моим. В редакціонной статьѣ П. Б. Струве говорилось, что «с первых же шагов назначеннаго два года тому назад преемника убитаго Сипягина, вѣроятность убійства Плеве была так велика, что люди, понимающіе политическое положеніе и политическую атмосферу Россіи, говорили: жизнь министра внутренних дѣл застрахована лишь в мѣру технических трудностей его умерщвленія». Слѣдующая статья «Путешественника» признавала «моральную противоестественность чувства радостнаго удовлетворенія», вызваннаго в «сердцах многоаго множества русских людей» исчезновеніем Плеве, но соглашалась, что чувство это «вполнѣ естественно при противоестественных условіях русской жизни». А дальше слѣдовала моя собственная статья, посланная в редакцію «Освобожденія» еще до убійства Плеве, и в ней значилось: «Плеве, несомнѣнно, дискредитирован в глазах всей Россіи, и его паденіе есть только вопрос времени». Я предсказывал там, что «Витте скоро явится в роли спасителя Россіи от бездны зол, в которыя ввергнул ее Плеве», и ставил тревожный вопрос: «с какой программой явится перед Россіей тот или другой замѣститель Плеве?».

Статья моя набрасывала главные пункты минимальной программы необходимой реформы*) в полемикѣ со статьей противоположнаго настроенія, напечатанной в номерѣ 50-м «Освобожденія» от 8 іюля. В той и другой статьѣ излагались два противоположные взгляда на дальнѣйшій ход конституціоннаго движенія в Рос-

*) Хотячей фразой тогда было: «не реформы (о которых говорила статья ном. 50), а реформа» (т. е. конституція).

си. Оба взгляда тогда еще могли совмѣщаться в одной и той же предварительной группировкѣ русских конституціоналистов, которую анонимный автор оспариваемой мною статьи называл «либеральной», а мои единомышленники предпочитали называть «демократической».

«Либерал» полагал, что до начала русско - японской войны «платформой должна была быть: 1. Безумная и разрушительная, с точки зрѣнія силы и могущества Россіи, борьба правительства с земством и мѣстными живыми силами и 2. Крестьянскій вопрос, тѣсно связанный с аграрными беспорядками и волненіями». Автор исходил при этом из утвержденія, что «правительственная машина современнаго государства неизмѣримо сильнѣе всѣх сил, обычно признаваемых за реальныя — террора, возстаній и бунтов», и что «рѣшающей силой» должно явиться «государственное» общественное мнѣніе. Но начавшаяся уже организациа такого мнѣнія должна была, в виду войны, быть пріостановлена, и дѣятельность сложившихся уже ячеек — направлена в другую сторону. Отсюда вытекала, соотвѣтственно «характеру даннаго историческаго момента», новая платформа. А именно: «1. Конституціонная партія должна принять *пассивное* положеніе по крайней мѣрѣ на ближайшее время. 2. Она должна перенести центр тяжести на вопросы японской войны и с нею тѣсно связанные и 3. Должна дать работу своим кружкам и организациям, связанную с подготовкой общественнаго мнѣнія по этим вопросам».

Земское происхожденіе этой, болѣе чѣм умѣренной и далеко неясной, программы было несомнѣнно. Но среди земцев были и другіе взгляды, выраженію которых собственно и должно было служить «Освобожденіе». Я лично никогда не был «пораженцем». Когда, в январѣ 1904 г., японскіе миноносцы без об'явленія войны напали на русскій флот в Порт - Артурѣ — и тѣм сорвали нелѣпную путаницу, в которой заблудилась по прямой винѣ царя русская дипломатія, — я помню нашу немедленную реакцію на это событіе в Лондонѣ, гдѣ я тогда находился. И не только «нашу» в тѣсном смыслѣ.

В тот самый день, когда телеграммы об этом событіи появились в англійских газетах, мы с покойным И. В. Шкловским были в гостях у П. А. Кропоткина в Брайтонѣ. Старик вышел к нам в большом волненіи и несказанно тронул нас горячим выраженіем своих патріотических чувств. Вопреки происхожденію войны, ко-

тору со стороны Россіи никак нельзя было назвать просто «оборонительной», он желал скорой и рѣшительной побѣды Россіи. Автор статьи в «Освобожденіи» считал теперь, напротив, что «война затянется надолго», ибо «мир в ближайшее время может быть заключен лишь путем униженія и огромных потерь», в которыя вовлекло Россію «поразительное легкомысліе и невѣжество полицейскаго самодержавія». Но это самое самодержавіе, «угрожаемое в настоящее время изнутри, не может взять на себя ответственности» за послѣдствія своего легкомыслія и невѣжества! Мнѣ пришлось напомнить автору мнѣніе какого-то русскаго тайнаго совѣтника, высказанное во французской газетѣ в первыя - же недѣли войны, — что «война *должна* быть продолжительной, чтобы дать время создаться моральному единству в средѣ русскаго общества, в настоящее время раздираемаго внутренними междоусобіями». Это мнѣніе до поразительности совпадало с взглядом Плева, что цѣль войны — предупредить революцію, почему и надо было ее затѣять (вопреки тогдашнему упорному противодѣйствію Витте).

При таком положеніи (в 1914 г. было другое) я рѣшительно отказывался «волочиться за событіями, предоставляя им спутывать всѣ наши расчеты». Я возражал против предложеннаго перехода къ «пассивности» и против монополизациі автором понятія «государственности». Я шел дальше и говорил, как бы предчувствуя ту роль, которую готовилось сыграть в быстро развернувшейся борьбѣ то теченіе, которое заранее признавало себя единственно «государственным»: «мы не думаем призывать русских конституціоналистов къ «террору» и вмѣстѣ с автором надѣемся, что организованное мнѣніе интеллигенціи останется чуждым «классовой борьбѣ». Но мы не можем не признать, что лишь *активная* борьба, какова бы она ни была по своим формам, расчищает дорогу той группѣ, которая от имени «государственнаго» общественнаго мнѣнія готовится эксплуатировать побѣду. И мы не можем не считать верхом неблагодарности и непониманія со стороны представителей этой группы, кому и чему они будут обязаны своим торжеством». Тут опредѣлялась точно разница наших тактик в будущем.

Тридцать три года спустя послѣ того, как слова эти были сказаны, их смысл гораздо легче расшифровать, чѣм было в то время. Под них можно теперь подставить имена и событія так же, как и под выраженіем мнѣнія противоположной группы. Я, конеч-

но, не могу и не хочу продолжать теперь начатую тогда полемику. Спор кончен — в ту или другую сторону; всякія рекриминаціи задним числом были бы теперь неумѣстны и бесполезны. Смерть Плеве, взбудоражившая мое мирное пребываніе в Аббаціи, лишь всколыхнула во мнѣ заснувшія воспоминанія, с нею связанныя. Не предупреждая событій, я напому теперь и ту положительную программу, которую в той же полемической статьѣ я противопоставил недоговоренной программѣ временных союзников, будущих противников. Вот мое тогдашнее заключеніе:

«Наша, т. е. конституціоналистов, очередная политика должна заключаться в дружном и по-возможности демонстративном заявленіи тѣх основных условій, на которых мы политическую реформу, сдѣлавшуюся необходимой, сможем признать реформой, удовлетворяющей общественное мнѣніе. Не разбиваясь на частности, я предложил бы сговориться, по крайней мѣрѣ, относительно двух основных черт:

«Во-первых, только такое народное представительство мы будем считать отвѣчающим общественным требованіям, которое будет формально облечено законодательною властью и правом разсмотрѣнія бюджета, а не ограничено совѣщательной ролью при предварительной подготовкѣ законопроектов.

«Во-вторых, только такое народное представительство мы признаем народным, которое явится не представительством от учреждений, хотя бы и свободных, а непосредственным представительством самого населенія путем прямых выборов...

«Можем-ли мы сговориться хотя бы на этом? Или-же мы принуждены будем сдѣлаться соучастниками дѣяній будущих спасителей отечества во внутренней политикѣ, какими автор статьи готов уже сдѣлать нас по отношенію к вѣшной? На эту роль мы, во всяком случаѣ, не пойдем, а тѣ, кто пойдут на нее, пусть идут не от нашего, а от какого-нибудь другого имени».

На всякій случай напому: статья напечатана 19 іюля (1 августа) 1904 г. в штутгартском «Освобожденіи». Но поставленные тогда на ближайшую очередь вопросы, послѣ всѣх зигзагов вправо и влѣво, остаются и по сію пору открытыми.

П. Милюков.

Мои первые шаги в „Русском Балетѣ“ Дягилева

«Лицо Дягилева прояснилось, а в глазах его вспыхнули одобрительныя искорки.. Подумав, он сказал:

— Все-таки я отправил бы их всѣх в Киев, но мнѣ жаль этого мальчика тѣм болѣе, что из него выйдет несомнѣнный толк. Он будет танцором».

С. Лифарь. «Страдные годы».

И я остался в Монте-Карло — маленькій, жалкій воробей... Остро я почувствовал свое бѣдное одиночество и сиротство в блестящей труппѣ «Русскаго Балета», свою неподготовленность, свое неумѣніе — кievскія мечты о великом танцорѣ разлетѣлись в прах, когда монте-карловская дѣйствительность с такой очевидностью показала, что я, да и всѣ мои кievскіе товарищи, не умѣем танцевать.

В Киевѣ Дягилев казался таким далеким, недоступным, великим, и таким же великим, недоступным и далеким он оказался в Монте-Карло. Не только для нас, новичков, но и для всей труппы Дягилев был далеким, недоступным божеством, то милостивым, то грозным, чаще грозным, перед ним трепетали, его боялись. Он приходил на репетиціи, окруженный своей свитой друзей и высших сотрудников «Русскаго Балета», садился, смотрѣл, выражал свое неодобрение — как было трудно заслужить его одобрение! — и уходил: настоящаго общенія с труппой у него не было, и всѣ свои распоряженія передавал он или через своего секретаря (Б. Е. Кохно), или через друга своей молодости В. Ф. Нувеля, или через режиссера (С. А. Григорьева), или — гораздо рѣже — через старѣйшаго артиста труппы Н. В. Кремнева.

Труппа отнеслась к нам, прїѣзжим кievлянам, презрительно — недоброжелательно. Нашею прїѣзда в труппѣ не хотѣли и боялись.

Послѣ финансоваго краха «Русскаго Балета» в 1922 году, в связи с безумно стоимшей постановкой «Спящей красавицы» в Лондонѣ, Дягилев снова достал через m-me Chanel необходимые средства и рѣшил пополнить труппу свѣжими, молодыми силами: Б. Ф. Нижинская — балетмейстер дягилевской труппы — так расхваливала своих кievских учеников, что Дягилев рѣшил нас выписать из Кieва, и чѣм больше он возлагал надежд на наш прїѣзд, тѣм больше не хотѣли нашего прїѣзда — прїѣзда грозных, опасных соперников — в труппѣ «Балета». Помимо того, мы были навязанными пришельцами из далекаго «оттуда», из красной, совѣтской Россіи, к чему эмигранты всегда относятся с предубѣжденіем и недовѣріем — и до самаго дня страшнаго «экзамена» к нам относились враждебно (наша подготовка к экзамену под руководством Нижинской была закрытой, и в труппѣ никто не знал о степени нашей подготовленности). Страшный «экзамен» оказался не нашим ожидаемым торжеством, а позорным провалом. Как горько отзывались послѣ этого экзамена в нашей памяти слова, которыми С. П. Дягилев встрѣтил нас в Парижѣ: «Господа, я очень рад, что вы, наконец, прїѣхали, мнѣ вас недостает... Надѣюсь, наша совмѣстная работа превзойдет всѣ ожиданія, а ожидаю я от вас многого... Вы должны удивить Европу, а я буду гордиться вами... Кстати, Броня вас так расхваливала...»

Постепенно наша кievская группа — братья Хоеры, Лапчикій и Унгерн — начала сливаться с общей труппой, один я продолжал сторониться всѣх и от этого чувствовал себя еще болѣе сиротливым и безпомощным: если Дягилев и его окруженіе были слишком высоки и недоступны для меня, и я мог только издали видѣть их и робко благоговѣть перед Сергѣем Павловичем—так робко, что, конечно, он не мог и догадываться о моем благоговѣнном трепетѣ,—то труппа Русскаго Балета мало притягивала меня к себѣ своей, как мнѣ казалось, некультурностью. Технически, профессионально, в том, что касалось ремесла, труппа стояла исключительно высоко, виѣ ремесла — она была совсѣм не такой, какой мнѣ рисовалась в Кieвѣ. В ней царствовали еще какія-то крѣпостническія начала, артисты посылали мальчиков из кордебалета за папиросами — совсѣм как ремесленники своих подмастерьев. Вся эта большая коммуна варилась в собственном соку и виѣ репетицій и спектаклей занималась сплетнями, плоским, примитивным флиртом, вином и картами (к счастью еще, в нашей труппѣ, бла-

годаря, может быть, недоступности художественной дирекціи, совершенно отсутствовали интриги и подкапыванія друг под друга). В труппѣ бывало событіе, когда какой-нибудь танцовщицѣ удавалось найти себѣ мужа, и она уходила из балета; еще болѣе крупным событіем было поступленіе новой танцовщицы или новаго танцовщика: о новичкѣ надо было узнать все, о нем судили и рядили, спрашивали его и довольно таки безцеремонно залѣзали к нему в душу. Совсѣм другое представленіе было у меня о жрецах и жрицах моего любимаго искусства, и только много позже понялъ я, что частыя путешествія - турнэ по міру и хоть очень далекое, но все же существовавшее, вліяніе художественной дирекціи выдѣляли наш балет среди всѣх трупп, и он был совсѣм не таким некультурным, как мнѣ это казалось на первых порах под вліяніем моей кievской мечты о каком-то особенном «Дягилевском балетѣ». Новый мір оказался совсѣм не таким, каким я его грезил, и я почувствовал себя в нем одиноко и неуютно. Я не находил ни в ком поддержки: Сергѣй Павлович меня как будто не замѣчал, Бронислава Нижинская отвернулась от нас и перестала нас считать «своими»... Голодовка в Россіи и два мучительно трудных побѣга из Кіева к заколдованой, завѣтной дали — «к Дягилеву» — надорвали мое здоровье и обезсилили меня: у меня постоянно болѣла и кружилась голова, перед глазами мелькали зигзагами круги, сердце то замирало, и я был близок к обмороку, то начинало давать жуткіе, четкіе, громкіе перебои. Трудно было приспособиться к новой жизни, такой непохожей на нашу совѣтскую, трудно жить в чужой странѣ без языка. Все было новое, непривычное, чужое... О том, какими совѣтскими дикарями пріѣхали мы из Кіева, дает представленіе наш первый завтрак в маленьком монашеском пансіончикѣ, в котором мы поселились: когда нам подали никогда невиданные до того артишоки, мы не знали, что надо с ними дѣлать, как их ѣсть: чтобы не попасть в глупое положеніе, я рѣшил лучше воздержаться, сдѣлал кислую мину и сказал:

— Non, je n'aime pas ça.

А товарищи мои стали ѣсть артишоки... Как? — Когда дѣвушка пришла убирать тарелки, то вскрикнула от удивленія: на чисто вылизанных тарелках не оставалось ни одного лепестка.

В этом же пансіончикѣ мы занимались тѣм, что своеобразным способом добывали себѣ вино: забирались в столовую, пили вино из бутылок пансіонеров и добавляли бутылки водой, — вино все

время свѣтлѣло, но не уменьшалось в количествѣ. Так продолжалось больше недѣли, пока дѣвушка не накрыла нас на этом веселом занятіи.

В том состояніи горькаго одиночества и чувства полной заброшенности, в каком я находился, во мнѣ снова возгорѣлась мечта о моей кievской графинѣ, и эта мечта жгла меня и заставляла меня стремиться назад в Кіев — жизнь за-границей и в «балетѣ Дягилева» оказалась совсѣм не такой, какою я себя рисовал, когда находился среди тифозных в пограничной чрезвычайкѣ. Мечта о ней распалая, и я начинал с особым чувством смотрѣть на миловидных и интересных танцовщиц из кордебалета. Онѣ тоже заглядывались на меня и вызывали меня на легкій флирт и как будто общали легкую побѣду, — я, горячечно мечтавшій о женшинѣ, гнал от себя соблазн наважденія и «грѣха».

И от этих соблазнов, и от щемящей тоски тяжелаго юношескаго одиночества, и от соблазна возвращенія в Россію, и для того, чтобы оправдать в глазах Дягилева мой пріѣзд к нему, и для того, чтобы заслужить его одобреніе, и, наконец, вслѣдствіе неодолимой внутренней, всеизгоняющей тяги к танцу, я уходил в работу и жил работой, только работой. Первая вещь, над которой мы работали, была «Свадебка» Стравинскаго. Вначалѣ было безконечно трудно: к счастью, во мнѣ было сильно чувство ритма, которое и помогло незамѣтно влиться в ансамбль. Григорьев одобрил мою работу, и моею первою радостью в Монте-Карло было сознаніе, что я *прошел*, что я буду участвовать в спектаклѣ. Страшнѣе всего было присутствіе на репетиціях самого Дягилева. Он был невѣроятно требовательным, и случалось, что заставлял танцовщиков и танцовщиц по 20 раз повторять одно и то же движеніе. Я дрожал, боялся попасться ему на глаза, боялся, что он меня увидит, разсердится и заставит повторять. К счастью, этого никогда не случалось, и для того, чтобы не бывало, я работал не только на репетиціях, а уходил вечером одиночно репетировать на монте-карловскій мол. В этой сказочной ночной обстановкѣ с подлинным увлеченіем я работал часами и не замѣчал, как проходило время. Два разноцвѣтных монакских маяка освѣщали море и четкія лініи казавшейся черной и спящей монакской скалы - крѣпости, от высокой яркой луны серебрилось и змѣнилось море, и от меня, от моих движеній падали странныя, непохожія на меня тѣни. Казалось, все было заморожено тишиной и звѣздностью неба, и мои упраж-

ненія казались мнѣ культовыми, религиозными служеніями невѣдомому, но живо ощущаемому богу. Эти упражненія усиливали мой танцевальный подѣм и закрѣпляли работу, произведенную на репетиціи, которая для меня была не просто репетиціей, а обученіем танцу, усвоеніем его. Вслѣдствіе таких ночных упражненій я твердо знал на другой день на репетиціи свое заданіе в то время, как многіе мои товарищи забывали то, над чѣм так бились наканунѣ, и им приходилось снова повторять то же самое и снова добиваться уже раз достигнутаго. Так, на монте-карловском молу я работал и над «Свадебкой», и над «Mariage d'Aurore», и над всѣми вещами, которыя мы в то время репетировали.

На мою работу на репетиціи скоро обратил вниманіе Дягилев и уже в февралѣ (1923 года) похвалил меня и сказал мнѣ слова, которыя наполнили меня гордостью и радостью:

— Хорошо, молодой человек, совсѣм хорошо. Работайге сильно.

И я стал работать еще сильнѣе, долгіе часы проводя в нашей длинной подвальной репетиціонной залѣ с давившими низкими потолками.

13 марта я при Сергѣѣ Павловичѣ сдѣлал два тура, 22 марта — *entrechat-six* — и прочел в его глазах мягкое одобреніе. Теперь я находился уже в другом настроеніи, чѣм при приѣздѣ, когда в минуты отчаянія считал, что лучше вернуться назад в Кіев, так как все равно «ничего не выйдет», — теперь у меня появилась надежда, пока еще робкая, что что-нибудь может и «выйти». Вскорѣ я чуть было не получил роль. На одной из репетицій «Шехерезады» Дягилев при всѣх обратился к Григорьеву:

— Поставьте Лифаря мальчиком, умирающим на лѣстницѣ, — он должен подойти к этой роли.

Григорьев дал мнѣ эту «роль», но тут вмѣшалась моя «учительница», Бронислава Нижинская — балетмейстер труппы:

— Нѣт, Сергѣѣ Павлович, Лифарь еще слишком неопытный танцовщик для какой бы то ни было отдѣльной роли, ему еще надо много присматриваться и учиться. Дайте эту роль Славинскому — и болѣе опытному и болѣе способному.

— Пожалуй, — отвѣтил Дягилев, — пусть пока танцует Славинскій, а Лифарь присматривается, но скоро и он затанцует. Да, теперь он пока еще молод и неопытен, но увидите, Броня, когда он вырастет, то будет вторым Нижинским.

«Броня» вслыхнула, но ничего не отвѣтила, а я... у меня точно крылья выросли, и сердце затрепетало радостной птицей. Окрыленный, радостный, точно я получил первую роль, а не был обойден маленькой ролью, ходил я побѣдителем по Монте-Карло и с утроенной, учетверенной, упятеренной энергіей ринулся, буквально ринулся, набросился на работу; я добьюсь своею работою того, что оправдаю довѣріе Дягилева, я буду вторым Нижинским, буду больше Нижинскаго... Голова кружилась от мечты, еще со-всѣм дѣтской, такой же дѣтской, какою была моя мечта в девять лѣтъ, когда я собирался бѣжать на таинственный «фронт» и видѣл себя уже великим полководцем; но эта дѣтская мечта давала громадныя силы для взрослой работы.

17 апрѣля (1923 г.) состоялся первый спектакль, на котором, в глухом кордебалетѣ, я выступил в «Mariage d'Aurore». Я так боялся выходить на сцену, что совершенно оцѣпенѣл и не в состояніи был шагу ступить... Товарищи силой вытолкнули меня на сцену, — но как только я вышел, я весь точно преобразился, переродился: во мнѣ вдруг родилось чувство *ответственности*, такое чувство ответственности, какого я еще никогда в жизни не испытывал, и я получил сверх-естественную силу держаться до конца, знал, что выдержу весь спектакль, десять спектаклей, если это будет нужно. И другое чувство возникло во мнѣ: точно меня подмѣнили, точно я стал другим, не собою, не тѣм Сергѣем Лифарем, который по-дѣтски мечтал и по-дѣтски тосковал в чужом, нарядном, прекрасном, но чужом Монте-Карло.

Началась страдная монте-карловская пора: днем репетиціи, вечером спектакли. На спектаклях и репетиціях часто присутствовали принц и принцесса монакскіе и посылали труппѣ шампанское — по полбутылкѣ на человѣка. Это шампанское меня сильно поднимало (я и весь слѣдующій год пил шампанское и им и ромом поддерживал свое сердце и бодрость). И все же с каждым днем я терял силы, и голова у меня чаще и чаще кружилась от постоянного недосыпанія и от чрезмѣрной, напряженной работы. Весною в Монте-Карло я ложился поздно, а вставал до разсвѣта и уходил один в горы, в Тигѣіе, встрѣчать восход солнца. Дух захватывало от невѣроятной, непередаваемой красоты и громаднаго, необ'ятнаго, широкаго простора. В этом ослѣпительно красочном, сказочном и праздничном Монте - Карло с тропическими растеніями, с пальмами и хищными, лапчатыми кактусами с кроваво-красными

цвѣтами-шишками, с сіяющим легким серебром, золотом и лазурью утренним Средиземным морем, с широкими, залитыми солнцем террасами и сверкающими в синем небѣ бѣлыми домами, все было непохоже на мой родной Киев, а между тѣм я чувствовал какой-то знакомый родной трепет, когда ранним утром смотрѣл с Turbie на загорающіяся прозрачно - розовым свѣтом горы, на подернутые сине - лиловатой дымкой выступающіе в золотисто - свѣтлом морѣ мысы Martin, Ментоны, еще болѣе далекіе, едва видные, почти угадываемые итальянскіе мысы, на сливающіяся в безконечной дали солнечно ликующія море и небо — один громадный, глубокий, глубинный океан...

Зачарованным оставался я в Turbie, — потом торопился вниз, почти бѣгом, чтобы не опоздать на урок — и всегда приходил, когда еще никого не было в театрѣ. А на репетиціи послѣ урока — опять зигзагные круги перед глазами, опять головокруженія и такая слабость, что все из рук валится, и, кажется, сейчас сам свалишься...

На одной репетиціи «Шехеразады», когда я едва держался на ногах и у меня ничего не выходило, Дягилев разсердился и накричал на меня:

— В чем дѣло? Что вы не понимаете, чего от вас требую, или неспособны танцовать?

Послѣ репетиціи Сергѣй Павлович подозвал меня к себѣ. Я подошел ни жив, ни мертв — так я боялся Дягилева.

— Что с вами, молодой человѣкъ, у вас отвратительный вид? Что вы дѣлаете, чѣм занимаетесь?

Я не мог отвѣчать от смущенія — в присутствіи Дягилева я вообще терял дар слова, а тут еще он обращается с вопросом прямо, непосредственно ко мнѣ. Как баран, я растерянно и глупо смотрѣл по сторонам и глупо молчал.

— Сколько вам лѣтъ? — продолжал свои вопросы Дягилев.

— 18 — по-ученически, как будто не приготовив урока, отвѣтил, наконец, я.

— Счастливыя восемнадцать лѣтъ! И вы в ваши 18 лѣтъ должно быть считаете себя взрослым и, судя по вашему виду, все время шатаетесь Бог знает гдѣ и с кѣм... Что ж, так и прошатаетесь с бабами и промотаете свой талант и никогда не будете танцором. Стыдно, стыдно, молодой человѣкъ, а я возлагал на вас надежды и думал, что вы будете первым танцором.

— Я... Сергій Павлович... я не шатаюсь...

— Так что же вы тогда дѣлаете? Почему у вас такой ужасный вид? Вы больны?

— Нѣтъ, я не болен.

— Так что же с вами? Расскажите, как вы живете, что дѣлаете?

Рассказывать Сергію Павловичу свою жизнь, рассказывать свои думы? — Да у меня язык совсѣм не поворачивается, — и я продолжаю глупо, растерянно молчать.

— Ну рассказывайте же, молодой человек, вѣдь вы, надѣюсь, не нѣмой. Когда вы встаете?

— В пять часов...

— Что? В пять часов? Что же вы дѣлаете в пять часов утра, когда всѣ еще люди спят?

— Я ничего не дѣлаю... Я ухожу гулять в горы.

Сергій Павлович расхохотался — громко, весело, довольно расхохотался.

— Да вы совсѣм сумасшедшій! Развѣ танцор может так жить? Танцор должен работать и отдыхать, а совсѣм не изнурять себя такими ночными и утренними прогулками. Я вам запрещаю их, слышите, запрещаю, и вы должны обѣщать слушаться меня и впредь не дѣлать подобных глупостей.

Я общался Дягилеву и больше не ходил в Turbie, да и скоро мы уѣхали в Париж через Лион и Montreux.

По приѣздѣ в Париж я снял маленькую комнатку в отелѣ на rue des Ours, около boulevard Sebastopol. В том году в Парижѣ было такое скопленіе народу, что нигдѣ нельзя было найти комнаты, и первую ночь мы — балетная труппа — проспали в театрѣ в репетиціонном залѣ. Мнѣ приходилось жить очень скромно, так скромно, что я не мог позволять себѣ курить больше, чѣм по половинѣ папиросы послѣ каждой ѣды: я получал жалованья всего 800 франков в мѣсяц, при чем из этого жалованья удерживался взятый мной аванс на покупку необходимых вещей и на питье формы (мы, «мальчики» труппы, имѣли особую форму: черные штаны с пятью пуговицами по бокам у колѣн, вродѣ брижжевых, бѣлые рубашки с засученными рукавами, бѣлые чулки и черныя туфли — туфли, хоть и не совсѣм регулярно, выдавались администраціей раз в двѣ недѣли).

Скромный и тихій на вид отельчик оказался, однако, очень

неприятным и грязным. По коридору постоянно шмыгали дешевыя раскрашенныя женщины с «гостями», которых онѣ приводили с собой в отель. Я никогда в жизни не имѣл никакого представленія о существованіи таких «отелей», да и позже ни в одном городѣ, кромѣ Парижа, ни в одной странѣ не видѣл их. Днем я совершенно не бывал дома и не знал, что дѣлается в отелѣ, но когда приходил поздно вечером, то всегда испытывал чувство гадливости и отвращенія и с этим чувством ложился спать, не снимая бѣлья — я не довѣрял «чистотѣ» сомнительных простыней, мнѣ все казалось, что на них спали грязные «гости», и это было невыносимо противно. Еще противнѣе были доносившіеся из сосѣдних комнат, отдѣленных тонкими стѣнами - перегородками, мужскіе и женскіе шопоты, шум воды и изрѣдка плоскій смѣх. Я заворачивался с головой в мою собственную простыню, чтобы ничего не слышать — и все таки слышал и долго не мог заснуть; наконец, засыпал тяжелым сном и просыпался утром с нездоровой, тяжелой головой и в неприятном подавленном настроеніи — жизнь казалась невозможной, сѣрой, тяжелой, неинтересной. В этом отельчикѣ я недолго прожил: как то раз, вернувшись к себѣ, я застал в своей постели на-ру (очевидно и раньше, в мое отсутствіе, мою комнату сдавали по часам), поднял шум и вызвал полицію: полиція своеобразно заступилась за меня и оградила мои интересы, дав мнѣ такой полудружескій, полуповелительный совѣтъ:

— Убирайтесь лучше совѣм отсюда и поищите другой отель, гдѣ с вами не будет таких исторій.

Завернув всѣ свои вещи в простыню, я тотчас же, среди ночи, выбрался из своего отеля и пошел искать себѣ другой. Иду иѣшком, захожу в отели, и все неудачно: в одних меня не пускают (очевидно, мой «багаж» не внушал довѣрія ко мнѣ), в других все занято, третьи кажутся мнѣ такими же подозрительными, как и мой отель на *rue des Ours*; в четвертых не понимают моего французскаго языка. Дошел, измучившись, с вещами до Бастиліи и дальше не мог уже идти. Здѣсь, около Бастиліи, в знаменитой нѣкогда улицѣ апашей, *rue de Larre*, темной улицѣ без фонарей, освѣщаемой огнями однѣх танцулук, поселился и... попал из огня в полямя. Тогда, в 1923 году, эта труппобная улица была главным штабом апашей, и рѣдкій день обходился без скандалов и без вмѣшательства полиціи — вѣчные крики и вѣчные свистки не давали спать. Ссоры на *rue de Larre* часто кончались драками и

настоящими драмами: помню, как раз при мнѣ выбросили женщину из второго этажа, как другой раз апаш апашу всадил нож в живот.

Жизнь в отельчиках - вертепах, сперва на rue des Ours, потом на rue de Lappe, заслонила от меня другой, настоящий, блестящий Париж, и мировая столица в июнь 1923 года для меня как-то вовсе не существовала. А в это время шли репетиции и спектакли в Gaité Lyrique, и на весь Париж гремѣла «Свадебка» Стравинскаго.

Памятна мнѣ одна репетиція «Петрушки»: в началѣ балета я с'импровизировал роль мальчика с гармоникой и, очевидно, удачно провел ее, потому что послѣ репетиции ко мнѣ подошел А. Н. Бенуа и сказал:

— Привѣтствую вас и поздравляю вас с вашей ролью.

Это были первые слова, сказанныя мнѣ большим художником, большим человекѣм и при том из окруженія Дягилева, из той художественной головки Балета, которая мнѣ казалась такой недоступной.

В концѣ весенняго сезона Дягилев давал спектакль в Версалѣ, в зеркальном залѣ, в присутствіи Пуанкаре, министров и всей французской знати — большое парижское событіе. Вспоминается мнѣ мое озорство: я забрался на кровать Маріи Антуанетты и хорошо отдохнул.... Вспоминается мнѣ и взволновавший меня «разговор» с Дягилевым. В Версалѣ нам приходилось очень много работать, но еще больше работал Сергѣй Павлович, обыкновенно присутствовавший на всѣх репетиціях и остававшийся и послѣ репетицій — в невѣроятную, нестерпимую жару (июнь 1923 года был исключительно жарким). Так было и на послѣдней репетиціи: Дягилев отпустил всю труппу на завтрак, а сам остался с машинистами в зеркальном залѣ. Я перешел площадь в маленькій ресторанчик завтракать и во время ѣды подумал: вот мы завтракаем, а бѣдный Сергѣй Павлович изнывает от жары и от жажды и, голодный, пзнурует себя работой. Подумал... и на свои жалкіе гроши купил для него два сандвича и бутылку пива. Возвращаюсь в Версальскій дворец, в зеркальный зал, ставлю перед Дягилевым пиво и сандвичи — и тут только теряюсь от собственной смѣлости и краснѣю от смущенія. Сергѣй Павлович пытливо смотрит на меня, глаза его точно перепрыгивают через монокль — я блѣднѣю от его взглядов.

— Как это мило, молодой человек, что вы обо мнѣ подумали и позаботились, я очень тронут — и Дягилев что то начинает говорить.

Я смущаюсь и краснѣю—зардѣлся пунцово, совѣм как красная дѣвица, — больше всего боюсь, чтобы мнѣ не пришлось с ним разговаривать, — поворачиваюсь и, стараясь не слушать, что он говорит (слышу только: «Куда же вы бѣжите?»), убѣгаю через весь зеркальный зал...

По окончаніи спектаклей, не попрощавшись с Дягилевым, я уѣхал из Версаля, поселился на два с половиной мѣсяца в маленькой деревнѣ около Шартра и тихо провел — почти в русской деревнѣ — свои лѣтнія каникулы.

(Продолженіе слѣдует)

Сергѣй Лифарь.

Роже Мартэн дю Гар

Когда Мартэн дю Гар получил Нобелевскую премию, газеты, — даже французскія, не говоря об иностранных, — оказались в затруднительном положеніи. Офіціальныя агентства сообщили о лауреатѣ лишь весьма краткія свѣдѣнія: год рожденія, заглавія главных книг. Эти 15-20 строк и появились в большинствѣ газет. Присужденіе Нобелевской премии французскому писателю вызывает во Франціи сравнительно мало шума, — вѣроятно, потому, что французской литературѣ награда эта доставалась гораздо чаще, чѣм англійской, русской и итальянской вмѣстѣ взятым. Тѣм не менѣе, всѣм извѣстно, что Нобелевская премія — высшее мировое отличіе, могущее выпасть на долю писателя, и в той же Франціи присужденіе ея Бергсону, Анатолю Франсу или Мистрало было встрѣчено совершенно иначе.

Не было на этот раз и обычных замѣток в анекдотической хроникѣ газет. Никаких анекдотов о Мартэн дю Гарѣ, очевидно, не ходит. Книгу «*Martin du Gard en pantoufles*» и представить себѣ невозможно. Кажется, и в лицо в Парижѣ его знают лишь немногіе друзья. Мнѣ приходилось встрѣчать почти всѣх извѣстных французских писателей, а его я никогда не видал, хоть он и состоит или, по крайней мѣрѣ, числится членом Международнаго писательскаго союза. Один из писавших о нем людей отмѣтил его «*haine de l'exhibitionnisme*»; другой сказал, что на фонѣ «джунглей», в которыя превратилась современная литература, Мартэн дю Гар выдѣляется тѣм, что стоит совершенно в сторонѣ от кружков, от рекламы, от лютой борьбы за существованіе. Этот коренной парижанин и живет обычно в провинціи.

Литература о нем весьма невелика, да и та появилась лишь в началѣ текущаго года: брошюра Рене Лалу, страниц в тридцать, еще нѣсколько статей. Самое присужденіе ему премии оказалось довольно неожиданным: имена Валери, Дюгамеля, Рони, даже Эстонье назывались в газетных предсказаніях много чаще. Встрѣчено было рѣшеніе Шведской академіи, в общем, сочувственно, но

появились, но столь, казалось бы, неподобающему для рѣзкостей поводу, и двѣ весьма рѣзкія статьи: одна — Анри Массиса *), другая — Леона Додэ **).

Мартэн дю-Гар родился в Парижѣ, в 1881 году, в старой католической, дворянской, хоть незнатной, семьѣ. Как сообщает Лалу, его предку в 17-ом вѣкѣ было пожаловано имѣніе Гар, вслѣдствіе чего буржуазная, повидимому, семья получила дворянскую частицу. Дѣды его и прадѣды, издавна живущіе в Парижѣ, были в большинствѣ судьи или адвокаты. Учился он в лицеях Кондорсе и Жансон де Сайи, затѣм в Ecole des Chartes, и по выходѣ из нея занимался археологіей. Первым его печатным произведеніем был археологическій труд об аббатствѣ Жюмиеж; это толстый том, страниц в триста.

Отец Мартэн дю Гара долго не соглашался на то, чтобы сын избрал литературную профессію. Двадцати лѣтъ отроду он все же выпустил первый роман «Devenir», который никакого успѣха не имѣл и который сам автор позднѣе назвал «плохой юношеской книгой». Затѣм, по словам писавших о нем людей, он «сжег» в рукописи два романа. Это до нѣкоторой степени литературно-біографическое клише. Сожженіе части «Мертвых душ» нанесло тяжелый удар русской литературѣ, но украсило біографію Гоголя. Вслѣдствіи о патетическом, но ненужном актѣ сожженія разными авторами их трудов мы стали читать очень часто, чуть не в каждой біографіи. Может быть, Мартэн дю Гар и не сжег рукописи, а спрятал ее в ящик, использовав для других работ удачныя страницы, которыя могут оказаться в самой неудачной книгѣ. В 1913 году появился его роман «Жан Баруа», имѣвшій нѣкоторый, хотя отнюдь не шумный, успѣх (книги молодого писателя печатал его школьный товарищ, извѣстный издатель, Галлимар). Затѣм он написал пьесу «Завѣщаніе отца Леле» для театра Vieux-Colombier. И, наконец, приступил к своей многотомной «Семьѣ Тибо»; она принесла ему славу и Нобелевскую премію.

Война прервала на четыре года его литературную дѣятельность. Первый том серіи появился лишь в 1922 году. Мартэн дю

*) Henri Massis. Lectures. — Revue Universelle, 1 Février 1938.

***) Léon Daudet. Le cas de M. Roger Martin du Gard. — Action Française, 4 Février 1938.

Гар обосновался в провинции: он живет, кажется, то в Беллэмъ, то в Приморских Альпах, изрѣдка прїѣзжая в Париж. Лѣтъ восемь тому назад он тяжко пострадал при несчастном случаѣ с автомобилем, пролежал нѣсколько мѣсяцев в провинціальной больницѣ и сжег один из томов серіи: «Appareillage». Послѣдніе три тома «Семьи Тибо», названные «Лѣто 1914 года», вышли лишь в прошлом году. Нѣсколько лѣтъ тому назад появилась прекрасная книга его «Старая Франція», с подзаголовком «Сельскіе очерки».

Биографія краткая, без фабулы, непригодная для *vie romanesque*. Жизнь простая, трудолюбивая, исполненная достоинства. Шведская Академія присудила премію талантливому писателю, оберегающему достоинство литературы.

Надо, разумѣется, сказать нѣсколько слов и об его политических взглядах. Политика, «рок нашего времени», захватила литературу, как захватила всю жизнь.

Политическая критика занялась Мартэн дю Гаром лишь в самое послѣднее время. Называю ее критикой, дабы не называть бранью. Британскій премьер недавно сказал: «Кто стоит на виду, должен себя приучить к тому, чтобы не обращать вниманія на оскорбленія». Благодаря Нобелевской преміи, автор «Семьи Тибо» оказался на виду. Анри Массис назвал его «человѣком, лишенным чувства чести и сознанія національнаго интереса», и выражал удивленіе по тому поводу, что присужденіе Мартэн дю Гару отличія Шведской академіи не вызвало протестов во французской печати: «Отмѣчали его достоинство, безкорыстіе», — пишет Массис, — «ставили в примѣръ то, что он ничего себѣ не выпрашивает (неужели это так рѣдко?), что его фотографіи не появляются в газетах, что он создал себѣ жизнь независимую, уединенную и безшумную. Все это, быть может, хорошо, но это нас не интересует; между тѣм, из-за этого были забыты тенденціи и идеи, проявившіяся в «Лѣтѣ 1914 года». — Еще гораздо рѣзче выражается Леон Додэ: «*écrivain assommant, dormitif et pluvieux...*», «*ses lavasses en plusieurs volumes...*», *son navet couronné Et é 1 9 1 4 est une mauvaise action*», и т. д.

Тенденціи, проявившіяся в «Лѣтѣ 1914 года», заключаются в том, что, описывая предшествовавшіе войнѣ дни, автор не отмѣчает огромной разницы между Франціей и Германіей: нѣмцы, мол, виноваты, и французы тоже не менѣе виноваты. Случай в ис-

торіи литературы рѣдкій: в критической статьѣ о романистѣ, удостоившемся Нобелевской преміи, в опроверженіе его взглядов, дѣлались ссылки на сборники официальных документов, на слова Вильгельма II, Пуанкаре, графа Тиссы, цитировались Чирскій, Ягов, Лихновскій, Каутскій!

Не скрою, если возложить на Мартэн дю Гара отвѣтственность за все то, что в его романах говорит революціонер-интернаціоналист Жак Тибо, то критику правой печати можно было бы признать во многом справедливой: в самом дѣлѣ, не Франція напала в 1914 году на Германію, а Германія на Францію. Но романист, изображающій революціонера-интернаціоналиста, естественно должен вкладывать в уста своего героя рѣчи, подобающія революціонеру-интернаціоналисту. В книгах Мартэн дю Гара дѣйствуют и другія лица; они говорят у него совершенно другое.

Это вопрос старый и сложный. В былыя времена наша художественная критика в значительной мѣрѣ сводилась к спору с автором о мыслях, высказываемых тѣм или иным героем его романа. Сколько печатных листов было написано хотя бы о словах профессора Николая Степановича в «Скучной исторіи» Чехова: «Каждое чувство и каждая мысль живут во мнѣ особняком, и во всѣх моих сужденіях о наукѣ, театрѣ, литературѣ, учениках... даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человѣка. А коли нѣт этого, то значит, нѣт и ничего». Не говорю о нѣкоторых мыслях героев Достоевскаго, — о них написаны цѣлыя книги. Степень сочувствія самого писателя идеям вымышленных им людей может быть только угадываема. В большинствѣ случаев ее угадать можно. Но спорить об этом довольно трудно. Нѣкоторое стремленіе стать в конфликтѣ 1914 года уж очень *au dessus de la mêlée* у Мартэн дю Гара как будто есть, и оно дѣйствует неприятно не только на французских націоналистов. Замѣчу, однако, что, в отличіе от Ром. Роллана, он в Швейцарію во время войны не уѣзжал. Напротив, всѣ четыре года служил на фронтѣ, — правда, во вспомогательных частях, на должности шоффера военного грузовика. В защитѣ своей страны он участвовал и войну видѣл вблизи. Придавать обидный оттѣнок слову «пацифист» не обязательно.

От себя, без посредства вымышленных лиц, Мартэн дю Гар высказывался мало; мнѣ его политическіе взгляды извѣстны лишь в общих, основных чертах. Ни к какой партіи он не принадлежит

и практической политикой не занимается. Приходилось слышать, что он, с оговорками, сочувствует «неосоциализму демократического вида». Об этом говорят, как будто, его личные и литературные связи. Некоторое сомнѣніе тут все же допустимо. Демократія предполагает вѣру в народ; с поправкой на разстояніе, отдѣляющее практическую политику от чувств, лежащих в ея истоках, демократія предполагает даже любовь к народу, хотя бы теоретическую и довольно умѣренную (как у многих больших демократических дѣятелей). В романах Мартэн дю Гара и слѣдов такой любви нѣтъ. Этот демократ, повидимому, народа терпѣть не может.

Из народной жизни им написаны двѣ комедіи. Онѣ не очень сценичны и успѣха имѣть не могут. «Завѣщаніе отца Леле», вдобавок, сначала было написано на діалектѣ провинціи Берри, мало понятном парижанам. Затѣм сам автор перевел его на народный французскій язык, со значительной примѣсью діалекта *). Тенденція пьесы ни в какой мѣрѣ не «народническая». В очень мрачном видѣ описан народ и в печатавшейся в «Маріанн» «Старой Франціи». Мрачность названных произведеній Мартэн дю Гара, впрочем, особая. Никаких звѣрств он не описывает, грязи не размазывает, Зола ничѣм не напоминает. И вмѣстѣ с тѣм, люди из народа в его изображеніи оставляют у читателя впечатлѣніе полной безнадежности.

В «Старой Франціи» священник Верн, прожившій с народом всю жизнь, думает: «Наша старая страна больна склерозом. Каждый заботится только о себѣ, о своей торговлѣ, о своих сбереженіях... На вѣку многих поколѣній, ежедневная забота об экономіи убила в людях всѣ благородные инстинкты. Создалась порода недовѣрчивая, завистливая, расчетливая, раз'ѣденная жадностью, как язвой. Неужели так было всегда?.. В теченіе долгих вѣков эти маленькіе люди преклоняли колѣни в нашей церкви, от которой теперь бѣгут. Что, однако, влекло их к нам? Любовь? Вѣра? Духовная потребность, теперь у них атрофированная? Может быть, просто страх: они боялись Бога, боялись и духовенства, по привычкѣ почитали твердо установленный порядок?..» — В той

*) Не всякому французу, думаю, извѣстно, что, напримѣр, *blatte* значит *betterave*, что *afaubretti* значит *abruti*, и что *eau* произносится в Берри *iau*, а *mort* — *mourt*. К отдѣльному изданію своей пьесы Мартэн дю Гар приложил словарь.

же книгѣ другой старикъ говоритъ: «Деньги... Деньги... Прежде всего деньги... Всѣ хотятъ денегъ: булочникъ, контролеръ, почтальонъ. Всегда деньги. А хуже всего то, что ихъ ни у кого нѣтъ».

Что, если сдѣлать Мартэн дю Гара отвѣтственнымъ и за эти мысли? Ход ихъ, быть можетъ, таковъ: «Народъ гадокъ, и «буржуазія» тоже гадка, — ужъ если выбирать, такъ идти съ народомъ». — Называть это «неосоціализмомъ» незначѣмъ. Впрочемъ, это слово ровно ничего не значитъ.

Художникъ?

Какъ почти у всякаго писателя, у Мартэн дю Гара нѣкоторыя произведенія не идутъ въ счетъ; отношу сюда и оба юношескихъ романа. Одной его книги я, къ сожалѣнію, достать не могъ. Не буду касаться другой, въ которой, довольно неожиданнымъ образомъ, отдана и имъ почти обязательная вынѣ дань Фрейду, — вѣроятно, именно она подала Жаку Копо поводъ говорить о «тягѣ къ безнравственности и анархіи» Мартэн дю Гара. По настоящему идутъ въ счетъ «Старая Франція», въ чисто-художественномъ отношеніи одно изъ лучшихъ его произведеній, и серія «Семья Тибо», теперь почти законченная (ождается еще небольшой ея эпилогъ). Не излагаю, разумѣется, содержанія этой серіи. Въ ней разсказана исторія двухъ французскихъ семействъ, — католическаго и протестантскаго; какъ ни странно, во французской литературѣ это различіе обычно не только отмѣчается, но и подчеркивается, — какой-то забавный пережитокъ въ искусствѣ не то Нантскаго эдикта, не то его отмѣны.

— Надъ всей художественной литературой нашего времени, — говоритъ англійскій критикъ, — возвышаются три гигантскихъ творенія: «Война и миръ», «Въ поискахъ утраченнаго времени» и «Улиссъ». Никакое другое произведеніе съ ними сравниваемо быть не можетъ, и нѣтъ теперь сколько-нибудь выдающагося прозаика въ мірѣ, который не испыталъ бы вліянія одного изъ нихъ.

Это, разумѣется, преувеличеніе. Что до Мартэн дю Гара, то о вліяніи на него Пруста говорить никакъ не приходится. Съ «Улиссомъ» же онъ, вѣрно, и знакомъ не былъ въ ту пору, когда начиналъ «Семью Тибо»: міровая слава Джойса создалась лишь въ послѣднее десятилѣтіе, а во Францію пришла съ опозданіемъ. Другое дѣло — Толстой. Въ своей стокгольмской рѣчи Мартэн дю Гар назвалъ себя его ученикомъ и послѣдователемъ. Къ сожалѣнію, полный текстъ рѣчи пока нигдѣ не появился (что тоже не свидѣтельствуетъ о

большом вниманіи к писателю), и я могу о нем судить только по немногочисленным и довольно коротким отчетам во французских газетах. Повидимому, новый нобелевскій лауреат имѣл в виду Толстого-художника. В самом дѣлѣ, Толстой-философ и моралист почти ничего не мог бы одобрить из того, что говорят дѣйствующія лица Мартэн дю Гара, и «любимыя», и тѣм болѣе любимыя.

В художественном отношеніи, разумѣется, автор «Семьи Тибо» кое-чѣм обязан Толстому. Можно было бы указать страницы и главы, в которых это влияніе никаких сомнѣній вызывать не может (назову для примѣра честолюбивыя мечты Антуана Тибо во втором томѣ серіи). Тѣм не менѣе, учеником и послѣдователем Толстого я Мартэн дю Гара не назвал бы. Уж если устанавливать литературную генеалогію этого писателя, то прежде всего пришлось бы вспомнить Бальзака, и отчасти Ром. Роллана.

Добавлю, что и сам Мартэн дю Гар оказал несомнѣнное влияніе на нѣкоторых новѣйших французских писателей. Едва-ли не от первых томов «Семьи Тибо» пошли довольно многочисленныя изображенія подростков в современной французской литературѣ. Да и самый тип *roman-fleuve* возродился во Франціи в значительной мѣрѣ благодаря ему. В первые годы послѣ войны парижскіе издатели считали многотомный роман дѣлом совершенно невозможным — «читатель этого не желает: ему скучно». Сам Мартэн дю Гар в предисловіи к своей серіи писал просто и откровенно: «Я выпустил бы этот труд без всякаго введенія, если б мог издать его сразу цѣликом. Но напечатать одновременно роман в восьми или десяти томах, — это экстравагантный поступок, котораго в наши дни себѣ не позволит разумный издатель, как бы ни возвышалась над коммерческими соображеніями его фирма. Поэтому мнѣ придется издавать свое произведеніе по частям, с промежутком в нѣсколько мѣсяцев между томами. Прошу читателя не искать *essei* в каждом из слѣдующих один за другим отрывков и временно принять то, что, за недостатком общей перспективы, может ему показаться беспорядочным или неясным».

В беспорядочности или неясности «Семью Тибо» упрекнуть было бы трудно. Дѣлаю оговорку: недостатки-ли «беспорядочность и неясность»? Роман — самый свободный из всѣх видов искусства; в этом главное его очарованіе. Кто установил его правила? Какой большой романист правил не нарушал? Историков, соціо-

логов порою отпугивает бессистемность искусства. Ключевскій говорил (едва-ли, впрочем, вполне искренно), что пробовал читать «Анну Каренину» и не дочитал: «путанно, скучно»... Естественный испытатель, быть может, этого и не сказал бы: ему достаточно известно, как беспорядочна природа, как беспорядочна жизнь. Почему литература призвана вносить порядок в хаос?

С этим не надо, разумѣется, смѣшивать тѣ виды беспорядка, которые происходят от систематическаго невниманія, от вѣчной спѣшки, от неуваженія автора к своему труду. Мартэн дю Гар этим не грѣшит. В его книгах были найдены фактическія ошибки: так, из Нормальной школы нельзя выйти первым; в церкви Мадлен, по случаю мобилизаціи, никак не мог «гремѣть колокол» (Лалу, Билли). Но этих ошибок немного, и сходныя ошибки встрѣчаются даже у великих мастеров, у самого Толстого, — в его ранних произведениях. В «Казаках» (правда, со ссылкой на преданіе, но без оговорки) сообщается, что Иван Грозный склонял казаков-старовѣров жить с ним в дружбѣ, обѣщая не принуждать их к перемѣнѣ вѣры; хотя исправленіе церковных книг было начато еще Максимом Греком, все же эти «казаки-старовѣры» лѣтъ за сто до патріарха Никона вызывают нѣкоторое недоумѣніе.

У Мартэн дю Гара серьезное изученіе предмета, большая подготовительная работа чувствуются постоянно. К сожалѣнію, они даже чувствуются слишком сильно. Подлинныя документы вставлять в романы можно, а иногда и необходимо, но злоупотреблять этим приѣмом нельзя. Между тѣм в романѣ «Жан Баруа», содержаніе котораго переплетается с дѣлом Дрейфуса, почти двадцать страниц (стр. 256-273) представляют собой выдержку из стенографическаго отчета о процессѣ Зола! В первых томах «Семьи Тибо» (на мой взгляд, наиболее удачных), Мартэн дю Гар отказался от этого сомнительнаго приѣма, — их дѣйствіе непосредственно и не связано с историческими событіями. В «Лѣтѣ 1914 года» тот же приѣм возрождается как в прежней, так и в нѣсколько иной формѣ: в длинных, чрезмѣрно длинных, политических разговорах дѣйствующих лиц романа; эти разговоры иногда просто пересказывают брошюры и газетныя статьи того времени.

Знаю, что тут большая трудность, сложный, почти неразрѣшимый вопрос, стоящій едва-ли не перед каждым романистом. Какъ должен быть діалог в романѣ? Дѣйствующія лица могут го-

ворить так, как говорят люди в жизни: с повтореніями, с ошибками, с обмолвками, иногда безтолково, необдуманно, почти никогда не «блистательно». Таков часто (хоть не всегда) діалог в романах Толстого. Спор Левина с Кознышевым о народном образованіи очень похож на жизнь и характерен для обоих братьев, — в этом его художественное оправданіе. Но сам по себѣ он не интересен; доводы, которые Кознышев приводит в доказательство пользы школ и повивальных бабок, нас не интересуют; не очень интересовали они, вѣроятно, и людей семидесятых годов. Кончается же разговор тѣм, что «Сергѣй Иванович перенес вопрос в область философскіи - историческую, недоступную для Константина Левина, и показал ему всю несправедливость его взгляда». Однако, именно этой части спора Толстой не дает: монолог Кознышева был бы непохож на жизнь; он был бы похож на книги, не замѣняя книг; никаких новых черт он в Козышевѣ не обнаружил бы, а уже извѣстных не подчеркнул бы. Возможен другой пріем: діалог, исполненный мысли, остроумный, блестящій, какой мы находим у нѣкоторых выдающихся западно-европейских писателей, от Анатоля Франса до Гексли. Но в жизни так обычно не говорят и талантливые люди; такой разговор идет в ущерб художественной правдѣ романа *). Притом, самый блестящій діалог может в романѣ занимать лишь сравнительно небольшое мѣсто. Между тѣм касается он предметов, о которых написаны философскія, политическія, историческія книги. С этим почти неизбѣжно связано нѣкоторое впечатлѣніе «поверхностности».

Думаю, что общаго рѣшенія, обязательных правил в этом вопросѣ нѣтъ и быть не может. Все должно быть предоставлено художественному чутью романиста. Чутье это несомнѣнно измѣнило Мартэн дю Гару в послѣдних томах «Семьи Тибо». Его революціонеры (и не-революціонеры) говорят о событіях лѣта 1914 года слишком много; в сущности половина, если не три четверти, книги сводится к их разговорам. Это могло бы быть оправдано и с художественной точки зрѣнія, если б разговоры были по содержанию особенно новы и глубоки или по формѣ очень блистательны, если б в них, на фонѣ больших исторических событій, создавались или проявлялись живые люди. К сожалѣнію, этого

*) Еще больше эта трудность в произведеніях литературы драматической. В комедіи попыткой выхода из него был діалог пьес Ноэля Коурда.

нѣт. Между тѣм, для серьезнаго сужденія о событіях и спорах 1914 года люди все же будут обращаться не к произведенію Мартэн дю Гара, а опять-таки к документам, к брошюрам, к воспоминаніям, к Пуанкарэ, Тиссѣ, Чирскому, Лихновскому.

Со всѣм тѣм, и в послѣдних томах серіи (представляющих собой, думаю, нѣкоторое художественное паденіе, — точно не тот человек писал) есть страницы прекрасныя. В первых томах «Семьи Тибо» и в «Старой Франціи» таких страниц очень много. Мартэн дю Гар писатель весьма замѣчательный и, при легкой наклонности к *фотографіи*, талантливый, с честью поддерживающій бальзаковскую традицію во французской литературѣ. Отвѣчает-ли его творчество старой формулѣ: «Дѣйствіе, характеры, стиль»? Формула эта совершенно вѣрна, но в полной мѣрѣ (да и то в полной-ли?) ей удовлетворяют развѣ лишь нѣсколько человек в міровой литературѣ романа. В книгах Мартэн дю Гара нѣт недостатка в фабулѣ; тѣм не менѣе, в нѣкоторых томах «Семьи Тибо» ясно чувствуется паденіе и внѣшняго, и внутренняго напряженія, — дѣло идет, конечно, не об «интригѣ» в вульгарном смыслѣ слова. Его характеры (самое важное) как будто живы, но отнюдь не обладают той степенью жизненной правды, какая свойственна дѣйствующим лицам Толстого, Пруста, даже Диккенса или Тургенева; чуть-чуть условны и схематичны и отец, и оба сына Тибо. О стилѣ Мартэн дю Гара предоставим окончательное сужденіе французам. Это дѣловой язык говорящаго дѣло человека, не гоняющагося ни за отточенностью, ни за музыкальностью фразы, ни за словесными эффектами, — стиль, быть может, все же чуть блѣдноватый. Едва-ли какой-либо знаток станет утверждать, что «по одной фразѣ» узнает Мартэн дю Гара, — впрочем, опять-таки «по одной фразѣ» можно признать в каждой литературѣ развѣ двух-трех писателей.

Большое его достоинство в том, что он никогда о пустяках не пишет. Если в послѣднее время стали возможны протесты против безсюжетной живописи, еще недавно причислявшіе человека к «передвижникам», то безсюжетная беллетристика, кажется, осуждена всѣм новѣйшим развитіем литературной исторіи, по крайней мѣрѣ, в нынѣ господствующих странах: в Англии, во Франціи, в Соединенных Штатах (при жизни Толстого, он совершенно обезпечивал господство русской литературѣ). Темы Мартэн дю Гара почти всегда очень серьезны. Им отвѣчает и

его тон: серьезный, достойный, сосредоточенный, — тот тон, который во Франціи почему-то принято называть «протестантским». Именно в этом отношеніи он напоминает Ром. Роллана тѣх времен, когда автор «Жан-Кристофа» еще не примыкал к коммунистам (ах, эти «примыкающіе»!).

Общее впечатлѣніе читателя: крупный писатель, умный и талантливый писатель, но как будто лишенный «последняго благословенія». Может быть, придет и оно, — в условном смыслѣ этого слова. Вѣдь оно также «вырабатывается», обновляется, приходит не сразу, иногда приходит в то время, когда от человѣка уже больше ничего не ждут даже его поклонники. Верди было семьдесят четыре года, когда он написал «Отелло»; большой знаток, отнюдь не бывший поклонником «Травиаты», «Риголетто» и «Трубадура», писал, что за «Отелло» «можно отдать не только всего Верди, но и три четверти Вагнера». Мартэн дю Гару еще нѣтъ шестидесяти лѣтъ.

М. Алданов.

Измѣненія соціальной структуры СССР

Что происходит в Россіи? Не на внѣшней сценѣ, это мы знаем, а в глубинѣ ея жизни, в ея экономикѣ? Лучше сказать, в ея соціальной структурѣ, так как не подлежит сомнѣнію, что происходящія в странѣ политическія судороги и корчи есть лишь отраженіе каких-то очень больших измѣненій в соотношеніи общественных групп и классов. На это я хочу отвѣтить цифрами. А чтобы не терять времени на слова и предисловія, немедленно перейду к вопросам, важность которых не требует поясненій. Какого уровня достигла заработная плата рабочих СССР, например, в 1925 году, до пятилѣток? Какой она была в первый год пятилѣтки — в 1929 году? Какой она *стала* в 1937 году, в послѣднем году «исторической» пятилѣтки, «благополучное» окончаніе которой произошло при *гробовом* молчаніи правительства Сталина и его прессы, занявшейся, вмѣсто пятилѣтки, 125-лѣтіем рожденія Даргомыжскаго. Прибавив к трем первым вопросам четвертый — о заработной платѣ рабочих в довоенное время, в 1913 году, и сравнив послѣднюю с платой послѣдующих лѣтъ, получится возможность ретроспективно представить самые жгучіе вопросы, охватить мыслью бурное измѣненіе экономики Россіи за цѣлый період в 25 лѣтъ!

Средняя мѣсячная плата рабочих промышленности, по данным совѣтских справочников, исчислялась для 1913 г. в 25 рублей. Она была 48 рублей в 1925 г., 75 рублей в 1929 г., около 250 руб. в 1937 г. *). Названныя цифры в таком видѣ ничего еще не говорят. Рубль вѣдь измѣнился. Для возможности сравненія нужно обратиться за помощью к индексам, к измѣрителям вздорожанія жизни. Они должны нам показать, какая реальная субстанція скрывается за названными измѣненіями номинальной платы. Официальных индексов теперь нѣтъ. Они не публикуются уже 8-й

*) Беру среднюю мѣсячную плату рабочих и служащих вмѣстѣ. О средней платѣ рабочих пока точных данных нѣтъ. В 1937 г. она должна быть менѣе, чѣм 240 руб.

год. СССР — единственная страна в мірѣ, которая их не публикует. Сей термометр показывал высокую температуру у больной страны. Его изъели из обращенія. Огромныя услуги в нашей задачѣ могла бы оказать бюджетная статистика — учет потребленія. Академик Струмилин, бывшій начальник совѣтской статистики (а нынѣ гдѣ ты, человек?) писал в 1935 г., что бюджетная статистика «давно уже поставлена в Совѣтском Союзѣ на такую высоту, как *нигдѣ* в мірѣ. Ежегодно по всей странѣ статистика изучает потребленіе в десятках тысяч (!) рабочих и колхозных хозяйств». Такого широкаго изученія, дѣйствительно, нѣтъ нигдѣ в мірѣ. Но, увы, данныя и этой, «лучшей» в мірѣ статистики, прячутся и не обнародываются тоже уже семь лѣтъ. Раз официалаго индекса нѣтъ, его нужно вычислить самим. Для этого опредѣлим, какое количество матеріальных благ, на примѣр, в видѣ ржаного хлѣба, пшеничнаго, картофеля, пшена, мяса, масла, сахара можно было приобрести на средній заработок рабочаго в 1913 г., 1925 г., 1929 г., и 1937 г. Для 1913 г. воспользуемся цѣнами, в свое время принятыми Совѣтской Статистикой Труда при установленіи бюджетных индексов, хотя всеѣм извѣстно, что они по многим продуктам (хотя бы по мясу!) сильно преувеличены. Для хлѣба ржаного и пшеничнаго в 1925 г. возьмем цѣны кооперации, а для всего прочаго — рыночныя цѣны на 1 октября 1925 г., — зарегистрированныя той же Статистикой Труда. Об источникѣ свѣдѣній для 1929 г. скажу ниже, а что касается 1937 г., то из постановленій Совѣта Народных Комиссаров, регулирующих государственную торговлю в разных зонах, мною взяты цѣны *среднія* для всей страны на продукты самаго *низшаго* качества. Цѣну картофеля я принялъ в 30 к. килограмм, какой она была установлена для Москвы *только* в ноябрѣ 1937 г. В теченіе года повсюду она была на много выше. В области Минска, даже колхоз, носящій пріятное названіе «имени ГПУ», продавал ее в теченіе года за 80 коп. килограмм. Этим примѣром я хочу подчеркнуть, с какой осторожностью, склоняющейся в сторону явнаго преуменьшенія, я выбирал цѣны для 1937 года.

Произведя все необходимые подсчеты, вот в каком видѣ можно представить измѣненія реальной заработной платы, при чем за 100 принято то количество хлѣба, пшена, мяса и т. д., которое можно было купить в 1913 году на среднюю мѣсячную заработную плату в 25 рублей:

Заработная плата:

	1913 г.	1925 г.	1929 г.	1937 г.
В пшеничн. хлѣбѣ	100	112	126	100
» ржаном хлѣбѣ	100	137	171	75
» картофелѣ	100	138	99	73
» мясѣ	100	137	106	68
» маслѣ	100	102	86	54
» сахарѣ	100	87	—	74
» пшенѣ	100	100	99	46

Тот, кто этого не знал, может из цифр 1925 г. догадаться, что в это время в рабочей средѣ жили, как никогда до войны. На заработок можно было имѣть: бѣлаго хлѣба на 12% больше, чѣм в 1913 г., на 37% больше ржаного, на 38% больше картофеля, на 37% больше мяса. Из этого не нужно все-таки выводить, что заработная плата в цѣлом была в 1925 г. выше довоенной. Достаточно измѣрить ее не продуктами, а индустриальными товарами, и картина мѣняется. В ситцѣ она была на 36% ниже, чѣм в 1913 году, а в обуви на 35% ниже. Весь этот період мнимаго благополучія с питаніем, період, завуалированной и сильно смягченной Нэпом, но продолжающейся тенденціи эпохи военного коммунизма, характерен стремленіем коммунистическаго правительства искусственно обезпечить *меньшинству* населенія — рабочим — максимум самаго дешеваго питанія. Отсюда — извлечение из деревни, по обязательным «твердым» и низким цѣнам, продуктов питанія и продажа ей по высочайшим цѣнам городской продукціи. Это ситуациія, толкавшая и приведшая к насильственной коллективизациі крестьянскаго хозяйства.

В первый год пятилѣтки — в 1929 г. — «благополучіе» по ряду продуктов (картофель, мясо, масло, пшено) уже тает и исчезает, поддерживаясь снова, как во время военнаго коммунизма, вводимой карточной системой. Однако, выраженная в бѣлом хлѣбѣ, она на 25% выше довоенной, а исчисленная в ржаном, выше на 71%. Это понятно: хлѣб просто отнимается у крестьян и по безмѣрно низким цѣнам распределяется среди рабочих.

Переносясь от 1929 г. к 1937 г., нельзя отдѣлаться от изумленія. От всей системы поддержать и повысить заработную плату ничего не остается. Это картина полнаго краха и полнаго банкротства социальних обѣщаній пятилѣток. Как ни старались мы

взять для 1937 г. цѣны наиболее умѣренныя, и при таком тенденціозном выборѣ цѣн видно, что за годы пятилѣток заработная плата, выраженная в бѣлом хлѣбѣ, понизилась на 21%, в ржаном хлѣбѣ на 56%, в мясѣ на 36%, в картофелѣ на 27%, в маслѣ на 38%, в пшенѣ на 54%. Сталины, Молотовы, Кагановичи, Кржижановскіе клялись всѣми науками, что в 1933 г., в послѣднем году первой пятилѣтки, которую об'явили оконченной в четыре года, реальная заработная плата будет уже на 70% выше довоенной. В 1937г., исчисленная в ржаном хлѣбѣ, она была на 25% ниже довоенной, в картофелѣ на 28%, в мясѣ на 32%, в маслѣ на 46%, в пшенѣ на 54% ниже до-военной. Единственным продуктом, в котором заработная плата в 1937 г. равна платѣ 1913 г. — это пшеничный хлѣб (самого низшаго качества и потому, в сущности, несравнимый с бѣлым хлѣбом 1913 г.). Мы знаем, какія усилія приходится дѣлать правительству, чтобы защитить этой *послѣдній* форт разрушенной крѣпости.

Как ни показателъны отмѣченныя измѣненія, указаніе на них одних все же недостаточно. Нельзя измѣрять плату одним каким-либо продуктом. Люди не питаются только хлѣбом, только сахаром, только мясом. Чтобы наш индекс был настоящим измѣрителем, нужно брать входящіе в него продукты не порознь, а в нѣкой *совокупности*. Только тогда мы получим представленіе об измѣненіях, испытываемых заработной платой в цѣлом. Брать продукты нужно не в произвольном вѣсѣ, напр., килограмм хлѣба, килограмм мяса, килограмм сахара, так как в таком соотношеніи они *никогда* не входят в питаніе, а в тѣх пропорціях, в каких они дѣйствительно входят в питаніе рабочих семей. Хлѣба в них (по вѣсу) потребляется взрослым ѣдоком почти в 80 раз больше масла, картофеля в 6 раз больше молока, мяса в 4 раза больше сахара и т. д. В мѣру роста или паденія благосостоянія, пропорція между потребляемыми продуктами измѣняется; тѣм не менѣе, можно отыскать для извѣстнаго періода нѣкую *показательную* пропорцію. В качествѣ таковой я избрал ту, которую дало обследованіе бюджета 1403 совѣтских рабочих семей, — послѣднее из опубликованных. Оно для нас тѣм болѣе цѣнно, что относится к періоду с 1 октября 1929 г. по 1 апрѣля 1930 г., т. е. стоит как раз на грани перехода от перваго года пятилѣтки ко второму. Кроме того, что для нас также крайне важно, оно указывает не только количества потребленных продуктов, но стоимость каждая-

го из них, суммы, заплаченные за них на рынок вообще (а не только по карточкам). Цѣнами, отсюда извлеченными, я и воспользовался для исчислений заработной платы в 1929 г. Нѣкоторым недочетом данных этого изслѣдованія является то, что в нем обработаны рабочіе бюджеты по размѣрам выше средняго. Пропорція и количества потребленных продуктов в них должны быть, поэтому, нѣсколько иныя, чѣм в бюджетах рабочих с меньшим заработком. В дальнѣйшем, в нужном мѣстѣ, мы должны учесть это обстоятельство и внести соотвѣтственные поправки, но в цѣлом — про указанные бюджеты можно сказать, что они удовлетворяют нашему желанію найти количества и пропорціи потребленія разных продуктов в рабочих семьях. Это не теоретическое установление структуры потребленія, а фактическое. Не входя в детали, укажу, что из данных обследованія вытекает, что, в среднем, рабочая семья из 4 душ в 1929 г. потребляла муки ржаной и пшеничной, хлѣба ржаного и пшеничнаго, крупы, картофеля, овощей, мяса, рыбы, молока, масла коровьяго, масла растительнаго, сахара, яиц — на 46 руб. 16 коп. В цѣнах других лѣт, этот, один и тот же набор продуктов, взятых в одном и том же количествѣ, в одних и тѣх же пропорціях, но для 1937 г. качеством, несомнѣнно, болѣе низкій, чѣм в 1913 г., стоил:

В 1913 г.	15	рублей	95	коп.
» 1925 г.	28	»	56	»
» 1929 г.	46	»	16	»
» 1937 г.	249	»	93	»

Из сопоставленія этих цифр с заработной платой, мы убѣждаемся, как снизилась в теченіе пятилѣток реальная заработная плата в цѣлом, ибо в ней совокупность продуктов питанія занимает важнѣйшее мѣсто, и их индекс в значительнѣйшей мѣрѣ опредѣляет общій индекс заработной платы. С 1925 г. по 1937 г. номинальная заработная плата выросла в 5,5 раз. Стоимость продуктов выросла в 8,8 раз, на много обогнав плату. Исчисленная в этих продуктах питанія, средняя заработная плата в 1937 г. была не 48 рублей, как в 1925 г., а только 28 руб. 25 коп. С 1929 г. по 1937 г. номинальная плата выросла в 3,3 раза, стоимость же продуктов питанія рабочей семьи увеличилась в 5,4. Слѣдовательно, реальная заработная плата была не 75 рублей, как в 1929 г., а 46 руб. 25 коп. По сравненію с 1913 г. рубль пал в 15,7 раз. Он не довоенный рубль, а 6,3 копѣйки, и средняя заработная плата

рабочих в 256 руб. образца 1937 г. равна лишь 15 руб. 75 коп. довоенных, т. е. 63,6% средней довоенной платы.

Я пытался расширить базу для исчисления индекса, привлекая в учет расходы рабочей семьи на бѣлье, одежду, обувь, освѣщеніе, отопленіе, керосин, табак, мыло и т. д. Анализ представляется здѣсь очень трудным. Для обуви, сукна, ситца, мыла, табака и т. д. нужно долго разыскивать в совѣтской прессѣ, болѣе чѣм часто, без всякаго результата, цѣны на товары, притом сравнимаго с 1913 г. качества. Общій индекс как будто еще выше индекса продуктов питанія: рубль в сравненіи с довоенным пал в 16,7 раз, т. е. равен 5,9 коп. В таком случаѣ, средняя заработная плата в 1937 г. равна всего 14 руб. 96 коп., т. е. 55% довоенной. Хотя есть ряд данных другого порядка, позволяющих думать, что именно такое исчисленіе очень близко к дѣйствительности, на нем я, пока, все-таки настаивать не буду. Тѣм болѣе, что и при выше данной расшифровкѣ заработной платы 1937 г. (63% довоенной), уже совершенно ясно, чѣм окончилась «соціалистическая» индустриализація Россіи под водительством мудраго «отца народов». Созданное ею подавленное настроеніе страны, ея крайне тяжелое, дѣлающееся невыносимым, положеніе, отягченное неурожаем 1936 г., и, за эти три послѣдніе года безумно растущими расходами на подготовку к войнѣ, вызвали политическія судороги страны, породив то, что называется «троцкизмом», — бесплодное желаніе вернуться назад к временам первых Совѣтов (никакой другой центральной идеи послѣдняя книжка Троцкаго «La révolution trahie» не заключает) а, с другой стороны, создав широкое и растущее, но еще очень плохо оформленное теченіе, за которым, по словам обезумѣвшей от страха и звѣриной злобы диктатуры, стоят «бухаринско-рыковскіе выродки и шпіоны».

Сдѣлаем дальнѣйшій шаг в нашем анализѣ. В рабочих семьях, обследованных за время с 1 октября 1929 г. по 1 апрѣля 1930 г., глава семьи зарабатывал 90 руб. в мѣсяц. В его заработкѣ расход на указанный набор продуктов питанія, будучи равен 46 руб. 16 коп., составлял 51,2%. Бюджет этих семей выше средних. Заработная плата их главы была, приблизительно, на 15% выше средней платы, бывшей, как можно высчитать по совѣтским справочникам, за этот період 77 руб. 84 коп. Для возможности сравненія отношеній стоимости питанія к заработной

платѣ другихъ лѣтъ, нужно, значитъ, увеличить на 15% среднюю плату этихъ лѣтъ. Продѣлавъ необходимыя операціи, мы обнаружимъ, что одинъ и тотъ же наборъ продуктовъ для рабочей семьи в 4 чело-
вѣка в заработкѣ главы семьи составлял:

В 1913 г.	55,5%
» 1925 г.	51,7%
» 1929 г.	51,2%
» 1937 г.	86,9%

Процентъ для 1925 и 1929 г. безмѣрно низокъ. Онъ не могъ быть такимъ при экономической конъюнктурѣ и уровнѣ экономическихъ ресурсовъ этихъ лѣтъ. Дешевизна продуктовъ питанія рабочихъ достигалась, повторяю, искусственно. Она была не плодъ здоровой экономикѣ, а плодъ диктаторской политики, давленія на крестьянство, то в формѣ «ножниц» цѣн, то в формѣ неприкрытаго насилія. Коллективизація земли и организація колхозовъ должны были увѣковѣчить «дешевое питаніе» рабочихъ. Увѣковѣчить дань деревни городу, дань крестьянъ правящимъ и господствующимъ рабочимъ. Вся система «дешеваго питанія» разлетѣлась в прахъ! С этой точки зрѣнія, коллективизація окончилась тоже полнымъ банкротствомъ. Процентъ стоимости питанія къ заработной платѣ взлетѣлъ до 87%. Процентъ невыносимый. Вѣдь, кромѣ тратъ на питаніе, в рабочей семьѣ есть расходы на квартиру, освѣщеніе, воду, отопленіе, одежду, обувь, бѣлье, хозяйственныя вещи, транспорт, обученіе дѣтей, газеты, развлечения, табакъ, спиртные напитки. Есть отчисленія в профсоюзъ, на разныя политическія кампаніи, есть налоги и принудительный заемъ. Рабочій ни в коемъ случаѣ не можетъ тратить на одно только питаніе 87% своего заработка. И 1937 годъ, послѣдній годъ второй пятилѣтки, ему на это говоритъ: не можешь — не трать, во всякомъ случаѣ *не рассчитывай* на преимущества и привилегіи, которыя в 1925 г. и 1929 обезпечивали тебѣ дешевое питаніе. Этотъ новый фактъ, огромнаго соціально-экономическаго значенія, во много разъ важнѣе разстрѣла маршала и генераловъ, судовъ над Пятаковыми и, перманентной кровавой чистки и всякой «ежовщины». Онъ свидѣтельствуетъ, что механизмъ, обезпечивавшій рабочему за счетъ крестьянства экономическія выгоды, в ходѣ развертыванія хозяйства и строительства пятилѣтокъ, — надломился и окончательно пересталъ дѣйствовать. Это не значитъ еще, что от этого крестьянство сейчасъ уже много выиграло, но это сигнализируетъ о начавшемся измѣненіи соціальной структуры,

созданной октябрьской революцией 1917 года и диктатурой пролетариата. Политическая диктатура, теоретически, была закреплена, например, тем положением, что при выборах в Советы — голос *одного* рабочего считался равным голосу *пяти* крестьян. Новая конституция эту формальную политическую привилегию отменяет. Голос рабочего ныне признается равным голосу крестьян (фактически ни тот, ни другой никакого, конечно, голоса не имеют: поет один только диктатор — Сталин). Признание *политических* преимуществ рабочих стало излишним, раз фактически жизнь властно изменила их *экономические* преимущества. А уничтожение экономических привилегий рабочих обнаруживается с полной ясностью, когда мы попробуем узнать, сколько для набора продуктов питания нужно работать сейчас, и сколько было нужно работать раньше — в 1913, 1925 и 1929 г. г.

Начнем с довоенной России. Одно из ее характерных экономических отличий от Европы и Америки было то, что рабочий (то же можно сказать и о крестьянах) имел в году весьма пониженное число дней работы. Русская работа была всегда страшно нерегулярной, рывками, то с огромным напряжением (крестьянская «страда»), то с провалом остановок. В то время как в Америке было не менее 300 дней работы, в России, вследствие множества праздников, прогулов, болѣзней и пр., их в году было максимум 265, в среднем, не более 22 дней в мѣсяц. При средней продолжительности рабочего дня, — от 11½ час., в 90-ые годы, быстро спустившагося до 9,6 час. в 1913 г., — это давало 211 часов в мѣсяц. Советская статистика настаивает, что нужно еще, в среднем, считать 0,4 часа сверхурочных. У меня нѣт твердой увѣренности так-ли это, но допустим, что это вѣрно, тогда общее число часов работы в мѣсяц в 1913 г. будет 220. В 1925 г. существовал уже, с 1917 г. — 8-часовой день. Фактически (прогулы, падение дисциплины, выполнение общественных обязанностей и т. д.) он был 7,8 часов. При 21,9 днях, в среднем, работы в мѣсяц — это дает около 171 часа. В концѣ 1929 г. часть рабочих была переведена на еще болѣе короткий день — на 7 часов. Число дней работы в году нѣсколько поднялось, но, в общем, число часов работы в мѣсяц осталось на уровнѣ 1925 г. О 1937 г., когда действовала в измененном видѣ новая система работы, скрещенная — как «непрерывка», мы не имѣем советских данных. В вышедших изданиях Центрального Управления Народнаго Хозяйственнаго Уче-

та и послѣднем сборникѣ «Труд в СССР» их нѣт. Остается положить на Вальтера Ситрина (французскій перевод его книги «A la recherche de la Vérité en Russie»), который, опираясь на свѣдѣнія, собранныя им в Россіи, считает, что число рабочих часов в мѣсяц составляет 175 (по другим данным около 170 часов сверхурочными работами).

Приняв во вниманіе ранѣе вычисленный процент стоимости питанія к заработной платѣ или, что одно и то же, к числу часов работы, мы найдем, что для полученія одного и того же количества продуктов питанія, семейный рабочий должен был работать:

В 1913 г.	112 часов
» 1925 г.	88 »
» 1929 г.	87 »
» 1937 г.	151 »

В 1925 году нужно было работать на 24 часа меньше, чтобы получить такое же количество жизненных благ, что в 1913 г. Рабочій получал *максимум* продуктов питанія при *минимумѣ труда*. Подобное сверх-благоденствіе было, еще и еще раз повторяю, экономически совершенно необоснованным. Этого абсолютно не понимала возглавленная Троцким оппозиція во всѣх ея отгѣнках. При отсутствіи экономических ресурсов и низкой производительности труда, она требовала еще большаго повышенія заработной платы. В цѣлях увеличенія платы рабочих, она требовала повышенія отпускных цѣн промышленности, уничтоженія частной торговли, дальнѣйшаго нажима на крестьянство, гнала на ту, по выраженію в 1929 г. Бухарина, «военно-феодалную эксплуатацію» крестьянства, которую варварски осуществил потом Сталин.

Не могу к тому же мимоходом не указать, что современная ситуація Франціи напоминает этот отжившій період совѣтской исторіи. Уже в таксаціи цѣны пшеницы, произведенной Монне, явно проглядывало стремленіе обезпечить интересы рабочих в ущерб крестьянам. Важнѣе, однако, совсѣм другое. Несмотря на то, что послѣ социальной революціи лѣтом 1936 г. во Франціи чрезвычайно повышена заработная плата, проведен самый короткій в мірѣ рабочий мѣсяц, всего только 160 часов, при том в формѣ нигдѣ не существующей недѣли из 5 дней, несмотря на измѣненія всего положенія рабочих на фабриках, на максимум проведенных социальных реформ, на самый прогрессивный в мірѣ

статут труда, французскіе троцкисты, — безразлично, как они называются, — социалистами, коммунистами, или даже фронтастами Бержери, — то таща за собою массу рабочих, то тащась за нею, требуют еще большего, того, что *невозможно* при недостаткѣ экономических ресурсов и низкой производительности труда. Отсюда рост цѣн. Они вѣрят, что невозможное станет немедленно возможным от простого измѣненія титулов собственности, измѣненія структуры, с помощью націонализаціи. Исторія, к сожалѣнію, ничему не учит. В противном случаѣ, люди замѣтили бы, что в Россіи, при полном уничтоженіи частной собственности и тотальной коллективизаціи и чаціонализаціи, — самая безпощадная диктатура не могла все-таки сдѣлать чуда. И когда послѣ десяти лѣтъ иллюзій, обильно смоченных кровью, подводятся итоги и раскрывается правда, мы видим, что в «соціалистической» странѣ, созданной «геніальным» Сталиным, чтобы получить то количество питанія, которое при капитализмѣ и под Николаем II русскій рабочий имѣл при *112 часах* работы, совѣтскому рабочему нужно трудиться *151 час*. «Жизнь стала легче, стала веселѣе», убѣждает Сталин. Факты говорят — нѣтъ.

На празднованіи в ноябрѣ 1937 г. двадцатилѣтія октябрьской революціи Молотов, в качествѣ главнѣйшаго ея завоеванія, указал на 7-часовой рабочей день. «Ни в *одной* странѣ не могут при капитализмѣ мечтать о таком коротком рабочем днѣ». Я, право, не знаю, можно-ли послѣ произведенных социальных реформ (рабочіе делегаты, арбитраж, охват хозяйства коллективными договорами) считать Францію капиталистической страной, но если это капитализм, то 160-часовым рабочим мѣсяцем он показывает, что при нем работа может быть еще короче, чѣм при совѣтском «соціализмѣ». Однако, не будем обольщаться слишком коротким рабочим днем: без соответствующих экономических условий, — он просто химера. У совѣтскаго же короткаго дня есть к тому же явно неприятная изнанка: чтобы при этом 7-часовом рабочем днѣ получить тѣ матеріальныя блага, которыя довоенный рабочий имѣл при 10-часовом днѣ, нужно работать на 35% больше, — не 10 часов, а 13 часов 30 минут. Вот о чем позабыл сообщить Молотов. *Сокращеніе* рабочаго дня сопровождалось параллельным и *огромным сокращеніем заработной платы*. При сохраненіи числа часов работы в мѣсяц, рабочий день с 1925 г. сокращен на час, но, как мы видѣли, за то же время реальная заработная плата (в

продуктах питания) сократилась на 42%. Муссолини, переводя часть рабочих с 48 час. на 40, даже меньше понизил заработную плату. Почему то, что для Рима называется «гнусной эксплуатацией» рабочих, в Москвѣ представляется, как великое достижение социализма? Одним словом, к 20-лѣтію октябрьской революціи в СССР фактически исчезли почти все экономическія привилегіи пролетариата. Говорить в 1937 г. о *диктатурѣ рабочего класса* в Россіи — бессмысленно. Она была, — *ея болѣе нѣтъ*. В исторіи человеческой классы осуществляют эту отвратительную вещь, именуемую диктатурой («это власть, опредѣляя Ленин, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами»), не просто ради наслія, а ради экономических выгод и привилегій. А о какой диктатурѣ и о каких больших (малыя есть) привилегіях может идти теперь рѣчь, когда послѣ двух пятилѣток заработная плата совѣтских рабочих ниже на 36%, чѣм до войны, когда за набор питания для семьи нужно отдать 87% заработка и работать 151 часов вмѣсто 112 часов! *).

Я сказал «диктатура рабочего класса исчезла», нужно тут же спросить себя: а о каком рабочем классѣ тут идет рѣчь? Рабочій класс Россіи за послѣднія 30-35 лѣт выступает под аспектами, глубоко различными, и с чертами, в разное время совершенно отличными. С точки зрѣнія политической, экономической, моральной, психологической, рабочий класс до 1914 года крайне отличается от рабочего класса послѣ октябрьской революціи, равно как и от того рабочего класса, каким он оказался послѣ 1931 года. Из класса угнетеннаго, промышленные рабочіе послѣ 1917 г. превратились в класс господствующій. Это факт, который многіе пытались и пытаются опровергать, мнѣ кажется несомнѣнным, и выше я привел одну из иллюстрацій части экономических привилегій, приобретенных рабочими именно благодаря политическому господству. Уже в это время рабочий класс выдѣлил из своих рядов довольно значительное число представителей в сферу управленія государством и хозяйством. Главные кадры рабочего класса в то время все-таки остаются еще на фабриках, на заводах, в сфе-

*) Если исходить из расчетов, сначала дѣлавшихся при введеніи «непрерывки», имѣвшей в виду отдых не на 6-ой день, как сейчас, а на 5-ый и всего 1932 рабочих часа в год, то даже при таком счетѣ, рабочий в 1937 г. для указанного выше набора продуктов должен работать на **28 часов** болѣе, чѣм в 1913 году.

рѣ производства. 24 ноября 1928 г. Пленум Центрального Комитета, открывая эпоху пятилѣтки, ставит, в связи с этим, как важнейшую задачу, «*массовое вовлеченіе в дѣло вытолненія государственных функций старых и при том широких кадров рабочаго класса*». Поставка профсоюзам 25.000 рабочих для организаци и управленія колхозами — первая проба такого массоваго вовлеченія рабочих в госаппарат. Шлюзы открываются. Поток рабочих с фабрик и заводов на верх, в сферу управленія, дѣлается с каждым мѣсяцем интенсивнѣе. Он принимает затѣм невѣроятную ширину. Буквально сотни тысяч рабочих мѣняют свое социальное положеніе. Дѣлаются бывшими рабочими. Разнаго рода и ранга Калининскими, Ворошиловыми, Андреевыми, Ежовыми и т. д., — так как это тоже все бывшіе рабочіе. Эти бывшіе рабочіе и их дѣти — всюду. Они офицеры в Красной Арміи. Они слѣдователи ГПУ. Они судьи, начальники милиціи, тюремные начальники. Их мы находим в Народных Комиссаріатах, в управленіи промышленностью, торговлей, в школах, университетах, технических заведеніях, администраціи центральной, районной, городской, сельской. Мы не можем точно учесть количество рабочих и их сыновей, переставших быть рабочими, но это, по меньшей мѣрѣ, *полтора милліона душ*. В 1935 году среди директоров заводов тяжелой промышленности было 62% бывших рабочих, в машиностроеніи 71%, среди начальников строек 42%, среди начальников трестов 50%, среди директоров фабрик пищевой промышленности 63%, легкой индустріи 64%. В том же году среди 495.000 инженеров и техников крупной индустріи 49% были рабочіе и сыновья рабочих. *Главную арматуру* чудовищнаго государства, возглавляемаго с 1929 г. Сталиным, составили бывшіе рабочіе и их сыновья. И пред судом исторіи они несут отвѣтственность за дѣянія этого государства.

Рабочій класс массами покинул производство, занявшись управленіем. На пустое мѣсто, кому-то, вѣдь, нужно было работать и строить «пятилѣтку», пришел и был силою приведен крестьянин. Так, взамѣн прежних рабочих, послѣ 1931 г., образовался в Россіи *новый рабочій класс* в огромной своей части из вчерашних крестьян. Вот почему, когда говорят о рабочем классѣ, нужно бросить пользоваться этим понятіем как какой-то абсолютной категоріей, а, на самом дѣлѣ, поставить вопрос: о каком рабочем классѣ идет рѣчь? Который *ушел* или который пришел? О том, ко-

торый *наверху*, или о том, который *снизу*? О том, кто насильничает и эксплуатирует, или о том, над кѣм насильничают и кого эксплуатируют? Там и здѣсь — люди из одного и того же класса, тѣм не менѣе, они различны. Тѣ рабочіе, которые наверху и, вмѣстѣ с разночинной интеллигенціей, в противорѣчїи с теорїей, что фашизм дѣло будто бы только буржуазїи, сами себя увѣнчали фашистско-царистской звѣриной диктатурой Сталина, — *группа господствующая*. Несмотря на начавшееся столкновение их с повелителем Кремля, на их разложение, кровавое самоистребление, они, как группа в цѣлом, пока еще (*пока еще!*) сохраняют свою диктатуру и ряд привилегїй, ею обусловленных. Иное положеніе *нового* рабочаго класса. За дѣянія сталинскаго государства он не отвѣтственен, и никаких политических и экономических привилегїй он не имѣет, в отличїе от тѣх, которые, уйдя наверх, до этого, еще будучи в производствѣ, ими обладали. В *сферѣ производства нѣтъ никакого господствующаго класса уже больше нѣтъ*. Вот что характерно для происшедшаго измѣненїя соціальной структуры. Положеніе общественных классов в концѣ 1937 г. не то, что было создано октябрьской революціей, не то, что было ея *цѣлью*. Система націонализированнаго хозяйства ненарушима (она в громадной своей части и в будущем останется), но мы видим, что важна совсѣм не эта внѣшняя структура и оболочка, а *реальная структура* общества, соотношенїе и расположенїе в нем общественных групп и классов. Оно же неузнаваемо измѣнилось. Прежнему рабочему классу крестьянство с полным правом могло сказать: ты говоришь хорошія слова о социализмѣ и соціальной справедливости, в то же время ты меня эксплуатируешь, пользуешься тѣм, что у меня насильно отымают результаты тяжелаго труда. Нынѣшнему рабочему классу оно этого сказать уже не может. За свое питанїе он должен работать на 35% часов больше, чѣм до войны. Выпаденїе момента эксплуатаціи открывает возможность постановки вопроса о *словорѣ* обоих этих классов (политическом и экономическом) и отысканїи почвы для согласованїя доселѣ враждебных и противорѣчивых интересов. Это стало возможным совсѣм не благодаря колхозам и коллективизаціи земли, а потому, что она обанкротилась, не будучи в состоянїи обезпечить главную ей ставимую цѣль: поставлять городу в лицѣ господствующих рабочих продукты питанїя по безмѣрно низким цѣнам. Цѣль сведена на нѣтъ финансовой системой государства. Извлекая из

деревни силою и за дешевку ея продукцію, но *облагая* ее огромным налогом (налог с оборота), правительство само превращает дешевую продукцію в дорогую. Однако, оно не может обойтись без налога на предметы широкаго потребленія. Бюджет государства, 79% его доходной части, создается именно этим источником. Без него немедленно наступит финансовый крах, банкротство государства. Здѣсь все связано, и потому происходящій сейчас кризис системы, структуры происходит по всѣм направленіям. Все корчится, содрогается, трещит. Всѣ, рѣшительно до одного, средства «нальво» и из «лѣваго арсенала» перепробованы. К Троцкому за совѣтами отпавляться не приходится. Нужно идти в другую сторону. В упорном и жалком ослѣпленіи Троцкій не видит, что банкротство Сталина есть в то же время его банкротство. Банкротство идей, десятилѣтіями наполнявших голову множества Троцких. В происшедшем историческом экспериментѣ наиболее скомпрометированным оказался принцип диктатуры пролетаріата. Теперь, когда до очевидности ясно, что эта диктатура, логически развиваясь, неминуемо должна привести к личной диктатурѣ фашистскаго типа (никакой разницы между Сталиным, Гитлером и Муссолини нѣтъ), столь же до очевидности ясно, что новыя *высшія формы* соціальной жизни могут быть созданы не большевистскими методами, а воплощеніем в жизни сочетанія трех фундаментальных принципов: права на жизнь, свободы и *договора* и *сговора* между составляющими современное общество организованными экономическими профессіями — в цѣлях *совмѣстнаго* управленія государством, народным хозяйством, для наиболее рациональнаго и справедливаго распредѣленія создаваемаго этими профессіями національнаго дохода...

Обрисованное положеніе рабочаго класса послѣ двух пятилѣток, увѣрен, многим покажется сдѣланным невѣрно и слишком мрачным: если заработная плата, скажут они, на много ниже довоенной, как же тогда может жить населеніе? Оно должно не жить, а вымирать. А оно не умирает. Люди ко всему приспособляются, как показали четыре года міровой войны и жизни в траншеях. Приспособляются они и к условіям совѣтской жизни и экономики. Говоря о бюджетѣ рабочих семей, мы, напримѣр, брали «нормальную» семью в 4 души. Она совсѣм теперь не такова. Она крайне уменьшилась. Всѣ рабочія семьи стремятся сокращать число дѣтей. Дошли до того, что в Россіи, гдѣ до сих пор люди размно-

жались, как кролики, гдѣ хвастались ежегодным приростом в 3 1/2 милліона душ, власти, желающей имѣть больше солдат, приходится побуждать населеніе имѣть дѣтей. Кромѣ уменьшенія числа дѣтей, числа иждивенцев, которых нужно кормить и одѣвать, есть и другіе способы сбалансированія бюджета. Рабочая семья рѣдко, лишь при высоких зарплатах, основывает свой бюджет только на заработкѣ главы семьи. В той или иной мѣрѣ, почти всегда приходит на помощь подсобный заработок членов семьи. Теперь это стало уже болѣе, чѣм законом. Невозможность прожить на заработок главы рабочей семьи погнала на работу его жену, его дѣтей, всѣх, кто только может работать. Уменьшеніе состава семьи и, одновременно, рѣзкое увеличеніе в ней числа работников привело к тому, что на каждаго работающаго нынѣ приходится значительно меньше, чѣм раньше, иждивенцев. Поискав в совѣтских справочниках, можно найти, что в 1924 году на одного работника приходилось 3,34 иждивенца, а в 1935 г. только 1,59 ч. — вдвое меньше! Вот отвѣтъ (*частичный*, полный я не задаюсь здѣсь давать) тѣм, кто спрашивает, как приспособливается населеніе к тяжелым условіям жизни. На фактѣ увеличенія в семьях числа работников нужно остановиться подробнѣе.

Как уже указывалось, — рабочая семья из 4 душ, чтобы жить в 1937 году так, как в 1929 г., должна была бы тратить на питаніе в мѣсяц 250 рублей (249 р. 93 коп.). Для этого, учтя расходы на другія нужды, заработок, приносимый в семью, должен быть, по меньшей мѣрѣ, 500 руб. Средній заработок рабочих в 1937 г. был около 250 руб. Бюджета в 500 руб. он покрыть не может. Последнее возможно только в том случаѣ, когда в семьѣ будут работать двое.

При среднем заработкѣ они его покроют. Совокупность рабочих семей, составляющих рабочій класс, как показывают данныя статистики вообще и совѣтской статистики, в частности, такого числа работников на семью не дает. Оно меньше. В СССР, в среднем, в 1935 г. на семью приходилось не два работника, а полтора (1,47). Однако, мы возьмем двух работников, как предѣльную комбинацію, что позволит нам проявить одну характерную черту совѣтскаго строя и в то же время предсказать, куда он должен будет эволюціонировать.

Цифры, которыми мы оперировали, показывают, что для полученія количества матеріальных благ, приобретаемых в 1929 г.

одним работником с заработком немного (на 15%) выше среднего, сейчас нужно трудиться *двум* работникам с заработной платой не меньше среднего размѣра. Рабочей семьѣ нужно выставить *двух* работников, чтобы имѣть количество продуктов, доступное для приобрѣтенія в 1913 г. *одним работником*. Совѣтская хозяйственная жизнь тяготѣет именно к этому закону. *Двое* ставятся там, гдѣ нужен был *один*. И *двое*, получая каждый по 250 рублей, имѣют столько же, сколько имѣл *один* работник, получавшій в 1913 г. — 28 р. 75 к., в 1925 г. — 55 р. 28 к. и в 1929 г. — 90 рублей. Совѣтская пресса возглашает: всюду в мѣрѣ заработная плата понизилась, а у нас же *фонд* заработной платы с 1925 г. повысился во много раз. Это сказочки для Иванушек-дурачков, своих и иностранных. Фактически вот каково положеніе. В 1929 г. фонд заработной платы, предназначенный для всѣх служащих и рабочих, занятых во всѣх отраслях государственнаго хозяйства, равнялся 9,7 миллиардов рублей. В 1937 г. этот фонд «по плану» был повышен до 78,3 миллиардов рублей. Он увеличился почти в 9 раз — хороший предлог для новаго восхваленія «геніальнаго» Сталина. Посмотрим, что за этим кроется. С 1929 г. по 1937 г. жизнь вздорожала минимум в 5,4 раз. В ценах 1929 г. фонд в 78,3 миллиардов рублей представляет только 14,5 миллиардов рублей, слѣдовательно, *реально* он увеличился совсѣм не на 800%, а лишь на 50%. За то было бы спасибо, не будь другого обстоятельства. С 1929 года по 1937 г. количество рабочих и служащих, занятых в государственном хозяйствѣ, с 12.147.000 дошло до 26.000.000. Фонд реальной заработной платы увеличился всего на 50%, тогда как число претендентов на него возросло болѣе, чѣм вдвое — на 115%. Фигурально говоря, часть пирога из національнаго дохода, приходящаяся на долю рабочих и служащих, стала дѣлиться на большее количество ртов, отчего кусочек, попадающій в рот каждаго из них, стал меньше. «Жить стало легче и много веселѣе!» Вот «чудо» насыщенія голодных, свершенное Сталиным (с помощью налога с оборота). Точь-в-точь такое же «чудо» сотворил Гитлер в Германіи, гдѣ миллионы безработных были вовлечены в работу при рѣзком сокращеніи прежней средней платы.

Совѣтская жизнь, на самом дѣлѣ, тяготѣет, но не совсѣм его осуществляет, к закону, формулированному выше: ставить *двоим* на мѣсто *одного* и *двоим* платить столько же, сколько *одному*. В

1929 г. работник работал 7 часов. Для получения его заработной платы в 1937 г. нужно, при дѣйствиі упомянутого закона в чистом видѣ, работать двоим по 7 часов, — дать государству 7 *лишних* часов работы. В 1913 г. работник работал 10 часов. Для получения его заработка в 1937 г. нужно работать двоим по 7 ч., дать государству 4 *часа лишней работы*. Около этого факта: *двое вмѣсто одного* и вертится вся совѣтская экономика.

Сокрушаясь ничтожным заработком русскаго рабочаго, многіе, а особенно из лѣвых эмигрантов, настойчиво требуют немедленной прибавки платы рабочим. Бѣда только в том, что они никак не могут указать, из каких источников совѣтской экономики покрыть требуемую прибавку рабочим. Прежде, при бужуазіи, можно было указывать на прибавочную стоимость. Буржуазіи в СССР нѣт. Потом источником прибавки, послѣ ученых изслѣдованій Преображенскаго (его «Закон социалистическаго накопленія»), стал считаться крестьянскій карман. Послѣ всего того, что с излишком сдѣлано в этом направленіи Сталиным, — о крестьянском карманѣ говорить сейчас уже неловко. Откуда же тогда взять прибавку? Отнять у «стахановцев», получающих 1000 рублей в мѣсяц? Это только каких-нибудь 60 довоенных рублей, а, кромѣ того, людей с таким заработком и среди рабочих, и среди служащих, во всем нищем совѣтском хозяйствѣ — ничтожный процент. Отнять у них и прибавка другим — болѣе 250 рублей в мѣсяц, в среднем, на всѣх все-таки не дадут — вѣдь это и есть «средняя», уравниваемая в 1937 г. плата. А при таком заработкѣ, мы видѣли, — жить трудно. Троцкій нашел, откуда взять. Путая политическую проблему (освобожденіе страны от всяких диктатур Сталина, как и Троцкаго) с проблемой экономической, он, в своей книжкѣ «La Révolution trahie», дает схему, из которой видно, что бѣдственное положеніе нынѣшняго російскаго пролетаріата (вчерашняго крестьянина, по желанію тѣх же Троцких ускоренно превращеннаго в рабочаго) происходит от того, что в Россіи существует огромный бюрократическій, административный, партійный аппарат, в ущерб рабочим пожирающій національный доход. Вот гдѣ источник увеличенія зарплаты: новая революціонная дѣлечка національнаго дохода, продолженіе на новом планѣ примѣненія старой формулы «экспропріаторов экспропріируют». Да, многочисленный бюрократическій аппарат существует, мучает, разлагает и мерзко управляет страной. Но говорит, что

этот аппарат пожирает національный доход, — значит, как обычно принято, смѣшивать *распоряжение* национальным доходом с его потреблением, подмѣнивать проблему увеличенія дохода вопросом его дѣлжки — это значит проповѣдывать самый вульгарный социализм.

Троцкій говорит, что господствующій сейчас класс состоит, якобы, из 20 - 25 миллионov душ. Это невѣрно, но будь так, что из того слѣдует? Вѣдь, если бы даже всѣ эти 25 миллионov выкинуть из гос. аппарата, дающаго им содержаніе, они, находясь внѣ его, все равно будут нуждаться в пищѣ, одеждѣ, квартирѣ, т. е. претендовать и ѣсть какую-то часть національнаго дохода. Нельзя же («право на жизнь») лишить их питанія и, хотя Сталин и сам Троцкій произвели такой большой опыт, нельзя физически уничтожить 25 миллионov человек, передав их долю в національном доходѣ в качествѣ прибавки зарплаты рабочим. Я написал «нельзя» и вспомнил вышедшую в Москвѣ в 1907 году брошюру Павлова под названіем «Очистка человечества». Он доказывал, что для осуществленія социализма *можно и нужно* во всем мірѣ перебить, «*как тараканов сто миллионov эксплуататоров, их жен и дѣтей*». Таких «социалистов» нужно, конечно, отправлять в сумасшедшій дом.

Уничтоженіе сгнившей диктатуры Сталина еще не рѣшает большой экономической проблемы Россіи: ничтожность заработка народных масс, работу *двоих* там, гдѣ нужен *один*. Экспроприацией совѣтской бюрократіи и коммунистических сановников — этому дѣлу не поможешь — это все равно на всѣх, в среднем, даст только 250 рублей в мѣсяц, т. е. 63% средней довоенной платы рабочих. Суть экономической проблемы (для своего разрѣшенія требующей измененія общей политической и культурной обстановки) не в отнятіи у миллионov людей пищи и заработков и передачи их другим людям, а в замѣнѣ их никчемнаго, непродуцительнаго, часто просто вреднаго, труда — трудом общественно-полезным и продуцительным; гдѣ бы этот труд ни имѣл мѣсто: в промышленности, судѣ, администраціи, торговлѣ, охранѣ народнаго здравія и т. д. Только *увеличеніе* общей полезной продуцціи, увеличеніе массы «пирога» національнаго дохода, повышеніе культурности и *производительности труда* во всѣх областях народнаго хозяйства, и особенно в земледѣліи и в промышленности, производящей предметы широкаго потребленія, — мо-

жет увеличить заработную плату, сдѣлать так, чтобы рабочій не в 155 часов получал бы то, что до войны давалось 112 часами, а гораздо в меньшее время.

Из этого безспорнаго положенія, — а оно или претворится в жизнь, и тогда Россія выздоровѣет экономически, или не претворится скоро, и тогда страна будет долго гнить на корню, — слѣдуют чрезвычайно важные *выводы*: бурный и сумасшедшій рост численности рабочаго класса, имѣвшій мѣсто за годы пятилѣтки, должен теперь прекратиться. В ближайшіе годы будет расти *численность разных других групп активнаго населенія, но не рабочих*. Властная потребность диктует увеличить продукцію, но такое увеличеніе может быть сдѣлано двумя методами. Можно увеличивать число рабочих, и, накопляя капитал, им очень мало платить — таким путем шла совѣтская индустриализація с 1929 г. Или можно им платить гораздо болѣе, что предполагает особую структуру продукціи и увеличенную производительность труда, а при послѣдней не приходится говорить об увеличеніи числа рабочих. Большую работу, большую продукцію может и должно дать одно и то же, и даже гораздо меньшее, количество людей. При этих условіях рост численности рабочаго класса пріостанавливается. При громадной численности крестьян в Россіи, это обстоятельство, в мѣру паденія и испаренія идеи диктатуры и роста идеи демократіи, должно приводить *к уменьшенію политическаго удѣльнаго вѣса рабоч и увеличенію политическаго значенія крестьян и других соціальных групп*. На сцену появляется «закон числа». Прекращеніе роста численности рабочаго класса, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, императивно диктуется, помимо всего прочаго, самим *характером новой техники*, пріобрѣтенной страной. За послѣднія 8 лѣт Россія, с помощью закупок за-границей, потом от собственной фабрикаціи, в которой копировались лучшіе американскіе и европейскіе образцы, установила на своих заводах оборудованіе, отвѣчающее послѣдним достижениям техники и обезпечивающее самую высокую производительность труда. Как бы варварски оно ни изнашивалось, создавая ненормальныя издержки на амортизацію, оно, возстанавливаясь, продолжает быть первоклассным. Россія собрала мед с чужих цвѣтов. То, что Америкѣ, тѣм болѣе старой Европѣ, доставалось в результатѣ тяжкаго, медленнаго развитія, десятилѣтій труда, науки и техники, Россія, можно сказать, получила сразу от болѣе цивн-

лизованных стран. В ней все новенькое. Тут ее отсталость, как когда-то предвѣщал Герцен, для нея оказалась преимуществом. Но привозя к себѣ американскую технику, нельзя с нею обращаться по-азиатски. Всѣ тяжкія жертвы населенія, во время пятилѣтки и сейчас, для экипировки индустрии были бы преступно *безплодными*, не будь при новом американском оборудованіи культурно организована, ему соответствующая, высокая и прочная производительность труда. Приведем нѣсколько примѣров. В хлопчато-бумажной индустрии СССР выработка тканей в час слишком в *два раза* меньше, чѣм в Америкѣ. При американских машинах и производительности труда можно в два раза увеличить производство тканей, без увеличенія числа рабочих, но с увеличеніем их зарплаты. В обувной индустрии на каждого совѣтскаго рабочаго приходится в год 500 пар сдѣланной обуви. В Америкѣ 1700. Путем повышенія производительности труда, без повышенія числа рабочих, можно втрое повысить фабрикацію обуви и параллельно повысить заработную плату. В чугуноплавильных цехах выработка совѣтскаго рабочаго — 600 тонн. В Америкѣ (в 1929 году) — она была 1729. Эти примѣры говорят о том, что *экономика и техника* требуют уничтожить нынѣшнюю ситуацію, при которой *двое* выполняют работу *одного* и получают столько же, сколько *один*. Ясно, что при господствѣ такой тенденціи, темп роста рабочих должен обязательно замедлиться. Это уже происходит. В крупной промышленности в 1929 г. было (вмѣстѣ с учениками) 2.922.000 рабочих. На 1 октября 1931 г. их было уже 4.912.000. Меньше, чѣм за три года — прирост в 2.000.000 человек. За період послѣдующій, за четыре года (по 1 янв. 1936 г.) прирост уже вдвое меньше — 1.255.000. За 1936 и 1937 г. г. прирост еще больше падает, склоняясь к нулю. В строительной индустрии имѣется даже сильное сокращеніе ее персонала. С 917.000 в 1929 г. он увеличивается до 3.125.000 в 1932 г., потом начинает падать: в 1936 г. он 2.112.000. *Параллельно исчезновенію господства рабочих идет замедленіе и остановка самаго роста из численности*. Все связано друг с другом. Выясненіе численной доли рабочих в общем активном населеніи страны, попутное выясненіе неизбежнаго роста численности других социальных групп, равно как процессов, происходящих в крестьянствѣ, должно дополнить картину глубоких структурных измѣненій, нынѣ происходящих в Россіи.

Е. Юрьевскій.

Признанія в Москвѣ

В процессах о предательствѣ, которые вот уже десять лѣтъ слѣдуют в Москвѣ один за другим, и всѣ похожи друг на друга, есть много темных сторон, не говоря здѣсь о тѣх вещах, которыя являются вполнѣ ясными и которыя вызывают ужас или отвращеніе, возмущеніе или состраданіе. Но самый темный из вопросов, смущающих человѣческой разумъ, это несомнѣнно вопрос о единодушных и неистовых признаніях. Многое, что вытекало из этих процессов, неоднократно подвергалось уже сужденію, и общественное мнѣніе нынѣ окончательно установило цѣну правдивости обвиненій и справедливости приговоров. Оцѣнена в достаточной мѣрѣ искренность признаній и раскаяній, полагаемых в основу привлеченія к суду и являющихся единственным доказательством виновности. Но вопрос о признаніях этим никак не разрѣшен и, по меньшей мѣрѣ, нуждается еще в освѣщеніи. Надо вновь разсмотрѣть его во всей совокупности.

Уже в первом, шахтинском процессѣ в іюнѣ 1928 года всѣ обвиняемые без исключенія признались в невѣроятных преступленіях, которыя приписало им «совѣтское правосудіе». На слишком сто пятьдесят раскаявшихся, около девяноста были не большевики (сами шахтинцы, промышленники, затѣм меньшевики, да еще англійскіе и нѣмецкіе инженеры); это исключает об'ясненія, основывающіяся исключительно на партійной психологіи. В большинствѣ это были не славяне, так что отпадают и аргументы, идущіе от извѣстных разсужденій о русской душѣ. Наконец, кромѣ тѣх ста пятидесяти, которые предстали перед судом, тысячи были осуждены при закрытых дверях; о расправѣ с ними пресса совершенно умолчала, и никто не знает, признались они или нѣтъ, так что безспорное обобщеніе сдѣлать невозможно. Для правильнаго пониманія надо отмѣтить еще обстоятельство, на которое уже неоднократно указывалось, а именно, что всѣ «громкія имена» оказываются в числѣ наиболѣе унижающихся.

Уже один факт единодушія при публичном признаніи свидѣтельствует, что мы имѣем перед собою отбор обвиняемых и как раз тѣх из них, которые согласились играть роль, навязанную им режиссерами. Это подтверждается и другим обстоятельством, не менѣ убѣдительным: болѣе трехсот, так называемых виновников или сообщников, упомянутых в ходѣ процессов, так и не представили перед «судом». И третій факт подтверждает два предыдущих: внушительное число самоубійств. Можно поэтому признать неоспоримой ту точку зрѣнія, которая относит на счет ГПУ умѣлую техническую подготовку, гдѣ специалисты показали себя настоящими мастерами в дѣлѣ вынужденных признаній.

Слѣдует еще отмѣтить, что понадобилось шесть мѣсяцев для того, чтобы смастерить процесс 16 (Зиновьев - Каменев), еще шесть мѣсяцев для процесса 17 (Пятаков - Радек) и болѣе года для процесса 21 (Рыков - Бухарин). Болѣе того, удивительное тождество признаній за все время с 1928 по 1938 г., с нѣкоторыми лишь незначительными вариациями примѣнительно к потребностям европейской дипломатіи и к особенностям внутри-совѣтской политики, не оставляет никаких сомнѣній в их истоках: признанія эти продиктованы полицейской властью правительства.

Значит, сто пятьдесят побѣжденных, нравственно и физически разбитых длительным заточеніем в исключительно жестоких условіях, «обработанных» во время изнуряющих допросов опытными мастерами по растлѣнію и пыткѣ человѣческой души, доведенных в концѣ концов до той моральной депрессіи, за которой начинается душевная болѣзнь, поддались настояніям безсовѣстных побѣдителей. Чему же тут особенно удивляться? Дѣло идет о побѣжденных, находящихся в полной власти побѣдителей и поставленных перед ужасающими перспективами, которыя управляют их словами.

Часто возражают, что будущіе осужденные, наученные исходом предыдущих процессов, не могут уже болѣе питать иллюзіи и, заранее зная, что обречены на гибель, не заинтересованы в том, чтобы играть постыдную и жуткую комедію. Это ровно ничего не мѣняет, так как жить и умирать можно по разному. Можно понять, почему, вынужденные повторять заученный урок, под страхом, что, вмѣсто пули в затылок, равносильной скорому избавленію, они будут подвергнуты безконечным мукам и подвергнут им и своих близких, — почему обвиняемые, к тому же заранее

отобранные, как было указано выше, признаются в самых невѣроятных преступленіях: это плата за простую и голую смерть. Зачѣмъ подвергаться напраснымъ страданіямъ? При этой гипотезѣ, упорствующими, дѣла коихъ разсматриваются при закрытыхъ дверяхъ, являются тѣ, кто менѣе уязвимъ, — за отсутствіемъ ли семейныхъ привязанностей или за меньшей податливостью угрозамъ (из-за безвѣрія или по стоицизму). Дѣйствительно, надо совершенно забыть о тѣхъ страшныхъ способахъ давленія и воздѣйствія, которые тамъ примѣняются опытнѣйшими заплечныхъ дѣлъ мастерами, чтобы расцѣпывать московскія признанія такъ, какъ будто ихъ дѣлаютъ политическіе заключенные во Франціи, защищенные законами и обычаями, допрашиваемые любезными слѣдователями, при гуманномъ отношеніи благодушныхъ тюремщиковъ.

Даже будучи почти убѣжденными в неминуюемо скорой гибели, — а «пока человекъ живъ, онъ уповаетъ», гласитъ вслѣдъ за Экклезіастомъ народная мудрость, — у жертвъ Сталина можетъ еще быть послѣдній расчетъ, который и опредѣлялъ ихъ поведеніе. Не показательно ли, в самомъ дѣлѣ, что мы ровно ничего не знаемъ о тѣхъ условіяхъ заточенія, в которыхъ находятся плѣнные этой категоріи, к которымъ никого не подпускаютъ, в то время, какъ тюремный режимъ, нигдѣ болѣе в мірѣ не является секретомъ, и даже царскій режимъ не дѣлалъ изъ него тайны? То, что стало извѣстнымъ изъ немногочисленныхъ разсказовъ нѣкоторыхъ лицъ, перенесшихъ на себѣ эти ужасы и вырвавшихся на Западъ, обязанныхъ спасеніемъ своей личной незначительности или иностранному происхожденію, позволяетъ сдѣлать самый тяжкій выводъ: Бастилія была мѣстомъ утѣхъ по сравненію съ совѣтскими тюрьмами. До тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволятъ услышать свободный голосъ кого-нибудь изъ спасшихся отъ этой бойни, и такого человекъ, чей голосъ звучитъ громко, до тѣхъ поръ придется судить лишь по болѣе или менѣе спорнымъ предположеніямъ.

Но истинная проблема еще не в этомъ. В концѣ концовъ, можно допустить признанія, на которыхъ лежитъ печать безысходности, согласіе механическое; и значительная часть допросовъ являла именно эту картину пассивнаго пріятія, отличавшуюся односложными отвѣтами. Но вотъ чего нельзя понять, — признанія, которое уснащается деталями съ такой болтливой угодливостью; того, что Блюмъ назвалъ намѣренной обнаженностью, а другіе — мазохизмомъ или садизмомъ самобичующихся изувѣровъ большевистскаго декаданса,

— эта ораторская развязность несчастных жертв, уже обреченных палачу, способных не только безчестить себя до крайности, но и расширяющих рамки подлости оговором невинных и обвинением товарищей. Что все время поражает, это — невозможность отличить рѣчи обвиняемых от рѣчей обвинителей, эта непринужденность, с которой всѣ они говорят, естественность общаго им всѣм языка, тона подобнаго пѣснѣ, и рефрена, напоминающаго куплеты (еще одно доказательство, скажем мимоходом, единства источника). Что сдѣлало проблему повидимому неразрѣшимой и смущает всѣх, это — виртуозность нѣкоторых в приписываніи себѣ преступлений, которых они никогда не совершали, о которых они даже никогда не могли и подумать; их способность создавать впечатлѣніе дѣйствительной виновности и полной искренности.

Об'ясненіе этого явленія лежит цѣликом в словѣ «ложь». СССР это страна лжи, абсолютной лжи, интегральной лжи. Сталин и его подданные вѣчно лгут, лгут неустанно, при всяком случаѣ, и из - за лжи даже не знают, что лгут. Они живут в атмосферѣ, насыщенной ложью. А когда всѣ лгут, то никто уже не лжет, говоря ложь. Там, гдѣ все лжет, нѣтъ больше лжи. СССР прспитан ложью от основанія до верху. В четырех словах, обозначенных этими инициалами, заключается по меньшей мѣрѣ четыре обмана. В конституціи, в каждом ея параграфѣ—многократная ложь. Ложь это естественный элемент псевдо-совѣтской общественности. По основным законам Сталин не существует—ложь. По юридическому толкованію не существует больше и ГПУ — ложь. Политбюро, судя по официальным документам, и вообще не существовало никогда — ложь. Партія — лучшая часть народа — ложь. Права граждан, демократія, свободы — ложь. Пятилѣтки, статистика, результаты, достиженія — ложь. Статьи и цифры — ложь. Займы, подписка — ложь. Доказательства — обман. Фотографіи — ложь. Свидѣтели, показанія — лжесвидѣтели и лжепоказанія. Собранія, с'ѣзды, — театр, постановка. Диктатура пролетаріата — величайшее лицемѣріе и обман. Спонтанейныя движенія масс — тщательная подготовка. Правая, лѣвая — ложь и ложь. Стаханов — обманщик. Стахановщина — обман. Веселая жизнь — траурный фарс. Новый человек — древній горилла. Культура — безкультурье. Геніальный вождь — тупой тиран. Соціализм — безстыжій обман. Счастливейшая в мірѣ молодежь — величайшая міровая ложь. Единодушіе? Ложь. Троцкизм? Ложь. Терроризм?

Ложь. Шпіонаж? Ложь. Даже гвозди, подсыпанные в масло, не могут быть ничѣм иным, как непомѣрной ложью при чудовищной цѣнѣ на совѣтскіе гвозди, которых, впрочем, и найти нельзя. Единственная реальность: террор, разлагающій ум, отравляющій души. Ложь и обман — это первѣйшій спутник террора.

Большевизм начал с абстракцій, продолжался среди фикцій и закончил обманом и ложью. Теперь один только Сталин имѣет право голоса, и он лжет. Но и большевистская оппозиція, когда она не имѣла голос, тоже лгала. На митингах, которые облыжно называли с'ѣздами, на пленарных засѣданіях центральных комитетов всѣ фракціи лгали с единственной цѣлью обогнать других, урвать побольше власти в надеждѣ в дальнѣйшем дорваться до всей ея полноты. Лгали правители, обвиняя оппозицію то в правом, то в лѣвом уклонѣ, когда на самом дѣлѣ они всѣ были в общем согласны и оговаривали фракціи, которыя были повинны как раз в том, что не существовали. Лгали оппозиціонеры, образуя потом фракціи и увѣряя, что этого не дѣлают, а затѣм клялись, что распустили их, когда скрывали их в подпольѣ. Утвержденія одних? Ложь. Отрицанія других? Ложь. Всеобщія завѣренія? Ложь. Говорить правду? Мелко-буржуазный предрасудок. Врать? Цѣ л е с о о б р а з н о с т ь . . .

И тѣ и другіе лгали, ссылаясь на «рабочих», мнѣнія которых никто из них никогда не спрашивал. Они лгали, говоря и о крестьянах, когда подсчитывали кулаков, или исчисляли урожай, — всегда для того, чтобы отнять плоды их труда. Всѣ, вмѣстѣ с Лениным, они ошиблись, когда в Октябрѣ принимали за реальность свои желанія; вмѣстѣ, но без Ленина, должны были обманывать самих себя и лгать другим, чтобы не отступать; вмѣстѣ, послѣ смерти Ленина, изощрялись друг перед другом во лжи в своих жуазный предрасудок. Врать? Цѣ л е с о о б р а з н о с т ь . . . стѣ лгали они о заработной платѣ, о просвѣщеніи, о достижениях, о строительствѣ, тогда как умѣли только разрушать (конечно, было не мало такого, что подлежало разрушенію из наслѣдія прошлаго); продолжали врать послѣ кончины Ленина и старались обманывать друг друга, отлично зная, что никто никого не обманет. Всякій раз, когда какая-нибудь оппозиція «признавала свои ошибки», она обманывала. Каждый раз, когда какой-нибудь оппозиціонер клялся, — он надувал. Всякій раз, когда «вождь» дѣлал

вид, что он прощает, он обдумывал мщение. Всякій раз, когда «партия» кричала о своей монолитности и нерушимом единствѣ, она издѣвалась над всѣми. Нынѣшніе процессы продолжают вчерашніе «плenums» и позавчерашніе «с'ѣзды»: всѣ их участники лгут. Обвиняемые, обвинители и свидѣтели — всѣ изошряются в искусствѣ называть вещи не своими именами. Невысказанная мысль — контр-революція. Невысказываемое сомнѣніе — шпіонаж. Дух критики — терроризм. Огорченіе — троцкизм. Эпиграмма — убійство. Анекдот — измѣна. Каламбур — преступленіе. Единственное, что достовѣрно во всѣх этих процессах, полных недостовѣрностей, это то, что всѣ лгут, и прокурор, и обвиняемые, невидимый но присутствующій палач и видимыя, осязаемыя жертвы. Ложь — их общая стихія, их привычка, их вторая натура.

Слишком забываются слѣдующія одно за другим заявленія о покорности, отреченіи и раскаяніи, которыми Зиновьевы, Каменевы, Пятаковы, Радеки, Рыковы и Бухарины покупали свое возвращеніе в партію и к власти, подавая примѣр другим «оппозиціонерам», в большинствѣ своем тоже простиравшимся ниц перед Сталиным. Эти свидѣтельства единственной в своем родѣ низости, когда люди унижаются как бы для собственнаго удовольствія и поют хвалу величію сатрапа, котораго они ненавидят и презирают, были добыты одной лишь пыткой — перспективой быть отставленными от политической жизни, и одним лишь давленіем — их собственным представленіем о том, что личный интерес или интерес которіи равен интересу коллектива. Чтобы вновь войти в милость и выбратъся на политическую арену, чтобы получить новыя возможности вести интриги и маневрировать, — всѣ средства были пригодны, начиная с лжи. Точно также особое пониманіе их преходящаго или конечнаго интереса развязало языки тѣм же интриганам, пронырам и лжецам во время слѣдствія и на засѣданіи суда для новых заявленій о виновности, о сожалѣніи, о раскаяніи. Когда — то они произносили изступленные панегирики Сталину, употребляя во славу его всѣ превосходныя степени, злоупотребляя всѣми гиперболами; а потом, вышивая узоры по канвѣ ГПУ, признавались, что хотѣли любой цѣной сокрушить своего идола, одновременно предать и родину, вызвать войну, привести страну к пораженію, погубить режим, саботировать промышленность, транспорт, земледѣліе и прочее. И все это были потоки лжи. Лживость признаній

такая же, что и лживость дифирамбов. Для большевиков всѣх отъѣнков — это политика. Цѣлесообразность...

С 1925 года оппозиція, соперничая в ловкости и коварствѣ с правящей кликой, которая скоро свелась к одному человѣку, вступила на путь, приведшій к фальшивым признаніям и окончательному позору. До недостойных признаній были гнусныя отреченія. Когда Макс Истмэн, первый человѣкъ, которому удалось напечатать честную книгу о кризисѣ большевизма — «С тѣх пор, как Ленин умер», — гдѣ он взял под свою защиту Троцкаго, и сообщил кое-какія правдивыя свѣдѣнія о тогдашнем положеніи Россіи, Троцкій отрекся от него, обозвав автора контр-революціонером. (Позднѣе Троцкій, в письмѣ к Муралову, об'яснил, что это был с его стороны чисто тактической шаг). Когда друзья за-границей опубликовали знаменитый документ, извѣстный под именем «завѣщанія» Ленина, то Троцкій и Крупская отрицали его достовѣрность, несмотря на то, что документ этот именно Крупской был передан лично через Троцкаго (опять цѣлесообразность...). Когда группа французских коммунистов и синдикалистов рѣшила противостать «большевизаціи» и, между прочим, принять на себя защиту Троцкаго против официальной большевистской клеветы, Троцкій также отрекся от них, назвавши и их контр-революціонерами (все та же тактика, цѣлесообразность...). А когда всѣ коммунистическія оппозиціонныя группы в С.С.С.Р. совершили непоправимую ошибку, образовавъ «блок», т. е. одно цѣлое из неразрѣшимых противорѣчій, то при первом же испытаніи великіе тактики большевистско-ленинской «реальной политики» отреклись от своего болѣе слабого, но наиболѣе почтеннаго союзника — рабочей оппозиціи, — сдѣлав это в формах менѣе унижительных для нея, чѣм для самих себя; затѣм отреклись друг от друга и, распылившись окончательно и переходя от разоблаченія к разоблаченія, к взаимному отрицанію, унижали самих себя во имя цѣлесообразности, пока все не кончилось смертью.

Таково моральное паденіе, приведшее к печальному эпилогу в видѣ московских процессов, к безстыдству, равнаго которому нѣтъ в исторіи, в особенности, в исторіи революцій. Ввести новшества в этой области выпало на долю большевиков как лѣвых, так и правых и центра. Послѣ аморализма — имморализм; послѣ имморализма — цинизм. От тактики к маневрированію и проискам,

отсюда — к цѣлесообразности; от благочестивой лжи ко лжи нечестивой. Так послѣдователи Ленина, катясь по наклонной плоскости, дошли до жутких признаній, возмущающих цивилизованный мір, напоминающих сцены из времен Іоанна Грознаго, когда бояре, которых пытали, среди воплей, страданій, возносили хвалу деспоту. Между Сталиным, который не убит, и его безудержными льстецами, которых он преспокойно убивает под предлогом раскрытія их преступных намѣреній, напрасно было бы искать различія по существу.

Не Бухарин ли в своей памятной интимной бесѣдѣ с Каменевым, протокол которой передавался под полюю в Россіи и был затѣм напечатан за-границей в «Соц. Вѣстникѣ» (номера 6 и 9, 22-го марта и 4-го мая 29 г.), не Бухарин ли осуждал там Сталина за то, что он не предложил ни к кому примѣнить высшую мѣру наказанія со времен шахтинскаго процесса? Не очутившійся ли в изгнаніи Троцкій протестовал против сравнительной мягкости, которую проявил Сталин, пощадив осужденных на смерть в процессах промышленников и меньшевиков? Преслѣдуемые сохранили безтѣни смущенія свою душу преслѣдователей. Не Бухарин ли, в борьбѣ с легальной и лояльной оппозиціей в 1923 г., пустил в обращеніе клеветническую легенду о попыткѣ лѣвых большевиков арестовать Ленина во времена Брест-Литовска, — легенду, которой Сталин потом воспользовался, чтобы задним числом сочинить заговор на жизнь Ленина в 1918 году и приписать его самому Бухарину 20 лѣт спустя? Иные, пожалуй, в этом рикошетном ударѣ, которым удесятеренная ложь смертельно бьет теперь ея творца, увидят проявленіе имманентной справедливости. И поэтому понятно, что долгія размышленія Бухарина в заточеніи привели его к безнадежному выводу, который мог бы стать надгробным словом о большевизмѣ: «Если ты умрешь, то во имя чего? А если тебя оставят в живых, то во имя чего ты будешь жить? На эти вопросы есть только один отвѣт: черная пустота».

Отвѣтственность, которая лежит на оппозиціи, на всѣх коммунистических оппозиціях, не менѣе значительна и в другой плоскости: именно Пятаков, в статьѣ, помѣщенной в «Правдѣ» под названіем «За Руководство» (23 дек. 1929 г.), первый провозгласил Сталина недосыгаемым вождем и дал толчок бессмысленной оргіи восхваленій. Это Бухарин, перед 17-м с'ѣздом Партіи, в 1934 г., возславил Сталина «фельдмаршалом революціонной ар-

ми». Это Зиновьевы, Каменевы и прочіе Радеки, считая, что они перехитрят других, стремились перещегоолять в «подхалимажѣ» всѣх прислужников Сталина, всѣх развращенных политиков, прирученных интеллигентов, перепуганных чиновников, поглупѣвших партійцев, и конкурировали друг с другом в сервилизмѣ, смертельном для идеалов, на преданность къ которым большевики все еще продолжают ссылаться. Всѣ лгали в надеждѣ обмануть главнаго мастера лжи и помѣшать ему что-либо различить в потокѣ искусственнаго славословія, источника угодливым окруженіем. Но по части мошенничества — главный его мастер Сталин легко перегоняет их, обладая къ тому же еще и тѣм преимуществом, что его не обременяют ни теоріи, ни угрызения совѣсти. Отлично разбираясь в двойной игрѣ своих закоренѣлыхъ противников, он притворяется не понимающим их хитрости, но неизмѣнно с одной задней мыслью: обманет хорошо тот, кто обманет послѣдній. Сталину же всегда принадлежит послѣднее слово в обманѣ.

А в конечномъ итогѣ всѣ эти «громкія имена» — раздутыя или незаслуженныя репутаціи, откровенно говоря, — маленькіе люди. На самомъ дѣлѣ, это были громкія имена для Россіи того времени, когда большевики захватили все, когда только они имѣли право говорить, писать, учить, печатать и, главное, имѣли привилегію рекламы, монополію шумѣть и кричать. В режимѣ даже мало-мальски демократическом, но допускающемъ нормальное соревнованіе и соперничество, очень немногія ихъ этихъ именъ пробилась бы, развѣ что в иныхъ условіяхъ и иномъ окруженіи приобрѣли бы, можетъ быть, немного болѣе доброкачественную извѣстность. Ошибочно, какъ это часто дѣлается, смѣшивать ихъ съ дѣйствительно крупными именами русскаго революціоннаго движенія прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Въ всякаго сомнѣнія, только немногіе большевики, выдержавъ испытаніе времени и серьезной оцѣнки, займутъ мѣсто среди выдающихся именъ, которыя отмѣтитъ исторія. Ибо эта партія задушила индивидуальныя цѣнности, какъ она уничтожила цѣнности моральныя. Но это уже новая тема, которая отдаляетъ насъ от... феноменологіи признаній; она заслуживала бы особаго рассмотрѣнія.

Какъ во всякомъ обществѣ, умонастроеніе правящей касты и здѣсь в извѣстной мѣрѣ наложило отпечатокъ на тѣ круги, изъ которыхъ она сама рекрутируется. Практика большевистской лжи, столь почитаемой в единой партіи, силою вещей и слабостью лю-

дей, должна была распространиться и вокруг партіи, сначала как процесс естественной самозащиты, затѣм как способ преуспѣть, наконец, как линія наименьшаго сопротивленія, а главным образом, как слѣд рабства. Ложь слѣдует шаг за шагом за террором, который, начавшись с центра, перешел на периферію, чтобы затѣм мало по малу вернуться вспять к исходному пункту, гдѣ он сейчас бьет ключем в предательских процессах, в порядкѣ уничтоженія «старой гвардіи» коммунистов. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго в том, что одни и тѣ же признанія, одна и та же ложь повторяются на разных процессах, повторяются из разных уст, русских и нерусских, большевистских и меньшевистских, — одинаковыя причины вызывают одинаковыя слѣдствія в одинаковых тоталитарных условіях. Поверх «черной пустоты», о которой говорил Бухарин, заря новой эры займется над Россіей лишь в тот день, когда обстоятельства дадут возможность послѣ лжи процессов начать процесс великой лжи.

Б. Суварин.

ХРОНИКА

Международное положение

Когда эти строки посылаются в печать, Европа стоит перед новым совершившимся фактом, болѣе грозным, чѣм все предыдущее, о которых идет рѣчь в нашем послѣдующем обзорѣ. Австрія перестала существовать, как независимое государство. «Законом», об'явленным Зейсс - Иквартом, который замѣнил ушедших в отставку канцлера и президента Австріи, это государство об'явлено составной частью рейха, а соответственный «закон», провозглашенный в Германіи, превратил это постановление в органическую часть германской конституціи. С. - Жерменскій договор отброшен без церемоніи, как ненужная бумага, — и с ним отпадает новая существенная часть побѣды союзников. Все тѣ, кто годами протестовал в дипломатическом порядкѣ против аншлусса, не двинули пальцем для его предупрежденія, а частью даже поощрили Шушнига на его послѣднюю мѣру (плебисцит), ускорившую рѣшеніе Гитлера. Италія послушно примирилась с появленіем германских войск на Бреннерѣ — по дорогѣ к Триесту, — и Муссолини заслужил сердечную благодарность Гитлера. Все мѣропріятіе произведено было в расчетѣ на полнѣйшую безнаказанность, без примѣненія оружія. Желаящіе могут утверждать, что здѣсь исполняются вѣковья мечта германскаго народа. Демонстративный «энтузіазм» австрійских наци и отсутствіе всякаго сопротивленія внутри служат к подтвержденію такого толкованія и к успокоенію государств, не исполнивших своего долга перед собой и перед Европой.

Нужно, все же, прибавить, что отсутствіе сопротивленія об'ясняется и тѣм, что Австрія имѣет вид *завоеванной* страны, а масса арестов, убійств и самоубійств показывает истинныя настроенія покореннаго насиліем народа. Цифры предпринятаго Гитлером контр-плебисцита ничего не докажут.

Трудно исчислить в данную минуту все послѣдствія совер-

шившагося. Взгляд на прилагаемую картограмму лучше длинных разсуждений иллюстрирует эти возможные послѣдствія. Германскія войска в Австріи окружают теперь с трех сторон Чехословакію, а неокруженная часть ея граничит с Польшей и Венгріей, которыя обѣ являются претендентами на раздѣл восточной поло-

Печатаемая здѣсь карта заимствована из «Mein Kampf» Гитлера и отражает его неизмѣненные намѣренія. Зачерненное пространство (включая Австрію под № 2) соотвѣтствует объявленной нынѣ Гитлером «Великой Германіи». Она составляет около 75 милл.: цифра, объявленная Гитлером. Въ Великой Германіи остаются: Чехословакія (3,5 милл., введенные, повидимому, в счет опекаемых Гитлером «10 милліонов»), Югославія (750.000), Италия, Швейцарія, Франція и Бельгія, отмѣченные на картѣ точками. Не отмѣчены, но имѣют нѣмецкое населеніе: Венгрія, Румынія, Балтійскія государства. Всего «неприсоединенных» в Европѣ можно насчитать, по германским цифрам, до 9 милліонов; в Соед. Штатах 9 милл., в Южной Америкѣ около 1 милл., в Азіи, Африкѣ и Австраліи около 275 тысяч.

вины чешскаго государства. Берлин, правда, успокоил Чехословакію относительно ближайшей опасности, а Франція подтвердила Осусскому свою готовность защищать Чехословакію оружіем от нападенія. Но Гитлер давно уже заявил, что для него «эпоха сюрпризов закончена», — и это не помѣшало дальнѣйшим «сюрпризам»; не пренятствует и новым — с тѣх пор, как защита «десяти милліонов германцев», живущих внѣ рейха, официально об'явлена внутренней государственной задачей рейха. На той же картограммѣ можно видѣть, что угроза германскаго сосѣдства стала актуальной для Италіи, с ея приобрѣтеніями от Австріи, для Югославіи с ея 600.000 нѣмцев, для Венгрии, с ея дунайскими перспективами. Таким образом, вся центральная Европа оказывается во власти «германскаго мира».

Нам, однако, нѣтъ надобности мѣнять что-либо существенное в дальнѣйшем изложеніи, которое подводит читателя вплотную к тому, что произошло 13 марта. О дальнѣйших послѣдствіях совершившагося громаднaго сдвига нам придется рассказать уже в слѣдующих номерах «Р. З.».

Достаточно просмотрѣть список важнѣйших событій за первые три мѣсяца текущаго года, напечатанный в концѣ этого отдѣла, чтобы убѣдиться, что международное положеніе в Европѣ достигло крайней степени напряженія. О «разоруженіи» теперь говорят иногда только в Англии, — как об идеальѣ отдаленнаго будущаго. Тоталитарныя державы наперерыв утверждают, что они готовы к конфликтам, — и своим поведеніем постоянно создают поводы для этих конфликтов. Готовность Германіи доказывал цифрами Гитлер в своей рѣчи 20 феврала, а актом 13 марта он ее подтвердил. Италія, рискуя банкротством, обратила всѣ свои ресурсы на усиленіе вооруженій. Японія на ту же цѣль постоянно требует от парламента новых кредитов. Демократическим государствам приходится слѣдовать этому примѣру, признаваясь в то же время в излишней довѣрчивости к мирным намѣреніям противников и в отсталости своих вооруженій. Англія ассигновала на их пополненіе громадныя суммы, и Чемберлен предупредил палату о возможности дальнѣйших увеличеній. Франція, признавши отсталость, в особенности, своей авіаціи, также увеличила значительно военные кредиты и создала единогласным рѣшеніем палат неприкосновенный фонд національной обороны. В виду трудности фи-

нансировать этот фонд, Шотан должен был поставить вопрос о до-вѣрїи и открыть министерскій кризис, а новое министерство Блю-ма поставило вопрос об усилении вооруженій в первый же день своего существованія.

Было-бы невозможно в этом кратком обзорѣ перечислить всѣ тѣ обстоятельства, которыя сдѣлали эту политику вооруженій не-избѣжной — и заставляют постоянно ускорять ея темпы. Положе-ніе, которое сложилось в первую треть 1938 г., готовилось уже в течение нѣскольких предыдущих лѣт. Вызванныя им опасенія бы-ли настолько серьезны, что уже в прошлом году возможность во-еннаго конфликта не считалась исключенной. Теперь о ней откры-то говорится не только в печати, но и в публичных заявленіях от-вѣтственных государственных людей. Этой быстро растущей опас-ностью и диктуется необходимость спѣшных вооруженій, которая послѣ 13 марта стала очевидной для всѣх.

Найти источник этой опасности — не представляет, конечно, ни малѣйшаго затрудненія. Этот источник — агрессивная поли-тика трех держав, одинаково преслѣдующих цѣли, достиженіе ко-торых, во всей их полнотѣ, без вооруженнаго конфликта явно не-возможно. Однородность их стремленій подчеркивается уже тѣм, что онѣ демонстративно вступили друг с другом в дружественныя отношенія, рекламируя их лозунгом «ось Рим — Берлин — Токио». Мотивы сотрудничества, правда, различны: для Германіи — ре-ванш и рах германіса, для Италіи — созданіе средиземной «им-періи», для Японіи — изгнаніе бѣлой расы из Азіи. Но способ дѣйствій их одинаков. Конечно, онѣ предпочли бы достигнуть сво-их цѣлей без войны, одним запугиваніем мирно настроенных де-мократических государств, — как и поступает с неизмѣнным ус-пѣхом Германія. Отсюда шум и треск их публичных выступленій, их предварительныя частичныя «пробы силы», их широко раз-вернутая идеологическая пропаганда. Ничего подобного — уже по самому существу этого метода борьбы — демократическія го-сударства противопоставить им не могут. Если тоталитарныя го-сударства преувеличенно хвалятся своей готовностью к конфлик-ту, то демократіи столь же преувеличенно настаивают на мирѣ и публично признаются в своей неподготовленности. Это усиливает смѣлость противников и толкает их на рискованныя дѣйствія, ба-лансирующія на самой грани терпимаго даже для самых упорных миролюбцев и миротворцев.

Надо признать, что в результатѣ такого столкновенія тактик многое уже достигнуто державами - агрессорами. Это многое уже само по себѣ достаточно, чтобы подкопать основы существовавшего ранѣе европейскаго и міроваго равновѣсія. К смѣщенію равновѣсія, установленнаго Версалем, агрессоры шли сознательно, тогда как миролюбцы не рѣшались отпарировать их смѣлые шаги и тѣм пропускали рѣшающіе моменты. Опять - таки, мы не можем здѣсь напоминать, как *слабалось* постепенно из отдѣльных моментов существующее теперь положеніе. Достаточно будет отмѣтить, какой окончательный вид оно приняло к 1938 году. Прежде всего, гражданская война в Испаніи, усердно поддерживаемая итальянскими и германскими вооруженіями и человѣческим матеріалом, привела к существенному измѣненію положенія в западной части Средиземнаго моря. Устройство итальянскаго центра авіаціи на о. Майоркѣ считается уже как - бы совершившимся фактом. Всѣ попытки добиться «невмѣшательства» Италіи и Германіи в испанскія дѣла не только не привели к желательному результату, но, напротив, вызвали недвусмысленныя заявленія Гитлера и Муссолини, признавших открыто свой интерес и свою доли участія в опредѣленном исходѣ этой войны. К концу 1937 года нападенія аэропланов и подводных лодок «неизвѣстнаго происхожденія» на французскіе и британскіе пароходы сдѣлались обычным явленіем. Этому не помѣшала даже рѣшимость Англии и Франціи защищать свои суда вооруженной силой. Засѣданія лондонской комиссіи о невмѣшательствѣ давно уже приобрѣли комическій оттѣнок. Ген. Льяно недавно заявил, что надѣется выгнать «англійских пиратов» из Гибралтара. А Италія потребовала участія в завѣдываніи Суэцким каналом и сосредоточила свои войска в Ливіи. Таким образом, свободное мореплаваніе по всему Средиземному морю — этот путь Франціи к ея африканским колоніям, а Англии — к азіатским, очутился в опасности быть прерванным в случаѣ военнаго столкновенія с Италіей и с Испаніей Франко. Послѣдніе успѣхи Франко на арагонском фронтѣ грозят и Франціи открытіем, в случаѣ войны, третьяго фронта послѣ германскаго и итальянскаго.

Другая, не менѣе серьезная причина нарушенія установившагося міроваго равновѣсія заключалась в нападеніи Японіи на Китай. Было - ли это нападеніе заранѣе условлено в связи с испанской войной, мы не знаем; но совпаденіе — на пространствѣ

одного года (июль 1936 — июль 1937) двух войн на двух окончательностях возможного театра войны едва-ли могло быть случайным. Англия этим отвлекалась от сотрудничества с Францией в средней Европе и на Средиземном море, ибо принуждена была сосредоточить все свое внимание на охране своих дальневосточных владений. Спешное укрепление Сингапура и перевод туда британской эскадры свидетельствуют о том, что необходимость эта уже принята в расчет; это объясняет и перемены в намеченной дислокации английского и французского флотов. Это же объясняет и потребность Англии по возможности сговориться с Германией в Европе и с Италией на Средиземном море, сделав об этом даже серьезные уступки. Уверенность Чемберлена, что договор с Италией будет нетруден, основывалась, очевидно, на сведениях о крайне затруднительном материальном положении диктатора. На потребности сговориться основывалась и решимость английского премьера разстаться с министром иностранных дел Иденом, настаивавшим на более решительном тоне и на меньшей готовности к уступкам в переговорах с Италией. В сущности, впрочем, и ушедший в отставку министр держался той — же политики выигрыша времени, пока Англия окончит свои вооружения. Разница только в приемах более или менее откровенной политики уступок. Выбор момента для переговоров с Италией, очевидно, определялся тем, что как раз теперь Италия должна была почувствовать себя отодвинутой на второй план политикой Гитлера относительно Австрии. Успех политики аншлуса застает английскую дипломатию в том — же положении нерешительности и словесных деклараций.

В чем, в самом деле, состояла за это время политика Гитлера? Его обширные дальнейшие планы уступили место очередной политике заглывания листов средне — европейского «артишока». Он, а за ним Геринг, заговорили в агрессивном тоне о «десяти миллионах немцев», живущих вне пределов Германии, как о ближайшем объекте особой патриотической заботливости германских националистов. Это была цѣлая программа. Чистка генералов и дипломатов, начатая 4 февраля, находилась в очевидной связи с этой переменной директив во внешней политике. За этим уже логически слѣдовала 12 февраля десятичасовая беседа с вызванным в Берхтесгаден австрийским канцлером: Гитлер ультимативно потребовал от него формального права вмешательства наци во внутреннее управление Австрии. Прежде чем решиться, Шушниг за-

просил Рим, Париж и Лондон. Отовсюду он получил отказ в поддержке. В сущности, эта позиция воздержания уже подготовлялась в результатѣ прошлогодней поѣздки лорда Галифакса за информацией к Гитлеру и его бесѣды в Берхтесгаденѣ 19 ноября. Гитлер дал тогда недвусмысленно понять Галифаксу, что готов обезпечить границу на Рейнѣ, если ему дадут свободу рук в центральной и восточной Европѣ. Что касается Италіи, он тогда же прибавил, что с ней Англія может стовариваться отдѣльно, ибо в этом он не заинтересован. Это означало, что в борьбу на Средиземном морѣ Гитлер готов не вмѣшиваться, если его контрагенты предоставят ему рѣшить судьбу Австріи и Чехословакии. Этим предопредѣлялась и возможность отдѣльных переговоров Англіи с Италіей, и невмѣшательство Италіи в судьбу Австріи. Лорд Галифакс, не случайно замѣнившій Идена, может быть, и повел-бы немедленно - же англійскую политику в направленіи дальнѣйшаго сближенія с Германіей цѣною умыванія рук в судьбѣ средней и восточной Европы. Но для Франціи, и без того уже слѣдовавшей довольно пассивно за политикой Англіи, это значило итти черезчур далеко. Ее все же связывал с средней и восточной Европой пакт с СССР и союз с Чехословакіей. Кромѣ того, и реакція со стороны общественнаго мнѣнія склонялась в пользу поддержки — сперва Австріи, а послѣ 13 марта, хотя - бы Чехословакии. Мы получили, в результатѣ, из Праги и Вѣны двѣ мужественныя рѣчи: Шушница 22 февраля и (послѣ безцеремоннаго повторенія угрозы в рѣчи Геринга 1 марта) Годжи и Бенеша 4 марта.

Увы, попытка Шушница не имѣла продолженія. Его рѣшимость — произвести плебисцит в пользу независимости была немедленно пресѣчена насильственным вмѣшательством Гитлера. Другіе «малыя» государства центральной Европы давно уже не вѣрили в поддержку демократических государств в случаѣ неравнаго спора с Гитлером — и заблаговременно приняли свои мѣры. Прошлогодняя поѣздка Дельбоса (2 - 19 декабря) в Варшаву, Бухарест, Бѣлград и Прагу — с цѣлью удостовѣриться в степени прочности дружбы этих государств с Франціей — дала очень яркіе, почти демонстративно - отрицательные результаты. В Варшавѣ Дельбосу дали понять, что степень дружбы Польши зависит от степени активности французской политики. Бухарест не скупился на высшія выраженія чувств; Стоядинович наканунѣ пріѣзда Дельбоса сѣздил на недѣлю в Италію, а в Бѣлградѣ привѣтствовали

французскаго министра преимущественно противники правительственной политики. Только Прага осталась вѣрна своимъ обязательствомъ и своимъ демократическимъ симпатіямъ. Тотчасъ по от'ѣздѣ Дельбоса изъ Бухареста король отставилъ франкофильскій кабинетъ Татареско и, къ общему изумленію, взялъ в преемники ему черносотенца и антисемита Гогу, попытавшася подражать Гитлеру, — если даже не превзойти его. Полковникъ Бекъ поѣхалъ на 13 - 14 января в Берлин — совѣщаться съ Гитлеромъ, Герингомъ и Нейратомъ; 17 января в Варшаву пріѣхала официальная делегація отъ германской арміи, и в тотъ же день Гитлеръ съ Стоядиновичемъ сговаривались о «прочной дружбѣ и полезномъ сотрудничествѣ». Чтобы пополнить этотъ списокъ демонстрацій антифранцузскихъ настроеній малыхъ державъ, надо прибавить еще совѣщаніе Балканской Антанты в Анкарѣ съ ея деклараціями о признаніи Абиссиніи, о независимости отъ Лиги Націй и объ установленіи дипломатическихъ связей съ Франко. Это было уже своего рода демонстраціей противъ политики демократическихъ державъ.

Среди обрисованной нами ломки отношеній, основанныхъ на старомъ послѣверсальскомъ равновѣсіи, каково было положеніе совѣтской Россіи? В этой прежней системѣ она, было, нашла себѣ довольно прочное и видное мѣсто, благодаря политикѣ, проводившейся Литвиновымъ. Онъ былъ авторомъ лондонскихъ резолюцій противъ «агрессора»; онъ демонстративно поддерживалъ политику коллективной безопасности, договоровъ о «ненападеніи», и оказался съ своимъ «пактомъ» в центрѣ проповѣди «недѣлимаго» мира. Но вмѣстѣ съ неудачами Лиги Націй, оказавшейся безсильной противъ итальянскихъ, японскихъ и германскихъ захватовъ, звѣзда Литвинова померкла. Намѣчался и в Москвѣ какой-то поворотъ. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ опредѣлиться — в сторону-ли Германіи или в сторону міровой революціи — Европа, демократическая, какъ и тоталитарная, сама начала повертывать спину СССР. Не столько даже терроръ Сталина, самъ по себѣ возбуждавшій чувства гадливости и презрѣнія къ московскому варварству, сколько обезглавленіе посредствомъ безсудныхъ разстрѣловъ красной арміи и дипломатіи, сразу понизили авторитетность СССР на международныхъ вѣсахъ. Россія продолжала быть нужна — на Дальнемъ Востокѣ; в Европѣ она начала чувствоваться, какъ тяжелая обуза, не только съ идеологической, но даже и съ практической точки зрѣнія. Трудно сказать, какъ далеко пойдетъ политика уступокъ Гитлеру со стороны Англии; но,

конечно, первый балласт, который она будет готова выкинуть, чтобы добиться соглашения, будет состоять в выдачѣ западных границ Россіи, на усмотрѣніе автора «Mein Kampf». К преступленіям Сталина против Россіи в его внутренней политикѣ прибавляется, таким образом, преступленіе, наименѣе поправимое, против мірового положенія «шестой части» свѣта. И в такой момент совѣтскій диктатор нашел возможным не только дискредитировать еще раз своими вздорными обвиненіями и «добровольными» признаніями всѣх главных сотрудников строительства СССР за всѣ годы существованія режима. Он оттолкнул от себя своих заграничных друзей демонстративным напоминаніем о старой совѣтской идеологій міровой революціи, имѣющей произойти при помощи возстанія международно - организованнаго пролетаріата, против всѣх правительств міра, — все равно, тоталитарных или демократических. Естественно, что взять в попутчики подобнаго союзника никому не может быть желательно. Это настроеніе уже сказалось в отказѣ французской оппозиціи участвовать вмѣстѣ с коммунистами в кабинетѣ «національнаго единенія». И для агитаціи против совѣтскаго «пакта» Сталин сам выковал наиболѣе могущественное оружіе. Только потребность в какой - нибудь, хотя бы и проблематической поддержкѣ, нѣсколько повысила шансы СССР в самые послѣдніе дни.

П. М.

Этапы тихоокеанской проблемы

Главные политическія силы, среди которых развиваются современные отношенія в Тихом океанѣ, представляются в видѣ пятиугольника: Англія - Россія - Японія - С.Штаты - Китай. Комбинаціи этих сил и антагонизмы, развивающіеся внутри пятиугольника, составляют содержаніе политической исторіи Тихаго океана. Они же в значительной мѣрѣ опредѣляют и политическія отношенія в Европѣ. Невозможность изолировать в настоящее время европейскія дѣла от того, что происходит на берегах Тихаго океана, вытекает уже из того основного факта, что главные участники Тихоокеанскаго пятиугольника, Англія и Россія, — страны в такой же мѣрѣ европейскія, как и азіатскія. Для Россіи, а еще болѣе для Англіи, вопросы восточно - азіатскіе и европейскіе — неотдѣлимая часть одного цѣлаго. Игнорированіе этого факта объясняет, поче-

му для континентальнаго европейца политика обѣихъ странъ не всегда понятна.

Главной дѣйствующей силой в «пятиугольникѣ» до сихъ поръ остается Англія. Анализъ ея взаимоотношеній съ остальными силами «пятиугольника» является поэтому наиболѣе интереснымъ.

Наиболѣе раннія по времени взаимоотношенія, изъ всѣхъ членовъ современнаго «пятиугольника», создались между Англіей и Россіей. Ихъ вѣковой антагонизмъ, вытекающій изъ различія самой природы «континентальнаго» имперіализма и имперіализма «морского», не ограниченъ Дальнимъ Востокомъ. Русская политика исторически тянулась къ югу; ея динамикой было стремленіе къ «теплымъ морямъ» — Средиземному, Индійскому и Тихому океану. Естественно, что русскіе интересы приходили по всей линіи въ соприкосновеніе съ интересами британскими, и рядъ конфликтовъ отбрасывалъ политику Россіи отъ юга къ востоку. Въ трехъ основныхъ секторахъ — ближневосточномъ, переднеазиатскомъ и дальневосточномъ — возникали въ разное время болѣе или менѣе острыя столкновенія, сохранившія свои слѣды до настоящаго времени. Въ концѣ 18 вѣка и въ первой половинѣ 19-го наиболѣе «динамичнымъ» былъ секторъ ближневосточный: стремленіе къ Черному морю и проливамъ. Стабилизациа на этомъ секторѣ была достигнута — къ невыгодѣ Россіи — лишь къ срединѣ 19 вѣка, послѣ Крымской войны. Въ то же время «динамичнымъ» сталъ секторъ переднеазиатскій. Россія приобрѣла тутъ обширныя территоріи Туркестана. Но къ 1895 г., въ результатъ сопротивленія Англіи, положеніе стабилизировалось и на этомъ секторѣ, послѣ установленія окончательныхъ границъ съ Афганистаномъ, ставшимъ буферомъ между сферами вліянія Россіи и Англіи. Иллюзіи походовъ въ Индію исчезли, но къ этому времени русскій динамизмъ передвинулся къ сектору дальне-восточному. Исторія японско - русскаго и англо - русскаго конфликта на Д. Востокѣ, приведшая къ созданію англо - японскаго союза въ 1901 г. и потерѣ послѣдовавшей затѣмъ русско - японской войны — общеизвѣстна.

Со времени заключенія англо - японскаго союза мѣсто англо - русскаго антагонизма на авансценѣ Тихоокеанской политики занялъ антагонизмъ русско - японскій. Японія выступила, какъ аванпостъ Англіи и отчасти С. Штатовъ въ ихъ политикѣ противодѣйствія русской экспансіи на Тихомъ океанѣ. Однако, очень скоро Японія сдѣлалась и самостоятельнымъ крупнѣйшимъ факторомъ въ системѣ Тихоокеанскаго «пятиугольника». Политика Японіи съ давнихъ поръ

имѣла двѣ основных тенденціи, соотвѣтствующія двум различным устремленіям японской экспансіи — одно на азіатскій континент, другое — в южную зону океана. Конфликт между кланами и партіями, защищавшими каждую из этих тенденцій, принимал порою острые формы, и до сих пор еще не изжит, окрашивая в разные періоды вышнюю политику Японіи. Англо - японскій союз был заключен в результатѣ борьбы между кланом Чошу (партія континентальной экспансіи) и кланом Сатсума (партія морской экспансіи). Послѣдній искал сближенія с Россіей, и глава его маркиз Ито в 1901 г. ѣздил для этого в Петербург. Побѣда, однако, осталась за кланом Чошу, руководимым маршалом Ямагата. Клан этот, замѣтим, часто неправильно отождествляют с анти - русской партіей, представляющей собою лишь одно из теченій внутри клана. Политика клана в цѣлом не враждебна Россіи и не стремится к вооруженному конфликту с ней. Соглашеніе с Россіей в формѣ раздѣла сфер вліянія и, конечно, за счет Китая этот клан всегда считал предпочтительным войнѣ. Правда, война 1904 - 1905 г. г. была начата правительством клана Чошу. Но этот же клан стоял у власти и в період послѣ Портсмута, когда началось сближеніе Японіи с Россіей. Сближеніе это началось несомнѣнно под вліяніем Англій, но диктовалось оно всей измѣнившейся послѣ 1905 г. политической обстановкой, в которой новая позиція Англій по отношенію к франко - русскому союзу (работа Делькассе и Камбона) была основным элементом лишь в самом началѣ японо - русскаго сближенія. Соглашеніе Японіи и Россіи 1907 года было заключено одновременно с русско - англійским и японо - французским. Но уже слѣдующій русско - японскій договор, исключавшій всякое вмѣшательство третьей державы в Манчжуріи, был вызван самостоятельным фактором — извѣстным предложеніем С. Штатов о нейтрализаціи желѣзных дорог в Манчжуріи (проект госуд. секретаря Нокса 1909 года, осуществленный десять лѣтъ спустя в урѣзанном видѣ, в формѣ технического к-та Стивенса на Кит. - Вост. ж. д.). Сближеніе Россіи с Японіей все больше выявляло собственные интересы договаривающихся сторон: по соглашенію 1912 г. Россія установила протекторат над Вышней Монголіей, Японія же аннектировала Корею. Послѣдній до революціи договор, заключенный секретно Сазоновым с Мотоно в 1916 году, является по существу уже оборонительно - наступательным союзом,

почти откровенно направленным против дальне - восточной политики С. Штатов.

Тихоокеанскую политику С. Штатов нельзя понять, если не принять во внимание двух существенных обстоятельств. Первое — это то, что американский империализм слишком долго шел в хвостъ английскаго и сдѣлался самостоятельным фактором лишь тогда, когда главныя сферы вліянія в восточной Азіи были уже подѣлены. Второе было отчасти слѣдствіем перваго: американский империализм принял и продолжает сохранять, прежде всего, экономическій характер.

Слѣдованіе в хвостъ Англии было, однако, небезвыгодным для С. Штатов, т. к. позволяло им пользоваться всѣми плодами агрессивнаго империализма, оставаясь державой «наиболѣе дружественной» к Китаю.

Столь же мало идеализма и в извѣстном требованіи Америки — «территориальной недѣлимости Китая», «открытых дверей» и «равных возможностей». Эти лозунги прикрывают весьма практично ведущуюся борьбу высоко - развитаго империализма с империализмом стран экономически болѣе отсталых. Американскій капитализм выступил против политики «раздѣла сфер вліянія», ибо эта политика закрывала для него лучшія части китайскаго рынка. Русскій и японскій капитализм не мог бороться с американским иначе, как путем протекціонизма, привилегій и монополій, устанавливаемых в сферах своего вліянія. Для американскаго же мощнаго капитализма сфера вліянія — весь Китай. Быстрота, с которой американцы вытѣснили из Китая русскую нефть, прекрасно доказала, что «открытыя двери» и «равныя возможности» обеспечивают неизбѣжно господство американскому капитализму.

До Портсмутскаго мира американская оппозиція политикѣ «сфер вліянія» была направлена, главным образом, против Россіи. Послѣ Портсмута — столько же, если не больше, против Японіи. Предложеніе Нокса и позднѣе Тафта было направлено в равной мѣрѣ против Россіи и Японіи и не могло не способствовать сближенію обоих государств. Что же касается Англии, то она, как всегда, оставляла себѣ роль посредника и арбитра. Ея одновременное участіе в «тройственном согласіи» и в англо - японском союзѣ дало ей возможность вскорѣ создать «четырехстороннее дальне - восточное соглашеніе» Англии, Россіи, Франціи и Японіи и изолировать таким образом Германію; но вмѣстѣ с тѣм она под-

держивала контакт с С. Штатами, направляя ей вниманіе к Сѣв. Китаю и отвлекая от долины Янцзе.

Таким образом в послѣдніе годы перед великой войной политика основных сил «Тихоокеанскаго пятиугольника» выяснилась (пятый член — Китай — все еще оставался лишь безпомощным объектом этой политики). Извѣстное равновѣсіе было достигнуто. В дальнѣйшем это равновѣсіе, исчезнувшее во время войны, удалось установить уже в новой формѣ только один раз, послѣ Вашингтонской конференціи 1921 - 22 г., — с тѣх пор равновѣсіе установить не удастся. Основные элементы, создавшіе равновѣсіе до войны, были слѣдующіе. Первым и наиболѣе существенным элементом являлось то, что Китай разсматривался, как обреченный на распад. Вторым элементом была система союзов между наиболѣе заинтересованными державами, превратившаяся стараніями Англій в «четырехстороннее соглашеніе», распредѣлившее, в ожиданіи раздѣла Китая, «сферы вліянія» между его участниками. Третьим — было раздѣленіе Европы на два блока и, как слѣдствие, изоляція Германіи на Д. Востокѣ. Наконец, четвертое — паденіе интереса к дальне-восточным дѣлам со стороны С. Штатов послѣ выборов президента Вильсона. Смѣна періодов активнаго интереса к Д. Востоку, послѣ первых же неудач, періодами абсентизма — характерная черта дальневосточной политики Соед. Штатов, с которой мы встрѣтимся и в дальнѣйшем.

С началом великой войны равновѣсіе на Д. Востокѣ оказалось сразу же нарушенным. Руки трех участников «четырехсторонняго соглашенія» оказались связанными в Европѣ. С. Штаты, хотя и вступили в войну лишь в 1917 г., были психологически, а главное, экономически, поглощены европейскими дѣлами. Японія, оставленная одна, не замедлила воспользоваться положеніем. Исторія «21 пунктов», навязанных Китаю в 1915 г. в нарушение всѣх международных договоров, общеизвѣстна. Японіи не удалось установить этим актом длительного протектората над Китаем, но зато акт этот выявил, пожалуй даже яснѣе, чѣм знаменитый меморандум Танака, истинные планы Японіи. Державы безсильны были оказать этим планам какое - либо сопротивленіе. По мѣрѣ того, как война в Европѣ затягивалась, положеніе Японіи только усиливалось. В 1917 году оно достигло апогея. Военное могущество Россіи было

сломлено. Вступление в войну С. Штатов отвлекло послѣднюю великую державу от тихоокеанских дѣл. Но главным было то, что успѣхи центральных держав ставили под сомнѣніе вѣрность Японіи союзникам. Германія уже дважды предлагала Японіи совмѣстно с Россіей сепаратный мир (каблограмма Сазонова послам в Лондонѣ, Парижѣ и Токио, 11 мая 1916 г.).

Союзникам приходилось ухаживать за Японіей: они признали ея особыя права в Шаньдунѣ и ея претензіи на германскіе о-ва. Даже Вашингтон, в поправленіе всѣх своих «доктрин», признал в конвенціи Лансинг - Иши 1917 г. «спеціальные интересы Японіи в Китаѣ», что называли в свое время актом предательства по отношенію к Китаю. Тѣм болѣе, что незадолго до этого Китай вступил в войну, под давленіем Америки, взявшей на себя «моральную отвѣтственность»...

Какова была бы судьба Тихаго океана в случаѣ побѣды центральных держав, — сомнѣваться не приходится. Но и послѣ побѣды союзников наступленіе Японіи на континент не прекратилось. Только центр тяжести его перенесся на русскій Д. Восток: Англія и Франція, занятая версальским устройством Европы, не были враждебны тому, чтобы японская агрессія была отвлечена от Китая в сторону сов. Россіи. Японская «интервенція» в Россіи имѣла свою программу - максимум: созданіе японской сферы вліянія от Охотскаго и Японскаго морей до Байкала. Но была и программа - минимум: аннексія сѣв. Сахалина, рыбныя, лѣсныя, пушныя концессіи и копи в Амурской и Приморской областях и на Камчаткѣ, а также превращеніе Владивостокской крѣпости в открытый порт. Эта программа - минимум отражена в двух дипломатических документах, пред'явленных почти одновременно «бѣлым» и «красным»: первое — соглашеніе, в концѣ концов, заключенное в іюнѣ 1921 года между японским командованіем и командованіем бѣлых армій в Приморьѣ; второе — извѣстные «17-ть пунктов», пред'явленных на Дайренской конференціи делегатам Дальневосточной республики.

И все же, несмотря на исключительно благоприятные для Японіи факторы, комбинація которых больше не повторится, двойное наступленіе ея на континент — против Китая и против Россіи — оказалось сломленным. Японіи не удалось осуществить ни своей программы - максимум, ни даже программы - минимум, ей пришлось покинуть всѣ занятія ею за время войны и интервен-

ці позиції. Она оказалась вынужденной эвакуировать, послѣ 8-милѣтней оккупаціи, Шаньдунь, очистить, послѣ почти 4-лѣтней оккупаціи, русскій Д. Восток, оказалась вынужденной отказаться от 20-лѣтняго союза с Англійей, принять договор 4-х держав и согласиться на отношеніе 3-х к 5-ти своего флота к флоту англійскому и американскому. Капитуляція произошла без единого выстрѣла, исключительно в силу создавшейся международной обстановки, которую Японія оказалась не в силах преодолѣть. Как в 1895 и 1905 г. г., послѣ войн с Китаем и Россіей, несмотря на блестящіе военные успѣхи, Японія встрѣтилась с антагонизмом держав, заставивших ее удовлетвориться весьма скромными результатами, так и теперь японская агрессія потерпѣла еще большее крушеніе в результатѣ Вашингтонской конференціи в 1922 г.

Что же явилось основным фактором, позволившим достигнуть столь рѣшительных результатов исключительно дипломатическим путем? Только одно, — но этого одного было достаточно, — начавшееся послѣ войны сближеніе Англии с С. Штатами и их тѣсное сотрудничество, обозначившееся к 1922 г. Англо - американское сотрудничество было единственным, но вполне достаточным базисом для созданія новаго равновѣсія сил, взамѣн разрушеннаго равновѣсія до-военнаго. Это обстоятельство не слѣдует упускать из виду. Послѣдующее нарушеніе равновѣсія в 1931 г. и нынѣшнія событія с іюля 1937 г. стали возможными лишь потому, что этот основной фактор равновѣсія исчез. Тѣсное сотрудничество между двумя англо - саксонскими державами смѣнилось сравнительно скоро скрытым, а временами и болѣе явным их антагонизмом. Анализ этого антагонизма дает главный ключ к пониманію нынѣшняго конфликта и его возможной эволюціи в дальнѣйшем.

Важно отмѣтить и то, что система равновѣсія, установленная в 1922 г., кардинально отличается от той, которая создавалась до мали всѣ участники соглашенія, и даже со стоявшей впѣ соглашеніе», основанное на раздѣлѣ сфер вліянія в Китаѣ. Здѣсь — договор 4-х держав, основанный на принципѣ прямо противоположном — «недѣлимости и цѣлостности Китая». Первый принцип принимали всѣ участники соглашенія, и даже со стоявшей впѣ соглашенія Германіей компромисс на основѣ этого принципа достигался иногда без труда, С. Штаты же до войны не представляли из себя той силы в міровой политикѣ, какою они стали послѣ войны. До-

военное равновѣсіе таким образом было сравнительно устойчивым. В новом равновѣсіи западныя державы пошли за С. Штатами, скрѣпя сердце. Что же касается Японіи, то для нея Вашингтонскій договор был подлинным «диктатом». Это обстоятельство нужно твердо помнить. Только уяснив себѣ извѣстную аналогію между Вашингтоном и Версалем, можно понять аналогичную природу японскаго и германскаго «ревизионизма», приведшую в концѣ концов к их союзу между собой.

Слабым мѣстом Вашингтонской системы (как и Версальской) было еще и отсутствіе в ней Россіи. И сближеніе Японіи с сов. Россіей на востокѣ, начавшееся послѣ 1922 г., было таким же естественным послѣдствіем Вашингтона, как сближеніе Германіи с сов. Россіей (Раппало) было послѣдствіем Версаля. Больше того, в 1925 - 26 г. строились планы созданія блока из Германіи, сов. Россіи и Японіи в противовѣс блоку англо - саксонскому. Если этот блок не удалось осуществить, то не по винѣ Токио. Берлин не пожелал рвать окончательно мосты возможнаго соглашенія с Лондоном, Москва же увлеклась революціонными перспективами націоналистическаго движенія в Китаѣ.

О періодѣ совѣтской «интервенціи» в Китаѣ и о работѣ Бородина писалось много. Существенно отмѣтить здѣсь то, что успѣхами своими в Китаѣ, по крайней мѣрѣ в первой их стадіи, сов. Россія обязана была Японіи, желавшей создать противовѣс англо-саксонскому блоку. Первые шаги сближенія сов. Россіи с Пекином и особенно с Чжанзолином были облегчены Японіей (почти то же повторилось послѣ событій 1931 года, но с другой стороны: для созданія противовѣса Японіи, сов. Россія была признана С. Штатами, и были возобновлены ея дипломатическія сношенія с Китаем). Даже «Бородинскій» період дѣятельности сов. Россіи, сосредоточенный на югѣ и в долину Янцзе и направленный, главным образом, против Англии, не мог вызывать большого неудовольствія со стороны Японіи...

Крушеніем «Бородинскаго» періода и разрывом Чжанкайшека с сов. Россіей начинается новый період дальневосточной политической исторіи, закончившейся оккупаціей Манчуріи в 1931 г. С исчезновеніем совѣтскаго «противовѣса», усилилось вліяніе великих держав, особенно С. Штатов, видѣвших в успѣхах Чжанкайшека подтвержденіе своих надежд на об'единенный и консолидированный Китай.

Період 1927 - 1931 г. г. был періодом наибольшей активности С. Штатов в Китаѣ, наибольшаго интереса американцев к китайским дѣлам. С. Штаты первые признали правительство Чжанкайшека, первые отказались от боксерской контрибуціи и восстановили таможенную автономію Китая. Другія державы должны были послѣдовать примѣру С. Штатов. Но в начавшемся процессѣ экономической реконструкціи Китая С. Штаты сохранили руководящую роль.

Американскій совѣтник Кеммерер занялся финансовой «реконструкціей», амер. совѣтник Мангелль — жел. - дорожной «реконструкціей», американцами создается коммерческая авіація в Китаѣ, развивается радіо - телеграфная сѣть... Такое положеніе не могло не волновать Японію, не могло не усиливать японо - американскаго антагонизма. Но оно же способствовало и созданію другого, болѣе важнаго фактора — развитію антагонизма между С. Штатами и Англійей. В самом дѣлѣ, перед Японіей встали вопросы: кто будет доминировать в экономической реконструкціи Китая, кто возьмет в свои руки практическое разрѣшеніе жел. - дорожной проблемы в Китаѣ, постройки дорог, каналов, авіаціи? Каким образом произойдет и в чью пользу будет направлено экономическое развитіе Китая? Но эти же вопросы встали одновременно и перед Англійей, положеніе которой, послѣ едва закончившагося бойкота, только начинало восстанавливаться в Китаѣ. Надо ли удивляться, что вмѣстѣ с охлажденіем англо - американских отношеній, начались попытки новаго сближенія Англии с Японіей. Оккупацию Манчжуріи ошибочно считать операціей, направленной с самаго начала против сов. Россіи. В Токио у власти был кабинет «либеральный», Ямагучи - Шидехара, связанный с партией Минсейто и кланом Сатсума. Выступленіе было вызвано распространеніем власти Нанкина на бывшую 10 лѣт «автономной» Манчжурію и выявившейся угрозой распространенія на этот район вліянія С. Штатов. Операція была «превентивной» (всѣ выступленія Японіи — и в 1904 г., и в 1931 г., и в 1937 г., — носят «превентивный» характер) и заключалась она в выдѣленіи японской «сферы вліянія» из все увеличивавшейся орбиты вліянія С. Штатов. Возможной же эта операція сдѣлалась потому, что исчезла к этому времени англо - американская солидарность, оказавшаяся фатальной для Японіи в 1922 г.

Развитіе англо - американскаго антагонизма является поворотным пунктом міровой политики. Факты, послѣдовавшіе за событіями 1931 г., подтверждают это. Крупнѣйшим фактом дальневосточной политики является опубликованная гос. секретарем Стимсоном переписка его с ст. - секретарем по иностранным дѣлам Саймоном. С. Штаты в отвѣт на выступленіе Японіи совершенно опредѣленно предложили Англіи совмѣстныя дѣйствія их флотов. Это предложеніе было Саймоном отклонено...

При таком положеніи событія не могли развиваться иначе, чѣм они развивались. При молчаливом наблюденіи держав, неспособных на серьезную оппозицію, Японіи в короткій срок удалось укрѣпиться во всей Манчжуріи, заставить уйти из нея сов. Россію, постепенно проникнуть и укрѣпиться в Сѣв. Китаѣ и во Внутр. Монголіи. Через десять лѣт послѣ «великаго пораженія» в 1922 г., Японіи удастся взять блестящій реванш. Казалось даже, что с укрѣпленіем (путем хитроумных политических комбинацій, поддержанных военной угрозой) фактическаго протектората Японіи в Сѣв. Китаѣ должен наступить період извѣстной стабилизациі, что новое равновѣсіе сил будет достигнуто возвратом к старой политикѣ раздѣла «сфер вліяній». Сов. Россія, оставив с. Манчжурію, сильнѣе закрѣпилась во Внѣшней Монголіи и Синкиангѣ, заявив о намѣреніи защищать свою «сферу вліянія», если нужно, вооруженным путем. Англія сосредоточила свою дѣятельность в сферѣ своего вліянія — долині Янгцзе и вскорѣ заняла мѣсто С. Штатов в руководствѣ экономической реконструкціи, проводимой Нанкином. С. Штаты, разочарованные неудачным исходом своей активности в Китаѣ, как обычно, отстранились от китайских дѣл. Начавшійся же вскорѣ кризис и смѣна администраціи в С. Штатах только усугубили этот процесс. Налицо, таким образом, были всѣ элементы для установленія новаго равновѣсія и стабилизациі в Китаѣ...

Стабилизациі, однако, не произошло. Ибо появился новый фактор, как неожиданное послѣдствіе японской агрессіи. Фактором этим явился необычайный рост національнаго самосознанія в Китаѣ послѣ 1931 г., политическое об'единеніе Китая перед японской опасностью и блестящій період его экономической реконструкціи, не имѣющій себѣ примѣров в новѣйшей исторіи Китая. Быстро укрѣпившись в «малом Китаѣ», т. е. в свободных от японскаго воздѣйствія центральных областях, Нанкин очень скоро ста-

новится центром притяжения и для окраинных областей. После финансовой реформы, произведенной при содействии английского советника Лейт - Росса, ему удастся окончательно подчинить себе южные провинции и начать постепенно сводить на-нет создаваемый Японией сепаратизм Сѣв. Китая и Вн. Монголии. Одновременно усиливается интерес держав к быстро возрождающемуся Китаю. Англия и за ней Франция все смѣлѣе идут на помощь ему кредитами. Сов. Россія побуждает китайских коммунистов и китайскую «красную армію» прекратить борьбу с Нанкином и образовать «единый фронт». Для Японии вырисовывается угроза того, что если процесс консолидаціи Китая не будет остановлен, ей в очень близком будущем придется потерять большую часть завоеванных позицій. Новое «превентивное» выступленіе Японіи становится, таким образом, лишь вопросом времени...

Момент выступленія опредѣлился, с одной стороны, осложнившимся положеніем в Европѣ, приковавшим вниманіе Англіи к Средиземному морю, с другой стороны, ослабленіем военной мощи Россіи в результатѣ террора. Программа же выступленія оказалась на этот раз гораздо шире, чѣм в 1931 г. Неуспѣх одних политических мѣр для обезпеченія протектората Японіи в Сѣв. Китаѣ потребовал от нея военной оккупации нѣскольких провинцій, а неожиданно упорное сопротивленіе, оказанное Нанкином, вынесло борьбу за предѣлы Сѣв. Китая, поставив вопрос о разрушеніи всей національно - политической арматуры Китая с его центром в Нанкинѣ, а вмѣстѣ с тѣм и об уничтоженіи связаннаго с этим центром иностраннаго (на этот раз, главным образом, англійскаго) вліянія.

Борьба за Тихій океан вступила в послѣднюю, рѣшительную фазу.

Л. О.

ДРЕЙФ ПАПАНИНСКОЙ ЛЬДИНЫ

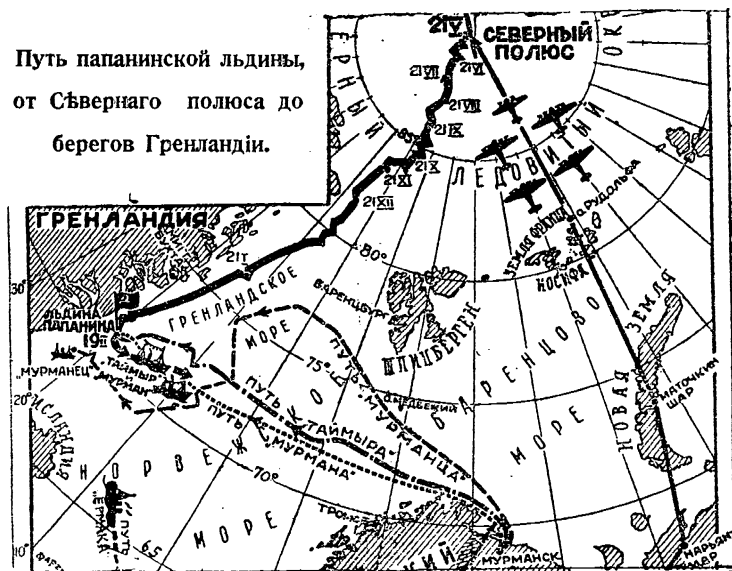
Мысль об организации систематических научных наблюдений в зонѣ Сѣвернаго полюса принадлежит Нансену. Проект устройства для этого специальной научной станціи на Сѣверном полюсѣ разработан в 1935 г. летчиком Водопьяновым. Основную цѣль Водопьянов выразил в трех словах: — «Полюс будет совѣтским».

Одобрив проект, начальник главнаго управления Сѣвернаго морско-го пути, акад. Шмидт, опредѣлил задачу нѣсколько иначе: «Мы хотим включить район Сѣвернаго полюса прочно в наш обычный круг дѣятельности, обосновавшись там надолго».

Обязанность начальника экспедиціи политбюро возложило на акад. Шмидта. Экспедиціи поручалось: 1) образовать базу на ближайшем к полюсу островѣ Рудольфа (82 град. сѣв. широты); 2) основать постоянную научную станцію на льдинѣ в районѣ полюса. Постоянную станцію должны были бы обслуживать самолеты с о. Рудольфа. Специалисты утверждали, что полярныя льдины уносятся дрейфом в Гренландское море; в этом случаѣ на базу о. Рудольфа возлагалось — переносить самолетами станцію с лдяных полей, отпльвших от полюса, на лдяныя поля, подошедшія к полюсу.

На о. Рудольфа оборудованіе и аэродром устроены были в 1935 г. Папаниным. Папанину и были предложены обязанности начальника будущей станціи на полюсѣ. Обязанности радиста будущей станціи были предложены Кренкелю. Кренкель в 1935 г. был начальником и устрои-

Путь папанинской льдины,
от Сѣвернаго полюса до
берегов Гренландіи.

телем двух научных станцій на архипелагѣ Сѣверная Земля; там он (на о. Домашнем) перенес цынгу. Для научной работы в зонѣ полюса выдвинулись кандидатуры: 1) астронома и магнитолога Федорова; 2) гидролога и біолога Ширшова. Федоров в 1932 г. на о. Гукера (архипелаг Франца Иосифа) спас Папанину жизнь при внезапном нападении бѣлаго медвѣдя; в 1934 г. он под начальством Папанина обслѣдовал Таймырскій полуостров и руководил постройкой радиостанціи на мысѣ Челюскин. Ширшов работал по специальности гидробіолога на полярных экспедиціях ледоколов «Красина» и «Сибирякова»; кромѣ того, он вмѣстѣ с акад. Шмидтом перенес извѣстное крушение парохода «Челюскин», раздавленного льдами в Чукотском морѣ.

Папанин, Кренкель, Ширшов — партійные коммунисты: Федоров — комсомолец (ему 28 лѣт). Вмѣстѣ они составили «партійно - комсомольскій коллектив», а Папанин получил званіе «партор» Сѣвернаго полюса.

Экспедиція вылетѣла из Москвы на о. Рудольфа 22 марта 1937 г. В состав экспедиціи вошли четыре мощных самолета под командой Водопьянова, Молокова, Алексѣева и Мазурука; на этих самолетах и было размѣщено оборудованіе станціи. Для развѣдок в состав экспедиціи вошел еще легкій самолет под командой Головина. Полет оказался болѣе трудным, чѣм ожидали. Экспедиція достигла о. Рудольфа только 19 апрѣля. Заняться пришлось, прежде всего, подготовкой базы для выполнения основной задачи, возложенной правительством.

5 мая Головин совершил развѣдывательный полет. На площади, соотвѣтственной математическому представленію о полюсѣ земли, развѣдка обнаружила разводья, покрытыя мелкими осколками льда. По близости много ледяных полей, покрытых торосами и ропакнами. Спуск самолета на эти льдины опасен.

21 мая флагманскій самолет Водопьянова отправился налегкѣ, без имущества станціи, к полюсу. Требовалось, во что бы то ни стало, найти подходящую льдину, опуститься и подготовить площадки для остальных трех самолетов. Водопьянов вел машину по меридіану о. Рудольфа (60 град. восточной долготы). За точкой полюса эта линія становится 120 град. западной долготы (идет к западным предѣлам Канады). В километрах 20 от полюса замѣтили подходящую льдину. Посадку удалось совершить благополучно. Это было в 11 час. 10 мин. по московскому времени. На льдину вышли: Шмидт, четверо папанинцев и 8 человек экипажа, — всего 13 душ. Разбили лагерь (соорудили «палатки из снѣга»). Опредѣлили мѣсто спуска: 84 гр. 40 мин. сѣверной широты и 105 град. западной долготы. Прорубили лунку: льдина оказалась «старой», надежной: толщина — 3 метра 10 сантиметров. Папанина объявили «губернатором Сѣвернаго полюса», а льдину назвали «Папанинской».

24 мая в Москвѣ было опубликовано за подписями Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Ежова правительственное сообщеніе: «Намѣченная задача завоевать Сѣверный полюс выполнена».

Тѣм временем на льдинѣ спѣшно расчищали мѣста для приѣма трех

остальных самолетов. В ночь 25 - 26 Алексѣев, Музурук и Молокоз вылетѣли с оборудованіем будущей станціи. Но правильно расшифровать ориентировочные радио - сигналы Кренкеля и найти папанинскую льдину удалось на первый раз лишь Молокову.

Переключки по радио и взаимные поиски продолжались почти 10 дней. Только 5 июня всѣ четыре самолета собрались возлѣ будущей станціи, и группа Папанина получила, наконец, необходимое ей научное оборудованіе.

6 июня в 2 часа ночи Шмидт объявил станцію «Сѣверный полюс» открытой. Вслѣд затѣм самолеты отправились на юг. Станція, наконец, начала свои работы. Но она находилась в это время почти в 120 километрах от полюса, — нѣсколько южнѣе 89-й параллели. А 20 июня приблизилась к 88 параллели, — ушла от полюса на 220 километров. Еще раньше — 11 июня — льдина начала трескаться. И в дневникѣ Папанина стали часто появляться записи:

«Разводья трещины. Мы на пловучем островѣ».

«Часто приходится осматривать льдину,—всякое может случиться».

«Живем мы, как на бочкѣ с порохом. Сегодня или завтра ледяное поле лопнет, перевернется»....

Ледяное поле трескалось по всѣм направлением, теряло кусок за куском, но, к счастью, не лопалось и не перевортывалось. К 21 июля оно покрылось озерами, ручьями, образовались даже рѣчки. В этом была, впрочем, нѣкоторая выгода: можно стало «заняться туалетом: мы умывались в послѣдній раз перед отлетом с о. Рудольфа» (запись 20 июля).

15 августа пересѣкли 87 параллель. 14 сентября осталась позади и 86 параллель. Станція могла производить научныя наблюденія лишь на пути собственнаго дрейфа. Сложная совокупность полярных стихій уносила ее все дальше к югу по линіи меридіана Гринвича с небольшими отклоненіями к востоку. 9 октября пересѣкли 85 параллель. 1 ноября — 84-ую. С 3 ноября остаток прежняго ледяного поля рѣзко свернул на запад: станцію понесло на сѣверо - восточный выступ Гренландіи. 22 ноября пересѣкли 83 параллель. 1 декабря Папанин записал в дневникѣ: «Находимся на широтѣ 82 гр. 46 мин. Как - то неудобно называть свою станцію «Сѣверный полюс!»

15 декабря миновали 82-ую параллель. Тут судьба послала счастлиную случайность: льдину вѣтром погнало опять на восток, назад к Гринвичскому меридіану; это спасло станцію от гибельнаго столкновения со скалистым выступом Гренландіи. Но течение понесло к югу гораздо быстрѣе, чѣм прежде. 30 декабря пересѣкли 80-ую параллель. За январь станція пронеслась почти 660 километров. А 1 февраля — на 74-й параллели — произошло то, чего Папанин опасался еще в іюнѣ - іюль: льдина распалась на куски. На кусках и обломках папанинцы героически пронеслись по Гренландскому морю еще около 450 километров. Ледоколы «Мурман» и «Таймыр» сняли их с обломка льдины 19 февраля на 70 град. 54 мин. сѣверной широты и 19 гр. 48 мин. западной долготы.

20 февраля станція «Сѣверный полюс» была объявлена закрытой. Люди проплыли свыше 2500 километров на льдинѣ, которая у них на

глазах все время разрушалась, нерѣдко мокли, не имѣя возможности обсохнуть, стлыи без возможности согрѣться (морозы доходили до 46 градусов). Но они не прекращали работы, собрали обширный и, повидимому, чрезвычайно цѣнный матеріал. Однако, они не вели и не могли вести систематически научных работ в зонѣ полюса. Над полюсом они лишь пролетѣли. Мысль Хансена осталась неосуществленной. И названіе станціи «Сѣверный полюс» может служить примѣром несоотвѣтствія между официальной терминологіей и дѣйствительным положеніем вещей. Получился и в другом смыслѣ примѣр: люди достигли весьма значительных результатов, несмотря на фантазерскую сумбурность велѣній политбюро.

А. Петрицев.

ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ НАЧАЛА ГОДА.

ЯНВАРЬ

1 - 3. Гога сообщает Муссолини и Шотану о своем возглавленіи румынскаго министерства.

1. Чанг-Кай-Шек слагает должность президента и перестраивает кабинет.

2. Продленіе на год франко - советскаго торговаго соглашения 17 декабря 1936 г.

3. Адмирал Суэцугу дает интервью: «Желтая раса должна освободиться от ига бѣлых, хотя бы цѣной войны».

4. Посланіе Рузвельта конгрессу: «Миру угрожают государства, уничтожившія у себя демократію».

5. Опубликована «Бѣлая Книга» о раздѣлѣ Палестины.

6. Воззваніе Шотана о социальном мирѣ и о необходимости экономическаго возрожденія.

7. Подписаніе торговаго договора Италіи с Югославіей.

7. Англія рѣшает построить два броненосца по 35.000 тонн. Италія отвѣчает тѣм же.

8. Окончательное занятіе Теруэля правительственными войсками.

10. Арест высших представителей духовенства в СССР.

10. Палата представителей в Ва-

шингтонѣ отвергает предложеніе о референдумѣ в случаѣ объявленія войны Соед. Штатами.

10 - 12. Конференція в Будапештѣ держав, подписавших римскіе протоколы.

12. Открытіе в Кремлѣ сессіи Верховнаго Совѣта и Совѣта Национальностей.

13 - 14. Совѣщаніе полк. Бека с Нейратом, Герингом и Гитлером в Берлинѣ.

14. Кабинет Шотана подает в отставку.

17. Официальная делегация германской арміи в Варшавѣ.

17. Гитлер бесѣдует с Стоядиновичем о «прочной дружбѣ и о полезном сотрудничествѣ».

17 - 18. Переговоры де Валера с Чемберленом в Лондонѣ.

17. Выбор президіума Верховнаго Совѣта в Москвѣ. Президент Калинин.

17. Националисты переходят в наступленіе против Теруэля.

18. Китайскій посланник и консулы покидают Японію.

18. Составлен новый кабинет Шотана без социалистов.

18. Роспуск палат и назначеніе новых выборов в Румыніи.

19. Новый совнарком под председательством Молотова и новое Политбюро.

21. Палата представителей в Вашингтонѣ принимает без поправок морской бюджет в 553 милл. долларов.

21. Стоядинович отказывает в ратификаціи конкордата.

21. Бомбардировка брит. парохода «Торпенесс» у Таррагоны.

22. Декрет о пересмотрѣ прав гражданства в Румыніи.

22. Посланик Островскій покидает Бухарест.

23. Закрытие брит. консульства в Москвѣ, совѣтских консульств в Турціи и турецких в СССР.

24. Назначение ген. Гамелена начальником ген. штаба вооруж. сил Франціи.

24. Реорганизация болгарскаго кабинета.

25 - 30. Националисты бомбардируют Барселону.

26 - 30. 100-я сессія Совѣта Лиги Націй. Вопросы о реформѣ Лиги и о помощи Китаю.

27. Внесение во франц. палату шести законопроектов, составляющих новый «Кодекс Труда».

27. Первое заседание президіума Верховнаго Совѣта.

28. Рузвельт предлагает конгрессу усилить вооружения С. Ш. А.

30. Литвинов предлагает вооруженное выступление против Японіи под условіем поддержки Англии и гарантіи безопасности западной границы СССР.

31. Франко организует свой кабинет.

ФЕВРАЛЬ

1. Комитет 28-ми обсуждает реформу Лиги Націй.

1. Англія принимает мѣры защи-

ты по поводу потопления англ. торговаго парохода «Эндиміон».

4. Гитлер начинает чистку генералов и дипломатов. Отставки ген. Бломберга, Фритча и Нейрата.

8. Бѣгство повѣреннаго в дѣлах СССР в Бухарестѣ Бутенко в Рим.

9. Японія отвергает предложение Англии о сообщеніи планов морско-го строительства.

10. Кароль принимает отставку Гога послѣ 45-дневнаго министерства и назначает патриарха Кристеа премьером новаго кабинета.

11. Посол гр. Шуленбург отозван из Москвы в Берлин.

12. Десятичасовая бесѣда Шушнига с Гитлером в Берхтесгаденѣ.

13. Корделль Холл характеризует политику Соед. Штатов: «избѣгая международных обязательств, допускать, когда нужно, параллельныя дѣйствія».

14. Сталин в письмѣ к Иванову подчеркивает необходимость побѣды пролетариата во всем мірѣ для предупреждения военной интервенціи «капиталистов».

14. Торжество освящения гигантскаго сухого дока в Сингапурѣ в присутствіи англійской эскадры, аэропланов и американских судов.

16. Уступая Гитлеру, Шушниг реорганизирует кабинет.

16. Татареско, замѣнившій патр. Кристеа во главѣ кабинета, заявляет об укрѣпленіи союзных отношеній с Малой и Балканской Антантам, о дружбѣ с Польшей и Франціей, о сердечных отношеніях с Англией, Италией и СССР.

19. Папанинцы сняты со льдины и посажены на «Мурман» и «Таймыр».

19. Французская палата принимает законопроект об арбитражѣ.

20. Рѣчь Гитлера в рейхстагѣ с

угрозами по адресу срединной Европы.

20. Иден подает в отставку из-за нерешительности Чемберлена в италийском вопросе.

21 - 23. Прения по внешней политике в палате общин.

23. Празднование 20-й годовщины Красной армии в СССР. Речь Ворошилова.

24. Речь Шушнига в федеральном парламенте. «Ни шагу дальше».

24. Плебисцит в Румынии принимает новую конституцию подавляющим большинством.

25 - 26. Прения по внешней политике во французской палате. Большинство Шотана 439 голосов против 2.

27. Советская печать объявляет о предстоящем процессе «блока правых и троцкистов».

28. Сообщение Балканской Антанты заявляет о ее независимости и равноправии, как членов Лиги Наций, о признании аннексии Абиссинии и о желательности назначения представителей при Франко.

28. Приступ к англо-италийским переговорам в Риме.

28. Конфликт между французской палатой и сенатом по поводу социального законодательства.

МАРТ

1. Смерть Габриэля д-Аннунцио.

1. Речь Геринга на праздник авиации с угрозами по адресу Австрии и Чехословакии.

1. Плевицкая предлагает жену Миллера поехать в СССР и там узнать от Скоблина, где находится ее муж.

2. Начало процесса 21 обвиняемых. Крестинский не признает себя виновным.

3. Крестинский признает себя виновным по всем пунктам.

3. Брит. посол Гендерсон беседует с Гитлером.

4. Годжа отвечает Гитлеру в палате депутатов. «Мы все встанем на защиту отечества».

4. Конфликт по поводу обязательного арбитража закончился, послѣ неоднократных заявлений Шотана о неизбежности его ухода, взаимными уступками сената и палаты.

5. Заявление Бенеша: «Мы готовы защищать с оружием в руках целостность нашей территории и наш демократический идеал».

6. Приезд лорда Перта в Рим с выработанными кабинетом Чемберлена инструкциями. Его предваряет полк. Бек, встреченный триумфально.

6. Дараньи объявляет о пятилетнем плане вооружений и приступает к перестройке кабинета перед заключением займа.

6. Республиканский флот потопил крейсер националистов «Балеарес».

7. Чемберлен сообщает палате общин о необходимости дальнейших вооружений в случае неудовлетворительного исхода попыток международного соглашения и получает большинство 351 против 134.

8. Совет министров во Франции рѣшает потребовать от парламента исключительных полномочий «для оздоровления финансового, экономического и социального положения страны» перед необходимыми для обороны финансовыми операциями.

9. Шушниг, получив поощрение Франции, объявляет на 13 марта плебисцит «за свободную и германскую, независимую и социальную, христианскую и единую Австрию».

10. Не поддержанный социалистами, кабинет Шотана подает в от-

ставку. Блюм принимает поручение составить кабинет из всѣх партій.

10. Наци производят беспорядки в Вѣнѣ, Инсбрукѣ, Грацѣ и т. д.

11. Германскія войска у баварской границы. Гитлер требует сперва отсрочки плебисцита, затѣм отставки Шушнига и замѣны его Зейс - Инквартом. Шушник «уступает насилію» и предписывает австрійской арміи «отступить без сопротивления, если германскія войска вступят на австрійскую территорию». «Временное правительство» Инкварта «умоляет германское правительство немедленно прислать в Австрію германскія войска».

11. Французскій и англійскій послы заявляют протест в Берлинѣ.

11. Блюм пытается образовать кабинет «національнаго объединенія».

12. Оппозиція не соглашается на вступление в кабинет коммунистов. Блюм приступает к созданію министерства по формулѣ 1936 г.

12. Главный фашистскій совѣт отказывается об общаго выступленія с Франціей и усматривает в австрійских событіях «проявленіе воли австрійскаго народа».

12. Гитлер в Линцѣ принимает заявленіе Инкварта, что 88 статья С. Жерменскаго договора, запрещающая аншлусс, потеряла силу. Германскіе отряды в Линцѣ, Инсбрукѣ, Зальцбургѣ и на Бреннерѣ.

13. Президент Миклаш подает в отставку; Инкварт объявляет «закон» об аншлуссѣ: 1. Австрія — земля германскаго рейха. 2. 10 апрѣля — «свободный и тайный» плебисцит. Гитлер объявляет австрійскую армію частью германской.

13. Блюм формирует кабинет «Народнаго фронта» без коммунистов.

13. Геринг объявляет чехословацкому посланнику в Берлинѣ, что рейх не питает враждебных намѣреній относительно Чехословакии.

13. Бухарин в послѣднем словѣ отвергает часть обвиненій, признает другія и подчиняется приговору во имя «побѣды СССР». Другіе просят пощады и получают отказ. Приговор: 18 чел. к смертной казни, Раковскій, Плетнев и Безсонов к 25 — 15 годам тюрьмы.

14. Гитлер в Вѣнѣ клянется, что «никто не расчленит германскаго рейха». Аресты, закрытіе границ. Мѣры против евреев.

14. Чемберлен в палатѣ общин «не может отнестись равнодушно», но «против стремительных рѣшеній», за ускореніе вооруженій и всеобщность національных усилій.

14. Бонкур подтвердил Осускому военныя обязательства Франціи относительно Чехословакии.

15. Приближеніе войск Франко к Каталоніи обостряет вопрос о вмѣшательствѣ демократических государств.

15 - 16. Массовые аресты и самоубійства в Вѣнѣ.

16. Оппозиція в палатѣ общин осыпает упреками Чемберлена, который все «изучает положеніе» и настаивает на невмѣшательствѣ в испанскія дѣла.

16. Стоядинович в скупщинѣ заявляет, что «будет уважать обязательства Югославіи относительно Малой Антанты».

16. Литвинов заявляет, что СССР послѣдует примѣру Франціи в защитѣ Чехословакии.

16. Муссолини оправдывает в палатѣ свое невмѣшательство в аншлусс.

17. Блюм читает декларацию в палатѣ и предлагает всѣм партіям

об'єдниться «вокруг кабинета «Народнаго фронта». Правые отказываются. Блюм получает большинство 369 против 196.

17. Франция освѣдомляет Лондон, Варшаву, Бѣлград и Бухарест о своей готовности выступить на защиту Чехословакии.

17. Литвинов предполагает созвать международную конференцію.

17. Польша посылает Латвіи ультимативное требованіе о возстановленіи нормальных дипломатических и других сношеній, прерванных послѣ занятія Вильны.

19. Литва приняла ультиматум Польши.

22. Палата депутатов разрѣшает правительству Блюма получить от Банк де Франс 5 миллиардов франков на казначейскіе расходы и 3 миллиарда франков излишков валютнаго фонда в автономную кассу національной обороны.

24. Сенат разрѣшает только 5 миллиардов и то большинством 19 голосов.

24. Чемберлен в палатѣ общин снова отказывает в автоматической поддержкѣ Чехословакии в случаѣ нападенія на нее Германіи, напоминает об обязательствах Англии относительно Франціи и считает вѣроятной поддержку Англии помимо договорных обязательств в случаѣ расширенія войны.

25. Гитлер начинает в Кеннигсбергѣ кампанію в пользу плебисцита. «10 апрѣля я буду вождем вели-

чайшей в міровой исторіи арміи в 50 милл. избирателей».

25. Генлейн требует новых выборов, Глинка — автономіи Словакии.

25. Блюм «остається у власти», принимая рѣшеніе сената о 5 миллиардах.

25. Забастовка металлистов разрастается.

27. Войска Франко вошли в Каталонію.

28. Рѣчь Годжи. «Вопрос о меньшинствах будет разрѣшен на основѣ конституціи, без внѣшняго давленія».

28. Войска Франко занимают город Фрагу.

28. Выборы в Болгаріи дают правительству большинство (104 мѣста из 160).

29. 19 смертных приговоров дѣтелям Казакстана.

29. Черчилль возвращается из Парижа с отчетом о внутренних препятствіях к англо-французскому сотрудничеству.

30. Муссолини в Сенатѣ восхваляет итальянскую армію, «первый по мощности» подводный флот и сильную авіацію.

30. Румынскій король образует «под своим руководством», новый Кабинет, который респускает всѣ политическія партіи.

31. Партіи словацкаго большинства высказываются за свободу и единство Чехословацкой Республ-ки.

31. Обсужденіе финансовых проектов Блюма отложено до 5 апрѣля.

БИБЛІОГРАФІЯ

Иван Бунин. — Освобождение Толстого. — YMCA-Press. — Париж, 1937.

Основная тема книги Бунина — истолкование того послѣдняго этапа жизненнаго пути Толстого, который принято называть его «уходом». Бунин его называет «освобожденіем». Освобожденіем от — чего? От яснополянской обстановки, от семейных неладов? От всего того, что составляет главный предмет интереса «психологизирующих» или морализирующих біографов? Нѣтъ, от «Смерти» — и Бунин приводит слова Толстого: «Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышленія и что сущность жизни виѣ этих форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этим формам и потом освобожденіе от них»... — и прибавляет: «в этих словах, еще никѣм не отмѣченных, главное указаніе к пониманію его всего». С этой точки зрѣнія «старец Лев из Ясной Поляны» сопричислен у Бунина «к лику благородных юношей, покинувших родину ради чужбины», каковы «Царевич Готама, Алексѣй Божій Человѣкъ, Юліан Милостивый, Франциск Ассизскій». Благодаря такому подходу, Бунин дал не біографію Толстого, а **легенду** его — в подлинном смыслѣ слова: легенда — то, что во всѣ вѣка надо читать о том, кто оставил по себѣ понстинѣ **вѣчную** память. Легенда соотвѣтствует тому, чѣм у древних был **миф** — сказаніе о человѣкѣ, созданном силою поэтическаго творчества, как о воплощеніи извѣстной вѣчной идеи. Конкретный, когда — то существовавший на землѣ человѣкъ обращается, в легендѣ, в **мифическій** образ — не в том, конечно, смыслѣ, что ему приписываются свойства, которых он был лишен, и поступки, которых он не совершал, а в том, что образ этот освобожден от всего случайнаго, принадлежащаго «исторіи», и что тѣм ярче выступают его вѣвременныя, «существенныя» черты, его чистая **идея, форма**. Именно **форма**, а не **формула**.

Бунин пересматривает всѣ извѣстнѣйшіе опыты дать «формулу» Толстого и вскрывает их несостоятельность, фальшь, нежизненность, односторонность; сам же от такого опыта сознательно воздерживается, слѣдуя в этом Толстому, который, как извѣстно, никогда не давал от себя «характеристик» своих персонажей.

Но в чем состоит это тождество личности в ея многообразіи? Как понять это? Здѣсь коренное различіе между «каждым человѣком» и человѣком калибра Толстого. Общее у того и другаго в том, что оба —

переменныя величины. Живое существо не статично, а динамично; жизнь, развитие — борьба за преобладание какой-либо одной тенденции. Каждый человек с годами все больше и больше суживается и в этом смыслъ «самоопредѣляется».

Чѣм человек ближе к концу, тѣм становится духовно богаче, всечеловѣчнѣе, и тѣм сильнѣе его влеченіе слиться со Всеединным, освободиться от своей ограниченности. Почему все-таки столь разнообразны, столь несхожи между собою **образы** святых? Достиженіе **совершенства** — есть-ли это окончательное преодоленіе принципа индивидуаци, побѣда над **Я**? Бунин вспоминает послѣднія слова Толстого: «Все Я... все проявленія... довольно проявленій... вот и все...» — и ставит вопрос: что было - бы, если - бы оптинскій старец, о. Варсонофій, явившійся к Толстому в Астапово, был допущен к нему: «Можно предположить: примиреніе умирающаго с Церковью. Но развѣ это уничтожило бы смысл его бредовых слов?.. Смысл их слишком велик, уничтожить его не могла жизнь».

Сказал - же сам Толстой незадолго до смерти (В. Ф. Булгакову, цит. у Бунина, 21), что он «разлюбил Евангеліе». И вмѣстѣ с тѣм, как раз тогда он стучался во врата Оптинской обители. Ясно, что здѣсь — какая-то «загадка Толстого». Вернемся к сопоставленію, сдѣланному Буниным: **старец** Лев и благородные **юноши**, Будда, св. Франциск и др. Показательно уже то, что к «освобожденію» первый пришел лишь старцем, а послѣдніе два — юношами. Один итальянскій писатель уже сдѣлал сопоставленіе Толстого со св. Франциском.

Жестокая критика, которой Бунин подверг его толкованіе, конечно, заслужена автором. Сродство Толстого со св. Франциском у Бунина показано с полной убѣдительностью. Но вмѣстѣ с тѣм и его сродство с Буддою. А между тѣм, — как далеки друг от друга Будда и св. Франциск. Путь Будды был дѣйствительно путем освобожденія от «проявленій», — и это далось ему без труда, ибо «проявленія» не только сознавались, но и переживались им всего лишь как «призраки», «обманы зрѣнія». Будда и мог прижизненно умереть, отвлечься от «эмпиріи». Что до св. Франциска, то вѣдь он с «проявленіями» никогда и не боролся, потому что Бог для него **жил** в этих «проявленіях», в страхах птичках, братѣ - Солнцѣ и даже братѣ - волкѣ, — так же, как и в сестрѣ - Смерти. Путь Толстого совмѣстил в себѣ и Будду и св. Франциска. **Как** возможно подобное совмѣщеніе — попытаться разгадывать это, значило бы впасть в грѣх произвольнаго и бесплоднаго психологизированія.

Если вчитаться в проникновеннѣйшую и правдивѣйшую книгу Бунина, станет очевидно, что к «освобожденію» Толстой влекся всю свою долгую жизнь, что вся она была сплошной цѣпью «уходов» и что каждый раз он останавливался на перепутьѣ: один из путей это был путь Будды, другой — св. Франциска. Бунин называет раз еще одно имя — Шопенгауэра. Но нигдѣ у него нѣтъ упоминанія о Руссо. Вліяніе Шопенгауэра на Толстого было весьма значительно. Тѣ слова Толстого, которыя для Бунина представляются ключем к пониманію «всего Толсто-

го», навѣяны Шопенгауэром. Но вліяніе Руссо было не меньшим. Руссо был его первой любовью и, отрекаясь от столь многих увлеченій и привязанностей, от Руссо он не отрекался никогда.

Чѣм - же был для Толстого Руссо. Только - ли апостолом «опрощения», отказа от «культуры»? Так принято считать. Руссо вѣдь раздѣлил судьбу Толстого: никого, кажется, так не «упрощали» и не опощляли, как их обоих. Истинный, умопостигаемый, «идеальный» Руссо, — воплощеніе не отрицанія, а утвержденія личнаго начала. Конфликт Шопенгауэра и Руссо по существу — то же самое, что конфликт Будды и св. Франциска.

По человѣческому разумѣнію, или — или. Или «мір как воля и представленіе», или — «Исповѣданіе вѣры Савойскаго викарія». Или «Нирвана», раствореніе Я во Всеедином, т. е. отрицаніе личнаго безсмертія, или — августино - дантовскій град Божій, единеніе чистых душ в их любви к личному Богу. Разумное примиреніе одного с другим исключается. Разум требует выбора. А в то же время человѣческое сознаніе в теченіе вѣков мучительно и настойчиво домогается какого-то синтеза — «Разума» и «сердца», или пользуясь древними терминами, сейчас возстановленными, хотя в нѣсколько ином значеніи, — освобожденія «духа и души». Толстой этого духовнаго опыта не пережил. Но если взглянуть на все его творчество в свѣтѣ удивительной буннинской легенды, станет ясно, что именно к этому опыту он шел.

П. Бицилли.

Charles Plisnier. — Faux Passeports.—Editions Correa.—Paris. P. 339.

Автор «Фальшивых Паспортов» — бельгіец Плинье — был кандидатом еще в прошлом году на полученіе преміи Гонкуров, за роман «Браки». Отчасти в порядкѣ компенсаціи за прошлое, почетнѣйшее во Франціи литературное отличіе было присуждено Плинье в этом году за «Фальшивые Паспорта», — произведеніе болѣе слабое, по единодушному отзыву критики, чѣм «Браки».

«Фальшивые Паспорта» принадлежат к тому жанру литературы, который может быть назван **романсированным репортажем**: в этом жанрѣ пишут свои «романы» и небезызвѣстные братья Таро. Плинье описывает реально бывшее и пережитое, но вносит в описаніе вымысел, — не всегда руководясь при этом одними литературными требованиями. «Тот, кто в этой книгѣ говорит «я», хотѣл бы сохранить нѣкоторую таинственность», — предупреждает автор в подписанном им предисловіи. «Роль романиста не может состоять в том, чтобы давать пищу общественному любопытству, и еще того меньше, — чтобы указывать полиціи или партійным комитетам живых людей, выведенных в качествѣ дѣйствующих лиц произведенія», — прибавляет он нѣсколько неожиданно.

«Фальшивые Паспорта» — собраніе новелл, посвященных «воспоминаніям агитатора», члена коммунистической партіи из лѣвой оппозиціи. Дѣйствующія в отдѣльных новеллах лица — подвижники и святые, иконизированные: испанская аристократка Пилар, сблизившаяся с террористом Морером и возвращающаяся к «своим», когда Испанія стано-

вится республикой и казнят ея возлюбленнаго; гибнущая на висѣлицѣ болгарская заговорщица Дитка; итальянская коммунистка Карлотта; наконец, центральная фигура крупнѣйшаго очерка — твердокаменный большевик, безжалостный и «святой» — Егор.

Чертами своего характера и эпизодами жизни, рассказанными автором, Егор Вижняцин является как бы псевдонимом Георгія Пятакова. Усмотрѣніем автора, однако, Егор оказывается участником августовскаго процесса 17 — Зиновьева - Каменева, тогда как Пятаков, как известно, был судим вмѣстѣ с Радеком, Сокольниковым и др. в январѣ. Это один из многих примѣров того, как в произведеніи, в котором художественность приближается иногда к фотографичности, — репортаж превращается в «роман».

Тѣм не менѣе, если брать «Фальшивые Паспорта», как произведение литературы, — книгу надо признать внутренне правдивой. Она не отягчена морально - дидактическими разсужденіями и дает живое изображение революціоннаго и, в частности, большевистскаго комплекса. Здѣсь нѣтъ «сатанинскаго» изображенія зла, а есть изображеніе конфликта между добром и злом, который даже у героическаго большевика разрѣшается в побѣдѣ беспощадной жестокости над человѣчностью.

Революція, как она представляется даже тонко чувствующему интеллигенту, обожающему Моцарта, — и в этом трагедія и революція, и революціонера! — «не дозволяет быть справедливым». «Жертва жизнью ради интересов партіи» — вещь, распространенная не только среди коммунистов. Коммунистическая «мораль» требует другого: — «Остаться жить, пожертвовав своею мыслью, — вот гдѣ начинается преданность партіи». «Существуют большія цѣнности, чѣм истина», — партія, Интернаціонал! Ибо для коммуниста не существует истины и справедливости самих по себѣ; существует лишь классовая истина и справедливость, и коммунизм к тому и призван, чтобы создать условія торжества всеобщей справедливости, — утверждает правотворный коммунист.

Коммунист чужд вѣры в личное безсмертіе, но в существованіе опредѣленной миссіи у партіи — он вѣрит, и ради престижа и поддержанію партійной дисциплины, коммунист не остановится перед уничтоженіем и разстрѣлом даже ближайшаго друга или брата. Так поступал Егор Вижняцин, бывшій и под Свѣжском, и в бою с Антоновым под Тамбовом. Так же поступили и с самим Егором — в повеллѣ Плинье, и с осужденными по процессу «17», «16», «21» и др. — в реальной дѣйствительности.

Не будем искать біографической или автобіографической правды в «Фальшивых Паспортах». Удовольствуемся тѣм, что автор говорит: «Чѣм больше я восхищаюсь этим героизмом, тѣм глубже ощущаю его ужас»...

М. Вишняк.

Thomas Mann. — Avertissement à l'Europe. — Préface d'André Gide. — NRF.

Выдающийся писатель, увѣнчанный литературной преміей Нобеля, Томас Манн нисколько не был склонен заниматься активной политикой. Он признается, что и не представлял себѣ, чтобы на старости лѣтъ ему, художнику по призванію и ремеслу, пришлось очутиться в гущѣ политических событій и даже среди политических эмигрантов.

В течение четырех лет Манн обрекал себя на «презрительное молчание», как он сейчас выражается, в расчете сохранить безцельную для писателя связь с читателем, с германским народом. Жертва оказалась напрасной. Убьдившись в этом, Манн мужественно принял удар судьбы и из эмигрантского далека стал приглядываться к тому, что происходит в мире и с миром. Плодом его размышлений и явилось «Предостережение Европе», выпущенное французским издательством вместе с очерками — «Испания» и «Христианство и социализм».

На собственном опыте Манн убедился, что желание уйти от политики в наше время «не только эгоистично и ирреально, оно и нелюбо, обнаруживая не столько даже умственное невъжество, сколько моральное безразличие». «Политический и социальный строй составляют неразрывную часть человеческого флага». Грех против политики есть грех против человечества. «Поэт, не выдержавший испытания по отношению к человеческой проблеме, принявшей политическую форму, предаёт не только свое духовное призвание ради выгоды и интереса, он и пропащий человек».

Т. Манн обладает острым чувством Европы. Если Европа суждено погибнуть, Томас Манн будет канонизирован, как один из последних европейцев, для которого Европа была не только географическим понятием, но и синонимом гуманизма и идеализма.

Автор не преувеличивает реальной силы и возможностей гуманизма. Он правильно замечает: «во всяком гуманизме есть элемент слабости, вытекающий из его отталкивания от всяческого фанатизма, из терпимости гуманизма и склонности его к снисходительному скептицизму, одним словом — из его естественной доброты. При определенных условиях это может стать для гуманизма фатальным».

Т. Манн связывает современные анти-гуманистические тенденции — в частности, молодежи — с ее анти-интеллектуализмом. Люди не отдадут себе отчета в «опасностях, которые представляет для человечества и культуры всякий анти-интеллектуализм человеческого разсудка. В анти-интеллектуализме главная причина отталкивания от истины, свободы, справедливости, — особенно от истины, которая подмывается «мифом» и «героизмом». «Когда всматриваешься и спрашиваешь себя: что хочет этим сказать пришедший в раж мелкий буржуа, — убеждаешься, что в его понимании «миф» обозначает упразднение всякого различия между истиной и шарлатанством».

Манн не боится говорить о Боге, но «пафос» его устремлен в другую сторону — не к небесам, а к земному творчеству. По его убеждению, — «недопустимо в нашем безбожном и безразсудном мире противопоставлять волю к созданию лучшего порядка — метафизику, религию, внутренний мир, как вещи, якобы единственно достойные уважения». И он сочувственно цитирует «великого индивидуалиста Ничше дающего чисто социалистический звук»: «Против земли грех — самый ужасный из грехов... Не прятать надо своей головы в заоблачную высь, а носить ее гордо, эту земную главу, осмысливающую землю».

И Германия, и Европа спаслись бы, по Манну, если бы Германия вернулась в Европу, примирилась бы с ней. Но в это Т. Манн не верит. И ему остается лишь молить Провидение «охранить помрачившуюся и сбившуюся с пути родину, внушить ей заключить мир с другими и с самой собой». Отсюда же и его предостережение Европе.

М. В.

Bilan du Communisme. — Cahiers économiques et sociaux publiés sous la direction de Henri Peyret. — La Librairie technique et économique.

«**Bilan du Communisme**» — труд коллективный — сборник статей одиннадцати авторов, подводющий итоги коммунистического опыта в различных областях: общая идеология коммунизма; коммунизм в России; история возникновения и действительность Коминтерна и входящих в него партий; коммунистическое движение в связи с общей политикой во Франции. Среди авторов есть два русских имени: М. Вишняк, давший четыре статьи в отделе о русском коммунизме, и П. Берлин, написавший статью об экономической и социальной эволюции в СССР.

Редакция «**Cahiers**» в предисловии говорит, что «**Bilan du Communisme**» написан не в политических или полемических целях: авторы заботились, прежде всего, о том, чтобы возможно беспристрастно, на основании документов, нарисовать картину, которая, по их крайнему разумению, соответствует объективному положению. Они хотели бы, поэтому, чтобы в их коллективном труде видели «un livre de bonne foi».

Нам представляется, что в общем они свою задачу выполнили. Большинство статей написаны объективно, изобилуют данными, почерпнутыми из европейской коммунистической прессы и из советских изданий, и читаются с большим интересом.

Необходимо, однако, к этому положительному отзыву сделать некоторые оговорки.

Самой неудачной и спорной статьей во всем сборнике является, по нашему мнению, статья его редактора — Пэйрэ — об идеологии коммунизма. Коммунизм для него — «синоним марксизма», марксизм «автоматически приводит к коммунизму». Так утверждал Ленин и его последователи, но едва ли с этим согласятся социалисты — марксисты, одним из которых является и участник сборника П. Берлин, — и они будут правы. Можно быть противником марксизма, но нельзя с такой легкостью смешивать его с ленинской вульгаризацией, в которой, как не раз уже указывалось, не мало элементов, весьма чуждых марксизму, но зато близких бланкизму, бакунизму и ткачевщине. Выставив свое положение о тождестве марксизма и коммунизма в его теперешней форме, автор в дальнейшем и занимается, главным образом, критикой марксизма, повторяя старые и давно известные аргументы Бернштейна, Сореля, Лабриола и сопровождая их своими, порою далеко не глубокими, домыслами, чтобы придти в конце концов к такому выводу: «Полного счастья, которое может, якобы, дать социалистическое общество, не существует; общество может быть больше или меньше справедливым, больше или меньше рационально построенным, но и самое лучшее общество все еще полно несовершенств. Человек находит и всегда будет находить утешение, уходя от материальности жизни, которая всегда сулит разочарование, отдаваясь мыслям, удовлетворяющим его ум, и прощаясь чувствами, баюкающими его душу и успокаивающими его

сердце». Право, не стоило тратить столько усилий и мѣста на критику марксизма и коммунизма (часто переходящую в критику социализма вообще), чтобы в наше время противопоставить им такія сентенціи.

В сборникѣ статей разныхъ авторовъ естественно, конечно, нѣкоторое расхожденіе по частнымъ вопросамъ. Однако в «*Bilan du Communisme*» такія расхожденія иногда слишкомъ рѣзки и часто касаются фактовъ, которые легко было бы установить. Этотъ сборникъ имѣетъ все же редактора, на обязанности котораго лежало большее согласованіе взглядовъ отдѣльныхъ авторовъ. За недостаткомъ мѣста приведемъ только два примѣра. В своей очень обоснованной, какъ всегда, статьѣ П. Берлин цифрами и цитатами с несомнѣнностью доказываетъ, что положеніе русскаго рабочаго весьма тяжело и совершенно несравнимо с положеніемъ любого западно - европейскаго рабочаго. А одинъ изъ французскихъ авторовъ (*H. Robin*), высказываясь по тому же вопросу, позволяетъ себѣ сдѣлать только такое болѣе, чѣмъ осторожное, замѣчаніе: «рискованно было бы, повидимому, утверждать, что положеніе русскаго рабочаго лучше положенія рабочаго француза». При изложеніи тактическихъ лозунговъ и дѣйствій французской коммунистической партіи одинъ авторъ (*R. Millet*, — кстати сказать сотрудникъ «*Temps*») находитъ «абсурднымъ и несправедливымъ упрекать коммунистовъ в какой либо нелояльности», а другой (*E. Emmanuel*) утверждаетъ, что «всѣ дѣйствія коммунистической партіи полны обмана и невыносимаго лицемерія».

Поражаетъ у нѣкоторыхъ авторовъ и какой-то несерьезный подход къ исторіи до-революціонной Россіи. Правда, одинъ изъ нихъ (*E. Emmanuel*) откровенно признаетъ, что французы о Россіи «можно сказать никогда ничего не знали». Но в такомъ случаѣ необходима была бы большая осторожность сужденія. Несомнѣнно, и в хозяйственномъ, и в культурномъ отношеніи до-революціонная Россія (какъ и теперешняя) сильно отстала отъ Запада. Но все же не слѣдовало бы с такимъ апломбомъ утверждать, что Россія была почти сплошь безграмотна, когда в 1914 году в школахъ было около 9 милліоновъ учащихся, и к 1922 году по плану Государственной Думы должно было осуществиться всеобщее обученіе. Не слѣдовало бы говорить, что в 1917 году в Россіи «раздался лишь первый дѣтскій лепетъ (*balbutiement*) индустриальной фазы развитія» (*H. Robin*) Несомнѣнно, чувство патриотизма не было достаточно развито и укрѣплено в массахъ населенія. Но утверждать, что «понятіе родины замѣнялось часто понятіемъ деревни» и даже.. «хаты» (которую, для вящшей убѣдительности авторъ изображаетъ даже по французски — *Khata!*) значитъ говорить по просту вздоръ (*S. Rousset*). Очевидно, надъ авторомъ кто то подшутил, соотвѣтственно объяснивъ ему смыслъ поговорки: моя хата с краю..

Совершенно невыносимо, наконецъ, и то «западно - европейское» высокомеріе, которое проявляютъ нѣкоторые французскіе участники надъ человѣческимъ достоинствомъ — все это хорошо для «мужика». «Русскіе могутъ этимъ удовлетвориться» (*P. Dominique*). Но «французы еще не заслужили того, чтобы ихъ третировали, какъ морскихъ свинокъ»; у нихъ

— Декарт, Паскаль. Все это высокоуміе еще можно было бы проявлять до половины прошлаго десятилѣтія. А теперь — послѣ опыта Италіи и особенно Германіи, гдѣ существовала и высокая культура, и грамотность, и Кант, и Гете, и гдѣ теперь человѣческая личность подавлена не менѣе, чѣм в Россіи — и в противоположность этой послѣдней даже без всякой борьбы — оно совсѣм неумѣстно. В современном общевропейском кризисѣ (в том числѣ и русском) надо искать болѣе глубоких и общих причин, а не сваливать все только на русскую некультурность.

Н. Авксентьев.

Gregory Bienstock. — La lutte pour le Pacifique, Paris. Payot 1938.

Вышедшая недавно французским изданіем книга Гр. Бинштока «Борьба за Тихій океан» является, пожалуй, лучшим из того, что было написано о тихо-океанских проблемах за послѣдніе десять - пятнадцать лѣт. Об отдѣльных сторонах этих проблем — экономической, демографической, стратегической — писалось не мало, иногда очень дѣльного и цѣннаго. Но особенность книги Гр. Бинштока в том, что в ней одновременно схвачены — при чем очень основательно и точно документированы — почти всѣ основные элементы тихо-океанской обстановки, на фонѣ которой развиваются антагонизмы главных дѣйствующих в этой части міра сил. И вмѣстѣ с тѣм книга является весьма современной, так как в ней дается не только историческій анализ развитія этих антагонизмов, но в свѣтѣ прошлаго дѣлается попытка уяснить современные событія и составить нѣкоторый прогноз будущаго.

Написанная одновременно как научный труд и как политическій памфлет, книга Гр. Бинштока не свободна от излишняго субъективизма в оцѣнках, а иногда содержит прямыя противорѣчія. Это — неизбежно: нѣкоторыя главы книги явно писались одновременно с происходящими событіями, масштаб и характер которых раскрывался лишь в процессѣ их развитія.

Для русскаго читателя книга Гр. Бинштока является особенно интересной, так как Россіи в ней удѣляется много мѣста: в ней дается краткая, но достаточно обстоятельная, исторія русскаго продвиженія к берегам Тихаго океана, дается весьма интересный очерк «вѣкового» англо - русскаго антагонизма и, наконец, подробный и основательный анализ стратегической обстановки возможной русско - японской войны.

Л.

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Ст. Иванович. — А. Н. Потресов. Опыт культурно - психологического портрета. — Париж 1938.

Сер. Лифарь. — Танец. — Париж 1938.

Вас. Федоров. — Канареечное счастье. — Ужгород 1938.

В. Л. Бурцев. — «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. — Париж 1938.

Воспоминания врачей Ю. А. Квятковской и М. П. Рашкович. — Кишинев 1938.

«Наше Слово». — Орган Респ. - Дем. Об'ед. № 9. — Париж 1938.

Временник О-ва Друзей Русской Книги. Кн. IV. — Париж 1938.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ „VICTOIRE“

73, RUE DE LA VICTOIRE, PARIS (9°).

Tél.: TRI. 52-73

Располагает обширнѣйшим выбором книг в довоенных и новых изданиях по всѣм отраслям знаний.

Отдѣл художественной литературы. — Полныя собранія сочиненій всѣх русских классиков в различных изданиях. Вся современная художественная литература, совѣтская и заграничная.

Отдѣл русского искусства. — Полные комплекты «Старых Годов», «Аполлона», «Золотого Руна», «Художественных Сокровищ Россіи». Рѣдкій по полнотѣ подбор монографій по искусству, начиная от трудов Ровинскаго, до выходящих нынѣ совѣтских изданій.

Отдѣл русской исторіи. — Исторія Россіи в трудах Карамзина, Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Ключевского, Платонова, а также монографіи, историческіе мемуары, начиная с Болотова, Вигеля и кончая мемуарами наших современников — гр. Витте, гр. Коковцова, Маклакова.

Совершенно исключительный подбор работ по исторіи Украины. — Исторія Малороссіи Бантыш - Каменскаго, Конисскаго, Маркевича, работы Антоновича и его школы.

Книги по исторіи русской церкви. — Большое собраніе отдѣльных монографій по исторіи монастырей и храмов.

Отдѣл мыслителей и философов. — Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. Сочиненія славянофилов — Кирѣевскій, Самарин, Данилевскій, Катков, и западников — Радищев, Тургенев, Герцен, Грановскій, Бѣлинскій. Мыслители нашей эпохи — кн. Трубецкой, Лосскій, Новгородцев, Бердяев.

Отдѣл юридическій. — Исторія русского права: труды Неволлина, Побѣдоносцева, Сергѣевича, Владимірскаго - Буданова. Свод Законов Россійской Имперіи. Учебники и изслѣдованія по гражданскому и уголовному праву. Совѣтское законодательство и работы по совѣтскому праву.

Спеціальные отдѣлы книг по исторіи русской революціи, гражданской войнѣ, совѣтской власти, масонству, шахматной игрѣ, книг дѣтских, учебных пособій, словарей.

На всѣ запросы даются немедленно исчерпывающіе отвѣты.

SOCIETE PARISIENNE D'IMPRESSIONS

Au Capital de 300.000 francs

4 et 5, Rue Saulnier, PARIS (9°). Tél. Prov. 78-16, 78-17.

ОБЩЕСТВО ПАРИЖСКОЙ ПЕЧАТИ

Директор О. ЗЕЛЮК.

принимает

ТИПОГРАФСКИЯ РАБОТЫ НА ВСѢХ ЯЗЫКАХ

Книжный склад
Т-во Объединенных Издателей
« LES EDITEURS REUNIS »
29, rue Saint-Didier, Paris XVIe.
Tél. Passy 18-13.

КЛАССИКИ

ПОЭЗИЯ

БЕЛЛЕТРИСТИКА

ИСКУССТВО

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ

ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

ПОЛИТИКА, МЕМУАРЫ, ИСТОРИЯ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, МАТЕМАТИКА

ТЕХНИКА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

У Ч Е Б Н И К И

С Л О В А Р И

РЕГУЛЯРНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ВСѢХ НОВИНОК.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно.

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“

ежемѣсячный журнал

Адрес Редакціи и Конторы:

«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.

Tél.: Archives 43-98. — Ch. Post. 2221.68 Paris.

Подписка на журнал принимается в почтовых отдѣленіях, в конторѣ журнала, в отдѣленіях газеты «Послѣднія Новости» во Франціи и за границей и в русских книжных магазинах всѣх стран.

Подписная цѣна:

	во Франціи	В странах с пониж. почт. тарифом *).	В странах с полным почт. тарифом
На 3 мѣсяца	35 фр.	амер. \$ 1.50	амер. \$ 1.80
На 6 мѣсяцев	65 фр.	амер. \$ 2.75	амер. \$ 3.25
На 12 мѣсяцев	125 фр.	амер. \$ 5.00	амер. \$ 6.00

Всего дешевле и удобнѣе подписываться на «Русскія Записки» в почтовых отдѣленіях. Нижеслѣдующія страны принимают абонемента на «Русскія Записки» в своих почтовых отдѣленіях: Австрія, Бельгія, Венгрія, Германия, Данія, Данциг, Италия и ея колоніи, Латвія, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегія, Португалія и ея колоніи, Финляндія, Франція и Марокко, Румынія, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія.

Заграничные подписчики, подписываясь у себя на почтѣ, в вышеуказанных странах, платят по курсу дня ту же (болѣе низкую) цѣну, которая установлена для подписчиков, проживающих во Франціи.

В случаѣ, если в почтовом отдѣленіи внѣ Франціи еще не окажется свѣдѣній о «Русских Записках», надо настоять, чтобы это почтовое бюро снаслось с парижской почтой для установленія цѣны. Ответ из Парижа послѣдует незамедлительно.

Продажа отдѣльных номеров производится в конторѣ журнала и в русских книжных магазинах по цѣнѣ:

во Франціи	18 фр.
в странах с понижен. почт. тарифом	ам. \$ 0.70
в странах с полным почт. тарифом	ам. \$ 0.80

Подписчикам «Послѣдних Новостей», при обращеніи непосредственно в редакцію, журнал предоставляется по льготной цѣнѣ:

Во Франціи	12 фр. за номер
В страны с понижен. почт. тарифом	ам. \$ 0.50 » »
В страны с полным почт. тарифом	ам. \$ 0.60 » »

Заказы, деньги и корреспонденцію просят направлять по адресу:
«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.
Там же приемъ об'явленій.

Годовые и полугодовые подписчики «Послѣдних Новостей» могут получить бесплатно одну книжку журнала для ознакомленія; просьбу о высылкѣ адресовать в контору «Р. З.», с указаніем номера бандероли.

*) Страны с понижен. почт. тар.: Австрія, Аргентина, Бельгія, Бразилія, Болгарія, Венгрія, Германия, Голландія, Греція, Испанія, Канада, Конго (бельг.), Латвія, Литва, Мексика, Парагвай, Персія, Португалія и ея колоніи, Румынія, Турція, Урагвай, Финляндія, Швейцарія и Эстонія.

Адрес Редакции и Конторы:
« ANNALES RUSSES », 51, rue de Turbigo, PARIS (3°).